

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 15, № 4, 2024

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2024

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Германия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 23.12.2024

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 15, No. 4, 2024

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2024

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Wang Jiaying, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 23.12.2024

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2024

Содержание

Андреев В.С. <i>Соотношения характеристик синтаксического переноса в гражданской лирике Дж.Г. Уиттьера</i>	7
Борботько Л.А. <i>Телеграм-канал о театре как креативный инструмент самоидентификации критика</i>	19
Гаспарян Г.Р. <i>Внетекстовая информация как важный компонент художественной коммуникации</i>	34
Гурова Е.А. <i>Маркеры вежливости <i>venligst, gerne</i> и <i>please</i> в датском языке</i>	52
Денисова Г.В., Гусейнова И.А., Горожанов А.И. <i>Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетно-го дискурса 2023–2024 гг.)</i>	67
Мухина Н.Б., Иванова С.В. <i>Особенности передачи семантики цели в современном английском языке в свете лексикографических данных и систем <i>BigData</i></i>	79
Николаева М.Н., Ефименко Т.Н. <i>Модальные операторы гипотетичности как средства воздействия в газетно-публицистическом дискурсе</i>	99
Петросян М.М., Киселева Л.А. <i>Специфика репрезентации категории эмотивности в русско-и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей)</i>	109
Сүлейманова О.А., Соколова А.В. <i>Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция</i>	123

Contents

Andreev V.S. <i>Interrelation of characteristics of enjambement in the lyrics by John Greenleaf Whittier devoted to the struggle for Civil rights</i>	7
Borbotko L.A. <i>Theatre Telegram channel as a digital tool for creating critic's digital identity</i>	19
Gasparyan G.R. <i>Extratextual information as an integral part of literary communication</i>	34
Gurova E.A. <i>Politeness markers venligst, gerne and please in the Danish language</i>	52
Denissova G.V., Guseynova I.A., Gorozhanov A.I. <i>Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024)</i>	67
Mukhina N.B., Ivanova S.V. <i>Semantics of goal in modern English via lexicographic data and BigData systems</i>	79
Nikolaeva M.N., Efimenko T.N. <i>Hypothetic modal operators as the means of influence in English newspaper-publicist discourse</i>	99
Petrosian M.M., Kiseleva L.A. <i>Specificity of representation of the category of emotiveness in Russian and English media medical discourse (based on the material of doctors' blogs)</i>	109
Suleimanova O.A., Sokolova A.V. <i>Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?</i>	123

Научная статья

УДК 811'32

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15401>

EDN: <https://elibrary/DIZFTX>

СООТНОШЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СИНТАКСИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ ДЖ.Г. УИТТЬЕРА

В.С. Андреев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ vadim.andreev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее ярких признаков индивидуально-авторского стиля в поэзии – синтаксического, или стихотворного, переноса (enjambement). В фокусе внимания – особенности этого сильного приема остраннения в гражданской лирике известного американского поэта-романтика Джона Гринлифа Уиттьера. Для традиционно выделяемых трех типов синтаксического переноса рассматриваются сила синтаксических связей, разрываемых межстиховой паузой, и расстояние между разделенными в переносе словами. Поставленная задача – установить взаимосвязи между признаками переноса и выявить закономерности его построения – решается с помощью корреляционного анализа (мера Коула). Полученные данные демонстрируют как взаимообусловленность характеристик, так и наличие ограничивающих сочетаемость признаков зависимостей. Выявлены корреляционные плеяды – группы связанных признаков, свидетельствующие о наличии своего рода моделей использования синтаксического переноса, когда выбор осуществляется автором не между отдельными атомарными признаками, а сразу между целыми комплексами. Ведущей тенденцией является компенсация: поэт ограничивает экспрессивность синтаксических переносов, избегая совместного использования информационно нагруженных форм различных характеристик переноса.

Ключевые слова: синтаксический перенос, enjambement, синтаксическая связь, тип переноса, дистантность лексики, корреляционный анализ, Уиттьер.

Для цитирования: Андреев В.С. Соотношения характеристик синтаксического переноса в гражданской лирике Дж.Г. Уиттьера // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.15401

INTERRELATION OF CHARACTERISTICS OF ENJAMBEMENT IN THE LYRICS BY JOHN GREENLEAF WHITTIER DEVOTED TO THE STRUGGLE FOR CIVIL RIGHTS

V.S. Andreev

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

 vadim.andreev@yandex.ru

Abstract. The paper discusses one of the most vivid features of author's individual style in poetry – enjambement. The investigation is focused on the characteristics of this estrangement device in the lyrics by John Greenleaf Whittier devoted to the struggle for Civil rights and abolition of slavery. In the three traditionally singled out types of enjambement the tightness of syntactic links, which are divided by the pause between the lines, and the distance between the words separated in the enjambement are measured. The aim of the study – to establish the interrelation between the characteristics of enjambement and reveal the tendencies in its structure – is achieved with the help of correlation analysis (Cole coefficient). The obtained results show both positive interrelation of features and the presence of negative coefficients limiting the combinability of characteristics. Clusters of correlations were singled out – groups of interrelated characteristics which point at the existence of models in the use of enjambement, i.e. the author does not make a choice of separate features but chooses between whole sets of features. Compensation is the major tendency: the poet limits the emotional charge of enjambements by avoiding joint use of characteristics with great information load.

Keywords: enjambement, syntactic link, type of enjambement, distance between words, correlation analysis, Whittier.

Citation: Andreev V.S., Interrelation of characteristics of enjambement in the lyrics by John Greenleaf Whittier devoted to the struggle for Civil rights, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.15401

Введение и постановка проблемы

Среди признаков индивидуального стиля в стихотворном тексте одним из наиболее ярких является использование поэтом различных форм *стихотворного (синтаксического) переноса* (СП) – enjambement. Перенос является результатом несовпадения синтаксического и ритмического членения текста на сопоставимые отрезки – строки, и традиционно рассматривается в стиховедении как один из важнейших специфических для поэзии стилистических приемов [1–4 и др.].

В зависимости от соотношения роли двух основных параметров переноса – смещения паузы из конца строки в ее середину и силы разрываемой при этом синтаксической связи – можно в общем виде обозначить два подхода к выделению переносов в тексте.

В случае придания большего веса синтаксическим связям перенос присутствует тогда, когда разрываемая связь между словами в разных строках (вертикальная) сильнее, чем в строке (горизонтальная), причем самой внутрискладовой паузы может и не быть [5]. Другой подход отдает приоритет именно факту смещения паузы с конца строки внутрь этой же или другой строки. В этом случае перенос определяется независимо от характера синтаксических связей в обеих строках и между строками [6].

В нашей работе мы следуем второму из указанных подходов, так как он соответствует самой сути переноса как перемещения паузы вглубь строки.

Поскольку перенос нарушает привычный изоморфизм ритмической, синтаксической и смысловой структуры фразы, он является сильным приемом остраннения – деавтоматизации восприятия.

Спектр эффектов, вызываемых переносом, а следовательно, и функций, им исполняемых, очень широк. Так, СП является средством вертикальной организации текста, привносит эффект обманутого ожидания и, как указывалось выше, является инструментом остраннения. Использование СП приводит к расчленению информационного фокуса высказывания. Как отмечает И.В. Романова, «стих, традиционно „утяжеляющийся“, семантизирующийся вправо, по направлению к своему концу (благодаря, в первую очередь, рифме или ее ожиданию, а также композиционной выделенности), семантически „уравновешивается“ слева, в своем начале... в фокусе находятся оба слова, связанные синтаксически, но разорванные стихотворными единицами – строками» [7, с. 259–260].

Различные аспекты СП рассматривались в целом ряде исследований в плане его структурных и семантических особенностей: стилистических и прагматических функций, тенденций его использования во времени, частоты использования различных видов переноса и их соотношения в текстах различных авторов и целых школ и направлений [6–11]. Вместе с тем при столь значительном внимании, уделяемом анализу синтаксического переноса, следует отметить, что значительно меньше внимания уделяется взаимосвязи различных характеристик в рамках самого СП. Однако, как показывает опыт целого ряда исследований, анализ соотношения признаков лингвистических объектов позволяет выявить закономерности их строения и тенденции развития, не фиксируемые при непосредственном наблюдении [12–15].

Задачей данного исследования является анализ использования данного стилистического приема в творчестве видного американского поэта-романтика Джона Гринлифа Уиттьера, с учетом взаимосвязей и взаимозависимостей между различными параметрами синтаксического переноса и оценки силы этих зависимостей.

Материал и методы исследования

Материалом стала гражданская лирика Уиттьера [16]. К анализу было привлечено его 35 лирических стихотворений, написанных ямбом и имеющих длину не менее 12 и не более 80 строк. Выбор данной тематики объясняется тем, что именно в произведениях о борьбе за гражданские права, в том числе права рабов, он достиг вершин своего творчества и стал известен. Кроме того, такой выбор материала обеспечивает его однородность как в формальном, так и в содержательном планах. Общий объем текстов составил более 1200 строк.

Вслед за традицией в данном исследовании используется трехчастная классификация синтаксических переносов. Ими являются реже (*rejet*), контр-реже (*contre-rejet*) и дубль-реже (*double-rejet*).

В случае *реже* (РЖ) синтаксическая пауза смещается с конца стиха на следующую строку:

Along our line a *murmur* runs
Of song, and praise, and grateful thanks.
(Paean)

При *контр-реже* (КР) пауза смещается с конца стиха в среднюю часть первой строки:

God bless New Hampshire! *from her granite peaks*
Once more *the voice of Stark and Langdon speaks*.
(New Hampshire)

Наконец, при типе переноса *дубль-реже* (ДР) синтаксические паузы имеются в обоих стихах при отсутствии паузы в конце первого из них:

Knowing his deeds of love, men *questioned not*
The faith of one whose walk and word were right
(Daniel Neall)

Опираясь на схему силы синтаксических связей, разработанную М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой [17, с. 182 и сл.], мы рассматриваем в этой статье следующие четыре группы разрываемой СП синтаксических связей. Ниже они приводятся в порядке убывания тесноты.

Сверхсильная связь (СВС) наблюдается между частями составного сказуемого, внутри предложно-именной группы. В дальнейшем для обозначения этого типа связи мы также будем использовать сокращение ПС. Кроме того к сверхсильным относится *атрибутивная связь* (АТР):

And grant, O Father! that the *time*
Of Earth's deliverance may be near
(Hymn "O thou, whose presence went before...")

Across the waters, goads our *slow*
Progression towards the right and true.
(The Freed Islands)

К *тесным* (ТС) относится объектная связь при прямом и косвенном *дополнениях* (ДПЛ):

Satan is modest. At Heaven's door he *lays*
His evil offspring, and, in Scriptural phrase
(Official Piety)

Like those who battled not in vain
For England's Charter, Alfred's law
(For Righteousness' Sake)

Связи средней силы (СРС) включают *обстоятельную связь* (ОБС) и *предикативную связь* (ПР):

"Great peace in Europe! Order *reigns*
From Tiber's hills to Danube's plains!"
(The Peace of Europe)

I fain would thank Thee that my mortal *life*
Has reached the hour (albeit through care and pain)
(What of the Day?)

Слабая связь (СЛС) наблюдается между *однородными членами* (ОЧ):

O'er fields of corn by fiery sickles *reaped*
And left dry ashes; over trenches heaped
(Disarmament)

Drags others down. Let us not weakly *weep*
Nor rashly threaten. Give us grace to keep
(A Word for the Hour)

Еще одним важным параметром в СП является расстояние между синтаксически связанными словами, разделенными межстроковой паузой. В нашем исследовании используются два вида расстояний – *контактные* (КНТ) и *дистантные* (ДСТ) удаленные расположения. В первом случае

между словами с разрывающей связью других слов нет. Во втором случае между такими словами находится одно или несколько слов, а иногда и целая строка.

СП с контактным расположением слов обладает меньшей стилистической нагруженностью:

Statesman, I thank thee! and, if yet *dissent*
Mingles, reluctant, with my large content
(To William H. Seward)

Более удаленное расположение слов обеспечивает и более сильное остраннение:

But now I see it! *In the sun*
A free flag *floats* from yonder dome
(Astraea at the Capitol)

The man of peace, *about whose dreams*
The sweet millennial angels *cluster*
(The Haschish)

Признаки, используемые в нашем исследовании, являются не количественными, а качественными (дихотомия по наличию / отсутствию признака). Количественный аспект вступает в силу при подсчете единиц, обладающих данным признаком.

Выявление соотношений между номинальными дихотомическими признаками проводилось в достаточно большом количестве исследований. Так, методика корреляционного анализа была системно применена в работах по исследованию межуровневых соотношений глаголов в современном английском языке. Это позволило авторам получить важные данные о соотношении признаков и сделать ценные выводы о механизме взаимодействия элементов языковой системы [18]. Важные и интересные результаты были получены при сопоставлении стиля разных авторов и динамики изменения стиля у одного и того же автора во времени [19]. В этих исследованиях в качестве меры связи для выявления сопряженности качественных дихотомических признаков использовался коэффициент корреляции Пирсона для качественных признаков. Однако в связи с рядом недостатков этой меры, которые заключаются в некотором занижении значений при большом различии величины соотносимых классов, в настоящей работе предпочтение было отдано коэффициенту Коула, который позволяет получить более точную оценку меры связи двух признаков, различающихся по степени представленности [20, 21]. Широкое применение этой меры сопряженности качественных дихотомических признаков имеет место в работах С.Н. Андреева и его учеников¹.

Значение этого коэффициента вычисляется с использованием формул, предложенных Коулом, который их вывел на основе модифицированного для качественных признаков коэффициента ассоциации Пирсона [22] (см. также [20]). Детальный анализ мер связи для качественных признаков показал целесообразность и возможность их использования на речевом и языковом материале, объем которого превышает 50 наблюдений [20]. При количестве наблюдений меньше 50 предлагается использовать особые способы оценки статистической значимости результатов [20, с. 155], которые в этом исследовании не используются в связи с превышением указанного количественного порога наблюдений (более 200 случаев переноса на материале 1237 строк):

¹ Андреев С.Н. Проблемы многомерной классификации языковых единиц (соотношения формальных признаков английских и русских глаголов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: ЛГУ, 1990. 30 с.

$$C = \frac{ad - bc}{(a+b)(b+d)}, \quad \text{если } ad \geq bc \text{ и } (a+b) \leq (a+c);$$

$$C = \frac{ad - bc}{(a+b)(a+c)}, \quad \text{если } ad < bc \text{ и } a \leq d;$$

$$C = \frac{ad - bc}{(b+d)(c+d)}, \quad \text{если } ad < bc \text{ и } a > d,$$

где a – все единицы, обладающие обеими характеристиками x и y ; b – единицы, у которых имеется только один из признаков – x , но отсутствует другой признак y ; c – единицы, у которых имеется только признак y и отсутствует признак x ; d – все остальные единицы, т.е. те, которые не обладают ни одним из указанных признаков x или y .

Значение этого коэффициента находится в диапазоне от минус до плюс единицы. В общем виде, чем ближе значение коэффициента к единице, тем более выражена зависимость. Однако результаты многочисленных вычислений корреляций между признаками лингвистических единиц (около 100 тыс. корреляций между разноуровневыми и разноаспектными признаками слов в английском и русском языках) показали, что в языке вряд ли стоит ожидать высоких значений² [18 и др.]. Поэтому при установлении соотношений между признаками здесь имеет смысл учитывать относительно небольшие по величине, но статистически значимые зависимости, которые сигнализируют об имеющих место тенденциях.

Положительные значения свидетельствуют о том, что соотносимые признаки взаимно обуславливают друг друга. При отрицательном значении коэффициента корреляции признаки отражают некоторую степень несовместимости. Оценка статистической значимости коэффициентов корреляции производится по следующим формулам, предложенным Коулом [22]:

$$\text{для } ad \geq bc \text{ и } (a+b) \leq (a+c) \quad \sigma_c = \pm \sqrt{\frac{(a+c)(c+d)}{n(a+b)(b+d)}};$$

$$\text{если } ad < bc \text{ и } a \leq d \quad \sigma_c = \pm \sqrt{\frac{(b+d)(c+d)}{n(a+b)(a+c)}};$$

$$\text{если } ad < bc \text{ и } a > d \quad \sigma_c = \pm \sqrt{\frac{(a+b)(a+c)}{n(b+d)(c+d)}}.$$

В нашей работе принимается пороговое значение $p = 0,01$. Для $p = 0,01$ с числом степеней свободы, равным бесконечности, $t_{st} = 2,58$. Это означает, что все коэффициенты корреляции статистически значимы при $|C| \geq 2,58\sigma_c$.

Следует отметить, что коэффициент корреляции Коула отражает взаимодействие двух соотносимых признаков (т.е. является двунаправленным). Тогда в случае наличия корреляции признаков каждый из них может быть факторным и каждый результативным.

² Андреев С.Н. Проблемы многомерной классификации языковых единиц (соотношения формальных признаков английских и русских глаголов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: ЛГУ, 1990. 30 с.

Результаты

Подсчет случаев стихотворного переноса показывает, что наиболее распространенным в стихах Уитгера является перенос ДР (46,5%), который не уступает по частоте использования КР (41,7%) и даже несколько превышает его, что, как будет сказано ниже, выбивается из общей тенденции. Перенос РЖ встречается наиболее редко – только в 11,8% случаев.

Таким образом, доля переноса ДР, в наибольшей степени нарушающего параллелизм синтаксиса и ритмо-метрической структуры стиха, в гражданской лирике Уитгера меняется местами с КР, отклоняясь от наиболее типичного для стихотворной речи распределения частоты переносов (КР – ДР – РЖ), описанной на материале ряда произведений английской, русской и немецкой поэзии [6]. Наиболее вероятным объяснением является содержательная сторона анализируемой лирики, посвященной крайне актуальным вопросам политической борьбы в США XIX века и зачастую содержащей призывы к действию.

Сила связи в переносе распределена по типам переноса следующим образом. Наиболее типичной оказалась связь средней силы (47,4%), на втором месте идет тесная связь (30,7%), затем следуют сверхсильная (16,2%) и слабая (5,7%) связи.

Соотношение типов переноса и силы разрываемой ими связи представлено в табл. 1. Соотношение типа переноса и вида разрываемой синтаксической связи приводится в табл. 2. Статистически значимые корреляции выделены шрифтом.

Таблица 1. Соотношение типа переноса и силы разрываемой синтаксической связи
Table 1. The ratio of the type of transfer and the strength of the broken syntactic connection

Тип переноса	СВС	ТС	СРС	СЛС
РЖ	0,16	-0,16	-0,22	0,04
КР	-0,09	-0,07	0,10	-0,26
ДР	-0,13	0,09	-0,04	0,14

Таблица 2. Соотношение типа переноса и вида разрываемой синтаксической связи
Table 2. The relationship between the type of transfer and the type of broken syntactic connection

Тип переноса	ПС	АТР	ДПЛ	ПР	ОБС	ОЧ
РЖ	-1,00	0,23	-0,16	0,00	-0,42	0,04
КР	0,57	-0,52	-0,07	0,04	0,11	-0,26
ДР	-0,46	0,03	0,09	-0,05	-0,04	0,14

Привлекает внимание система зависимостей между типом переноса и его силой. Перенос РЖ положительно связан с разрывом сверхсильной синтаксической связи, при этом исключительно атрибутивной (коэффициент корреляции равен 0,23), в то время как разрыв связи другого, более низкого уровня тесноты для него не типичен. Так, у него наблюдается отрицательная корреляция с признаком «разрыв связи средней силы», а остальные соотношения с параметрами силы связи статистически незначимы.

С другой стороны, в отличие от РЖ перенос КР положительно связан именно с разрывом связи средней силы, образуя оппозицию РЖ по этому параметру. У ДР типы связи распределены равномерно за исключением ПС. Здесь также возникает оппозиция КР, с одной стороны, и ДР, с другой.

Такое распределение, при котором сложность переноса для восприятия и сила связи обратно пропорциональны, можно объяснить механизмом компенсации: менее сложный для восприятия тип переноса (КР) разрывает более сильные связи, увеличивая информационную ценность ритмико-синтаксического перебора. Следует отметить, что выявление данной закономерности не является логически имплицитным и заведомо ожидаемым. Существует и обратный способ реализации речевых явлений – усиление, при котором автор производит конвергенцию сложных, информационно нагруженных явлений и языковых единиц с целью достичь большего художественного эффекта.

Следует проверить, проявляется ли тенденция к компенсации в других случаях. Рассмотрим корреляции между типом переноса и удаленностью слов, связь между которыми разрывает перенос (табл. 3). В ней приводятся данные относительно соотношений типов переносов и контактного расположения слов с разрываемой связью. Признак дистантности дает те же значения, но с противоположным знаком.

Таблица 3. Соотношение типов переносов и КНТ
Table 3. The ratio of types of transfers and CST

Тип переноса	КНТ
РЖ	–0,37
КР	–0,11
ДР	0,17

Анализ взаимосвязей этого признака также демонстрирует реализацию компенсаторных механизмов. Более легкое для восприятия контактное расположение слов положительно коррелировано с ДР, большая удаленность слов характерна для РЖ и КР.

До сих пор рассматривались соотношения типов переноса с другими характеристиками. Рассмотрим теперь соотношения признаков дистантности слов и силы связи.

Таблица 4. Соотношения расстояния между разрываемыми словами и силы связи
Table 4. The ratio of the distance between the words being torn and the strength of the connection

Сила разрываемой связи	КНТ
СВС	0,08
ТС	–0,28
СРС	0,18
СЛС	–0,57
Тип связи	КНТ
АТР	0,13
СВ	–0,06
ДП	–0,28
ПР	0,26
ОБ	–0,03
ОЧ	–0,57

Судя по данным табл. 4, сверхсильная связь не имеет зависимости с расположением разрываемых слов, зато остальные виды связи имеют. Здесь образуется оппозиция между средней по силе связью, с одной стороны, и тесной и сверхслабой связью, с другой. То, что для слабой связи

допустима и даже более характерна удаленность слов, выглядит вполне естественно. Однако отрицательная корреляция КНТ с тесной связью является несколько неожиданной.

Соотношение типов переносов с типами разрываемых синтаксических связей показывает своего рода «разделение труда»: атрибутивная связь типична для РЖ и нетипична для КР; связь между частями составного сказуемого, напротив, положительно связана с КР и негативно с РЖ. Аналогичным образом обстоятельственная связь имеет положительный коэффициент с КР и отрицательный с РЖ. У ДР только одна значимая корреляция, отражающая негативную взаимосвязь с разрывом составного сказуемого $-0,46$).

На первый взгляд, не вполне укладывается в эту схему негативная взаимосвязь контактного расположения и разрыва тесной связи. Вместе с тем следует учитывать, что тесная связь является, во-первых, не самой сильной из рассматриваемых, а во-вторых, на распределение лексики влияют и другие факторы, которые могут оказаться более важными. В-третьих, наличие тесной связи само по себе слабо интегрировано в систему характеристик, обладает минимальным числом корреляций с другими признаками.

Наконец, полностью подтверждает роль компенсации как основы системы синтаксического переноса Уиттьера значительный коэффициент корреляции контактного расположения разрываемых слов и слабости синтаксической связи $(-0,57)$.

Используя все корреляционные отношения трех типов переносов с другими признаками, рассмотренные выше, можно заметить наличие определенных групп. Так, РЖ позитивно связан с признаками АТР, СВС и ДСТ. Тип КР имеет положительные корреляции с признаками СРС, ДСТ, ПС и ОБС. Тип переноса ДР имеет положительную корреляцию только с признаком КНТ. В то же время каждый тип переноса имеет негативные зависимости с признаками, связанными с другими СП. Так, РЖ имеет три негативные зависимости с признаками, ассоциирующимися с КР, и одну отрицательную корреляцию с признаком КНТ. КР отрицательно связан с двумя признаками из группы РЖ и с одним признаком ДР. ДР в свою очередь имеет по одной негативной зависимости с признаками РЖ и КР. Таким образом, здесь выделяются три корреляционные плеяды, которые достаточно четко структурируют поле переноса. При этом наиболее частотный тип ДР является наименее маркированным в плане рассмотренных межуровневых соотношений, а РЖ и КР образуют оппозицию.

Заключение

Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на характеристики стиля Уиттьера и причины критики, высказывавшейся порой в адрес гражданской лирики поэта.

Эти данные позволили вскрыть ряд скрытых зависимостей между признаками синтаксического переноса, выявить группы взаимосвязанных признаков, определить ведущую тенденцию и сделать предположения о факторах, ее обусловивших. Так, каждый из типов переноса связан с рядом разноуровневых признаков: перенос реже – с использованием дистантной сверхсильной, особенно атрибутивной синтаксической связи; в контр-реже автор задействует дистантные связи средней силы, чаще обстоятельственную связь, а также связь между частями составного сказуемого и внутри предложно-именной группы; для дубль-реже характерно контактное расположение синтаксически связанных слов.

В стихах, призывающих к изменению важнейших государственных установлений, наиболее сильно выражена тенденция к компенсации. Вместо повышения экспрессивности Уиттьер смягчает выразительность этой ритмико-синтаксической фигуры, хотя можно было бы ожидать, что в стихах, прямо затрагивающих актуальные и очень серьезные вопросы политической жизни страны, поэт будет усиливать эмоциональный заряд. Интересно, что выявленная тенденция соотносится с известными нам чертами личности автора. По отзывам непосредственно знавших его людей, Уиттьер был сдержанным человеком с поистине железным самоконтролем. В молодости,

живя в бедности, он планировал жизнь на месяцы вперед и скрупулезно следовал этому плану, не превышая рассчитанных заранее расходов ни на цент [23].

Дальнейшим направлением исследования может стать как сопоставительный анализ стиля Уиттьера в области синтаксического переноса с творчеством других американских поэтов-романтиков, так и сопоставление с системой переносов, установленной в русской литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Гаспаров М.Л.** Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 488 с.
2. **Матяш С.А.** Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии (очерки теории и истории). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 464 с.
3. **Москвин В.П.** Стиховой перенос и стиховое членение (к разграничению понятий) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 1. С. 34–52. DOI: 10.31857/S241377150003921-6
4. **Тарановский К.** О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
5. **Матяш С.А.** Еще раз о проблеме выявления стихотворных переносов (enjambement) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 26–33.
6. **Баевский В.С., Новикова М.С., Романова И.В.** Синтаксический перенос (ENJAMBEMENT) // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2004. № 3. С. 5–11.
7. **Романова И.В.** Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.
8. **Вороневская Н.В.** Стихотворные переносы (enjambements) в поэзии Р.М. Рильке и особенности их отражения в английских переводах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 47–59. DOI: 10.17223/19986645/65/3
9. **Schauffler N., Schubö F., Bernhart T., Eschenbach G., Koch J., Richter S., Viehhauser G., Vu Th., Wesemann L., Kuhn J.** Prosodic realisation of enjambment in recitations of German poetry // Proceedings of Conference: Speech Prosody 2022. Lisbon, 2022. P. 530–534. DOI: 10.21437/SpeechProsody.2022-108
10. **Delente É.** Can Relationships between Rhythm and Meaning in French Versified Poetry be Automated? // Computational Stylistics in Poetry, Prose, and Drama / ed. by A.-S. Bories, P. Plecháč, P. Ruiz Fabo. Berlin, Boston: De Gruyter, 2022. P. 99–116. DOI: 10.1515/9783110781502-006.
11. **Delente É.** La dimension textuelle du rythme: Étude chez Verlaine // Stylistique & méthode: Quels paliers de pertinence textuelle? Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2018. P. 151–167.
12. **Андреев В.С.** Эволюция образной системы Владимира Набокова: квантитативный анализ // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 1. С. 11–20. DOI: 10.18721/JHSS.14102
13. **Ковалев Б.В.** О некоторых квантитативных подходах к периодизации поэтических текстов Хорхе Луиса Борхеса // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 36–48. DOI: 10.18721/JHSS.15103
14. **Хохлова М.В.** Статистические методы в лексикографических исследованиях: представление частотной лексики // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 80–93. DOI: 10.18721/JHSS.14307
15. **Andreev S.** Syllabic Identity of Verse Lines in Russian Long Poems: Skinner's Hypothesis // Glottometrics. Iss. 48. 2020. Pp. 1–8.
16. **Whittier J.G.** The complete poetical works of John Greenleaf Whittier. Boston, New York: Houghton, Mifflin & Company, 1904. 541 p.
17. **Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В.** Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.
18. **Сильников Г.Г., Андреев С.Н., Кузьмин Л.А., Кусков М.И.** Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке. Минск: Наука и техника, 1990. 182 с.
19. **Романова И.В., Павлова Л.В., Андреев С.Н., Андреев В.С.** «И цифры как-то сходятся в слова»: поэзия И. Бродского в фокусе квантитативной филологии. СПб.: Издательство РХГА, 2023. 328 с.
20. **Тулдава Ю.А.** Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1988. Вып. 827: Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. С. 146–162.
21. **Sneath P.H.A., Sokal R.R.** Numerical taxonomy // Nature. 1962. Vol. 193. P. 855–860.

22. **Cole L.C.** The measurement of Interspecific Association // *Ecology*. 1949. Vol. 30, no. 4. P. 411–424.

23. **Woodwell R.H.** John Greenleaf Whittier: a biography. Haverhill: Trustees of John Greenleaf Homestead, 1985. 636 p.

REFERENCES

[1] **Gasparov M.L.**, *Sovremennyy russkiy stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: Metrics and rhythm], Nauka, Moscow, 1974.

[2] **Matyash S.A.**, *Stikhotvornyy perenos (enjambement) v russkoy poezii (ocherki teorii i istorii)* [Poetic transference (enjambement) in Russian poetry (essays on theory and history)], Herzen University, St. Petersburg, 2017.

[3] **Moskvin V.P.**, *Enjambment and Verse Segmentation (on the Aspects of Terminology)*, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 78 (1) (2019) 34–52. DOI: 10.31857/S241377150003921-6

[4] **Taranovskiy K.**, *O poezii i poetike* [About poetry and poetics], *Yazyki russkoy kultury*, Moscow, 2000.

[5] **Matyash S.A.**, *Yeshche raz o probleme vyavleniya stikhotvornykh perenosov (enjambement)* [Once again about the problem of identifying poetic enjambements], *Vestnik of the Orenburg State University*, 11 (186) (2015) 26–33.

[6] **Bayevskiy V.S., Novikova M.S., Romanova I.V.**, *Sintaksicheskiy perenos (ENJAMBEMENT)* [Enjambement], *Filologicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Philological Bulletin of Rostov State University], 3 (2004) 5–11.

[7] **Romanova I.V.**, *Poetika Iosifa Brodskogo: Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya* [Poetics of Joseph Brodsky: Lyrics from a communicative point of view], *Izd-vo SmolGU*, Smolensk, 2007.

[8] **Voronevskaya N.V.**, *Enjambements in Rainer Maria Rilke's Poetry and Their Peculiarities in English Translations*, *Tomsk State University Journal of Philology*, 65 (2020) 47–59. DOI: 10.17223/19986645/65/3

[9] **Schauffler N., Schubö F., Bernhart T., Eschenbach G., Koch J., Richter S., Viehhauser G., Vu Th., Wesemann L., Kuhn J.**, *Prosodic realisation of enjambment in recitations of German poetry*, *Proceedings of Conference: Speech Prosody 2022, Lisbon, 2022*, pp. 530–534. DOI: 10.21437/SpeechProsody.2022-108

[10] **Delente É.**, *Can Relationships between Rhythm and Meaning in French Versified Poetry be Automated?*, *Computational Stylistics in Poetry, Prose, and Drama*, ed. by A.-S. Bories, P. Plecháč, P. Ruiz Fabo, De Gruyter, Berlin, Boston, 2022, pp. 99–116. DOI: 10.1515/9783110781502-006

[11] **Delente É.**, *La dimension textuelle du rythme: Étude chez Verlaine, Stylistique & méthode: Quels paliers de pertinence textuelle?*, *Presses universitaires de Lyon*, Lyon, 2018, pp. 151–167.

[12] **Andreev V.S.**, *Evolution of Vladimir Nabokov's image system: quantitative analysis*, *Terra Linguistica*, 14 (1) (2023) 11–20. DOI: 10.18721/JHSS.14102

[13] **Kovalev B.V.**, *On certain quantitative approaches to periodization of Jorge Luis Borges's poetry*, *Terra Linguistica*, 15 (1) (2024) 36–48. DOI: 10.18721/JHSS.15103

[14] **Khokhlova M.V.**, *Statistical methods in lexicographic research: representing frequency vocabulary*, *Terra Linguistica*, 14 (3) (2023) 80–93. DOI: 10.18721/JHSS.14307

[15] **Andreev S.**, *Syllabic Identity of Verse Lines in Russian Long Poems: Skinner's Hypothesis*, *Glottometrics*, 48 (2020) 1–8.

[16] **Whittier J.G.**, *The complete poetical works of John Greenleaf Whittier*, Houghton, Mifflin & Company, Boston, New York, 1904.

[17] **Gasparov M.L., Skulacheva T.V.**, *Stati o lingvistike stikha* [Articles about the linguistics of verse], *Yazyki slavyanskoy kultury*, Moscow, 2004.

[18] **Silnikiy G.G., Andreyev S.N., Kuzmin L.A., Kuskov M.I.**, *Sootnosheniye glagolnykh priznakov razlichnykh urovney v angliyskom yazyke* [Correlation of multilevel verbal features in English], *Nauka i tekhnika*, Minsk, 1990.

[19] **Romanova I.V., Pavlova L.V., Andreyev S.N., Andreyev V.S.**, *“I tsifry kak-to skhodyatsya v slova”: poeziya I. Brodskogo v fokuse kvantitativnoy filologii* [“And the numbers converge into words”: the poetry of I. Brodsky in the focus of quantitative philology], *Izdatelstvo RKhGA*, St. Petersburg, 2023.

[20] **Tuldava J.**, On the Measurement of Correlation between Qualitative Features in Linguistics (1): Contingency of Alternative Features), Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, Quantitative Linguistics and Automatic Text Analysis, 827 (1988) 146–162.

[21] **Sneath P.H.A., Sokal R.R.**, Numerical taxonomy, Nature, 193 (1962) 855–860.

[22] **Cole L.C.**, The measurement of Interspecific Association, Ecology, 30 (4) (1949) 411–424.

[23] **Woodwell R.H.**, John Greenleaf Whittier: a biography, Trustees of John Greenleaf Homestead, Haverhill, 1985.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Андреев Вадим Сергеевич

Vadim S. Andreev

E-mail: vadim.andreev@ymail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7580-4386>

Поступила: 15.06.2024; Одобрена: 01.11.2024; Принята: 13.11.2024.

Submitted: 15.06.2024; Approved: 01.11.2024; Accepted: 13.11.2024.

Научная статья

УДК 808.1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15402>

EDN: <https://elibrary/JXJEFR>

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ О ТЕАТРЕ КАК КРЕАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КРИТИКА

Л.А. Борботько

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ ludmilaborbotko@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает лингвистические инструменты цифровой самоидентификации пользователей, которые трансформируются из homo lingualis в homo informaticus. Объектом исследования становятся цифровые платформы для межличностного общения и самореализации в медиасреде, в частности телеграм-каналы. В фокусе каналы профессиональной направленности, которые принадлежат театральному экспертному сообществу и имеют авторский или коллективный / анонимный характер, публикуя, в том числе, критические рецензии. В качестве основных методов были использованы контекстуальный анализ, прагматический анализ и дискурс-анализ. Целью исследования выступает анализ механизмов лингвистической репрезентации экспертности критика как цифровой личности, которая обладает анонимностью, автономностью, свободной навигацией в киберпространстве, субъективностью, множественностью идентичности и лингвокреативностью. Экспертность критика обусловлена его компетенцией и легитимностью, формирующими профессиональную репутацию. Обозначенная цель также предполагает рассмотрение театральной критики с позиции аксиологического развития общества в целом и театра в частности. Ценностный потенциал рецензии обусловлен репутацией профессионала, которая способствует росту рейтинга канала. Принципиальной задачей проводимого исследования стало выявление способов лингвистической самоманифестации профессионального критика, в частности посредством креативного наименования канала. Не менее значимым является анализ инструментов достижения аттрактивности транслируемой информации. Проведенное исследование позволило сделать вывод о репутации театрального критика как результате двустороннего взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: театральный дискурс; блог; критик; лингвокреативность; аттрактивность.

Для цитирования: Борботько Л.А. Телеграм-канал о театре как креативный инструмент самоидентификации критика // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 19–33. DOI: 10.18721/JHSS.15402

THEATRE TELEGRAM CHANNEL AS A DIGITAL TOOL FOR CREATING CRITIC'S DIGITAL IDENTITY

L.A. Borbotko

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation

 ludmilaborbotko@gmail.com

Abstract. The article regards the digital self-identification tools that contribute to converting users from homo lingualis into homo informaticus. The study considers various platforms for interpersonal communication and self-realization in the media environment, including telegram channels. The research focuses on professional telegram channels that belong to the theatrical expert community. They are either an explicit way of representing administrators' outlooks or of a collective / anonymous nature. In both cases, they publish critical reviews along with advising on other aspects of theatrical communication. The principal research methods include the ones of context, pragmatic and discourse analyses. The author aims at studying the linguistic algorithms of critic's self-representation, that contribute to positioning themselves as an expert and a digital personality characterized by anonymity, autonomy, free navigation in the cyberspace, subjectivity, multiple identities and linguistic creativity. The critic's expertise is determined by competence and legitimacy, which add to professional reputation. The framework of the study implied that theater criticism was seen as the one contributing to forming an axiological vector of societal development in general as well as the one that concerns theater in particular. The value potential of the review is largely due to the reputation of a professional, which enhances the growth of the channel's rating. The principal objective of the research was to determine the various forms of professional critic's self-manifestation. One of them is the following: through the creative name of the channel as an instrument of effective reputation management. What was of equal importance is the study of linguistic patterns for broadcasting information attractiveness. The researcher comes to the conclusion of theatre critic's reputation being the result of two-way interaction with the audience.

Keywords: theatre discourse; blog; critic; linguistic creativity; attractiveness.

Citation: Borbotko L.A., Theatre Telegram channel as a digital tool for creating critic's digital identity, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 19–33. DOI: 10.18721/JHSS.15402

Введение: постановка проблемы и методы исследования

Современные реалии стали символами принципиальных изменений научных парадигм, в том числе интерпретирующих содержание и развитие различных аспектов художественной культуры. Театр не стал исключением в этой ситуации. С момента своего зарождения он является отражением действительности, воплощая ее на сцене, отвечая за трансфер знаний и воплощение национального культурного кода. Следовательно, социокультурный контекст и происходящие общественные сдвиги не могли не явиться доминантой, изменившей театральное пространство [1, 2]. Отметим, что его справедливо трактовать, как динамический конструкт, возникающий «в результате освоения, преобразования человеком действительности и самого себя при помощи феноменов и институтов театральной культуры» [3, с. 59]. Другими словами, театр не ограничен физическими границами сцены и зрительного зала, но становится кросс-пространственным и кросс-темпоральным явлением. Последнее во многом объясняется цифровизацией искусства, медиатизацией и общим технологическим прогрессом, позволившим театру выйти в киберпространство.

Цифровизация, затронувшая все сферы человеческой деятельности, создает новые смыслы, что позволяет говорить о формировании «особого типа мышления» [4, с. 82], ставшего результатом измененного личного и коллективного бессознательного, и о появлении нового типа личности —

homo informaticus [5]. Цифровой тип личности самостоятельно создает собственную реальность в цифровом же контексте, добиваясь самоидентификации, в том числе в социальных сетях [6, с. 32].

В фокусе работы – актуальный вопрос идентификации и самопозиционирования цифровой личности, которая понимается как «особый тип личности, обусловленный ситуацией интернет-общения, влияющей на изменение уровней структуры личности» [7, с. 88]. При этом киберпространство создает тот особый коммуникативный контекст, который позволяет индивиду проявлять себя в качестве цифровой личности, инкорпорируя «информационные технологии для формирования собственной идентичности в медиапространстве» [8, с. 235] и участвуя в межличностной и межкультурной коммуникации в цифровой среде.

Проблемой, требующей решения, является анализ инструментов позиционирования и продвижения в цифровом контексте, обусловленных характерологическими признаками цифровой личности: свободный доступ к цифровому пространству, навигация в киберпространстве с целью самовыражения. Следствием свободного доступа является автономность и анонимность проявлений цифровой личности, которые воплощены в возможности конструирования множественной идентичности, а также открытого выражения субъективности. Множественная идентичность обусловлена мозаичностью современной культуры, «сложенной из множества соприкасающихся фрагментов», что является итогом «ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений», передаваемых через медиаканалы коммуникации [9, с. 44]. Значимой характеристикой цифровой личности, одновременно выступающей инструментом самопродвижения, является языковая креативность, образность, позволяющая достичь большей выразительности транслируемого сообщения и, соответственно, его аттрактивности, а также конструирования смыслов, их структурированности. Рассмотрению алгоритмов формирования лингвокреативного потенциала инструментов самопродвижения цифровой личности посвящена настоящая статья.

Одной из областей реализации креативного потенциала цифровой личности выступает цифровая медиасреда виртуального межличностного общения, ставшая инструментом социального воздействия благодаря оперативности и персонализации представляемой информации [10]. Телеграм-канал как составляющая медиакommunikации предполагает использование медиалекта – «языка в формате медиа» [11, с. 235], обусловленного функционированием в медийной сфере и востребованностью в различных социальных практиках. Отметим, что телеграм-канал как социальная коммуникативная практика отвечает задачам определенного сегмента цифрового и медиапространства, одновременно функционируя на пересечении дискурсов и дисциплин («некая виртуальная реальность, которая напала на все без разбору „институции“» [12, с. 200]). Настоящее исследование нацелено на рассмотрение телеграм-каналов профессиональной направленности, принадлежащих предметной области *театр*. Проводимый анализ публикаций театральных телеграм-каналов позволяет выявить механизмы их продвижения в медиапространстве, в том числе лингвистические инструменты самоидентификации и позиционирования автора / авторов, нацеленные на привлечение и удержание лояльной аудитории.

Основными исследовательскими методами стали контекстуальный анализ, прагматический анализ и дискурс-анализ. Контекстуальный анализ в приложении к эмпирическому материалу позволяет выявить контекстуальные значения, обнаруживающие себя посредством лингвистических и паралингвистических знаков и являющиеся примером, необходимым основанием для интерпретации передаваемого сообщения. Прагматический метод, в свою очередь, позволяет проследить взаимосвязь между текстом и коммуникативным поведением адресанта, коммуникативной ситуацией и реакцией адресата. Наконец, дискурс-анализ представляется наиболее эффективным исследовательским инструментом декодирования и интерпретации информационного сообщения, что позволяет автору спрогнозировать последующую реакцию аудитории.

Результаты исследования и обсуждение

Театр является ритуализованным и канонизированным институтом культуры, требующим наличия конкретных составляющих для собственного воплощения, в частности зрителей, без присутствия которых (в том или ином качестве) театральное действие теряет свою сущность. В то же время театр обладает гипертекстуальным характером, будучи представленным в различных дискурсивных форматах как в виртуальном, так и в реальном пространстве. В контексте цифровой коммуникации актуальным является использование различных платформ для межличностного общения и медиареализации, в том числе телеграм-каналов.

Телеграм-канал профессиональной направленности, в частности принадлежащий театральному экспертному сообществу, характеризуется такими факторами как:

- синкретичность / синтетичность форм представления информации, поликодовость (наличие текстов, которые сопровождаются мультимедийными материалами (фото, видео));
- клиповость (краткость и лаконичность телеграфного текста, адресованного конкретному индивиду);
- диалогичность (возможность оставлять комментарии и контактировать с автором сообщения);
- интерактивность и симультанность (стремление ко взаимодействию с аудиторией, в том числе в режиме онлайн);
- гипертекстуальность (нелинейность передачи и восприятия информационного сообщения).

Телеграм-канал представляет собой синергетическую социокультурную систему, интегрированную в социальную реальность и реагирующую на изменения окружающей действительности посредством собственных изменений [13].

Элементы структуры канала, обладая обозначенными релевантными свойствами, выполняют функцию самоидентификации и самопрезентации автора публикуемых текстов [10].

В фокусе проводимого исследования телеграм-каналы, относящиеся к области театрального дискурса, которые имеют как индивидуальный (обозначен автор канала), так и коллективный характер (канал журнала, сайта, редакции). В них публикуется информация о прошедших событиях или премьерных показах спектаклей в различных формах: в виде обзоров, анонсов, критических рецензий. Примерами подобных каналов являются:

- авторские (*Театральная Вешалка, Театроведение, Мам, я в театре, КультКвартира ХЛАМ, Что я видел, Мама, какая драма, Сказка о попé и механике, об искусстве и прочих бесах, Хочу пойти, Маша плохого не посоветует, Культурный консьерж, Хэллоу, Станиславский!, Беспартерная, И бутерброд с икрой, Просекко в антракте, Театральные вести с полей, Театрик*);
- коллективные / индивидуальные и анонимные (*Закулилка, Театрал, ТеатрЪ, Театральный журнал, Театр и академия, воспитание вкуса, Три сестры, Петербургский театральный журнал, Современный Театр, Про Театр Медиа, Невминкульт, БЕС КУЛЬТУРЫ, Про Театр Teatr.Pro*) и др.

Отметим, что театральная критика (теакритика – термин, появившийся в начале XX в. [14]) как социокультурный феномен, который в настоящее время переживает сущностные сдвиги, изначально принадлежала различным сферам человеческой деятельности: классическая литература, в рамках которой критические статьи были призваны «пропагандировать гуманистические идеалы» [15, с. 32], публицистика, журналистика, масс-медиа. Изначально теакритика должна была быть нацелена на предоставление объективной оценки тому или иному событию, была призвана аналитически осмыслить выраженное языком художественной образности. Более того, критическое осмысление увиденного на сцене, профессиональная рефлексия позволяют выстраивать некие векторы, находить ориентиры для дальнейшего перспективного развития общества в целом и театра в частности. Следовательно, критика транслирует представления об эстетической норме, формируя концепцию ценностных смыслов, переходя от социальной к художественной реальности [15, с. 34].

Формирование ценностных ориентиров возможно благодаря репутации критика и attractiveness публикуемого материала. При этом умение привлекать внимание аудитории и средства достижения attractiveness являются основой становления репутации автора критических статей. В первую очередь креативный потенциал наименования канала играет значимую роль, будучи одновременно «средством самоманифестации канала для установления контакта с пользователями, а с другой стороны – средством его локации среди микроблогов мессенджера» [16, с. 45]. Эффективная самопрезентация способствует увеличению количества читателей канала, что, в свою очередь, обуславливает его популярность и авторитет автора. В частности, просветительский канал о театре *Театральная Вешалка* (<https://t.me/teatrnayaveshalka>), создателем и администратором которого является социолог Г. Цицишвили, имеет более 27 000 подписчиков. Данный показатель значительно превосходит количество лояльной аудитории у других каналов смежной тематики (см., например, *Три сестры* – 13 900 подписчиков, *Театроведение* – 2 500). Канал является авторским, информационные блоки (анонсы премьер, обзоры спектаклей, знаковых событий театральной жизни) чередуются с собственными комментариями автора, историями из жизни. Подобный подход способствует продвижению канала, что подчеркивается автором, стремящимся поблагодарить аудиторию за лояльность: «Я рад, что театр интересен все большему количеству людей. <...> ...именно вы создаете Театральную вешалку вместе со мной!» (<https://t.me/teatrnayaveshalka/4408>).

Функцию самоманифестации выполняют, в том числе, паратекстовые элементы телеграм-ленты, а именно название канала и слоган, который описывает принцип работы и представляет автора. В некоторых случаях название выступает гипертекстом, соединяющим канал с другими цифровыми продуктами того же автора / компании. Как наименование канала, так и его слоган служат отражению особых коммуникативных ролей участников «медийно опосредованной коммуникации, сформировавшейся в новых технологических условиях» [16, с. 45]. Остановимся на конкретных примерах.

Среди названий телеграм-каналов, которые посвящены театру и театральной критике, присутствуют наименования печатных изданий (*Театрал*, *Театральный журнал*, *Театръ*), что свидетельствует о конвергентности в наименовании элементов одного и того же бренда, а также о корреляции способов представления информации, в частности в печатном виде и на онлайн-платформах. Отсутствие дополнительной креативности в названии компенсируется за счет узнавания бренда аудиторией, доверия и приверженности определенной стилистике. Слоганы, репрезентирующие собственную коммуникативную оценку публикуемому контенту, также свидетельствуют об объединении информационных каналов, например, *Официальный телеграм-канал журнала «Театрал»*. Подобным образом реализуется, в том числе, и регламентирующая функция, которая связывает два медиаисточника и подтверждает их надежность, авторитетность и уровень влияния.

В свою очередь, слоган телеграм-канала *Театръ* (<https://t.me/oteatre>) представлен в виде краткой фразы, которая также нацелена на самоманифестацию, реализованную за счет оценки, выражаемой посредством использования определительного местоимения: **Все о театре в России и мире**. Канал публикует информацию обо всех аспектах театрального пространства, включая анонсы премьер и критические статьи. Дискурсивная интерпретация основывается на знании того, что слоган является заглавным для журнала «Театр», издаваемого с 1937 г. Журнал прошел проверку временем и имеет репутацию одного из самых знаковых и авторитетных изданий, пишущих о театре, в том числе в критическом плане. При этом слоган также содержит метаданные, которые позволяют познакомиться с изданием, перейдя на другие цифровые платформы, что говорит о масштабной и планомерной редакционной политике, значимости журнала.

Помимо наименований, репрезентирующих непосредственную принадлежность к различным каналам информации, среди примеров телеграм-каналов, освещающих события в рамках театрального пространства, есть названия, которые соответствуют принципам лингвокреативности

для достижения максимальной аттрактивности. В частности, на словообразовательном уровне креативность проявляется:

– в **формировании авторских неологизмов** посредством акронимизации (1, 5), сращения (1, 2, 4, 5), сокращения (1, 4), аффиксации (3, 4, 5).

(1) *КультКвартира ХЛАМ* (<https://t.me/kultkvartiraXLAM>) – неологизм образован путем компрессии от атрибутивного словосочетания *культурная квартира*. В названии присутствует инференция – культурная квартира представляет собой место для проведения культурных мероприятий, привлекающих представителей культурного сообщества. Декодирование наименования также требует энциклопедических знаний – название является рефреном к культурно-артистическому клубу, который существовал в начале XX в. и объединял художников, литераторов, артистов, музыкантов, что создало почву для появления акронима *ХЛАМ* в названии. При этом именно использование акронима как параграфемного элемента в названии сообщества позволяет не соотносить его с лексемой, имеющей отрицательную коннотацию (хлам как скопление ненужных вещей, мусора). Отметим также роль квартиры как паратопии – «прагматически и социокультурно значимого коммуникативного пространства» [17, р. 28], открытого для самовыражения и существующего в «интеграции с творческим процессом» [18, с. 110]. Небольшое помещение (квартира) обладает особым предназначением – служит местом «активного и плодотворного обмена знаниями, местом коммуникации», которое объединяет «лучшие умы эпохи» [19 с. 95–96] – творческую и интеллектуальную интеллигенцию, профессионально владеющую книжным, музыкальным, искусствоведческим знанием. Камерность и комфортность общения выступающих представителей культуры и аудитории, акцентированная в названии сообщества, способствует его популярности и востребованности у зрителей.

(2) *Театровидение* (<https://t.me/teatrovidenie>) – сложное слово образовано путем сращения основ *театр* и *видение*. Канал нацелен на представление собственного мнения театральным критиком П. Рудневым, что обозначено в описании канала и выражено через семантику основы *видение*, а также с помощью изображения – аватара канала как репрезентанта его поликодовости.

(3) *Закулилка* (<https://t.me/zakuliska>) – название канала образовано путем аффиксации от существительного *закулисы* посредством суффикса *-к-*, который имеет диминутивное значение, однако в данном контексте маркирует стилистически обоснованное снижение стиля. В описании канала присутствует указание на предметную сферу, к которой принадлежит канал. Размещенный там же слоган призывает аудиторию узнать о событиях, происходящих именно **за** кулисами театра: *Запомните, все случается внутри театра, за кулисами*. Помимо обозначения физического пространства за театральной сценой, слоган имеет метафорическое значение притягательности, обозначающее нечто тайное, скрытое, свидетелем чего становится читатель канала. Метафора в названии построена за счет перенесения ассоциаций – стремясь создать интригу вокруг освещаемых событий, канал приобретает формат замочной скважины, через которую аудитория скрыто наблюдает за происходящим.

(4) *Невминкульт* (<https://t.me/nevminkult>) – название образовано путем сращения двух элементов в словосочетании Министерство культуры с последующим сокращением (*Минкульт*). Подобным образом авторы канала указывают на тематическую принадлежность и специфику транслируемого контента, связанного с событиями культурной жизни. Последнее подтверждается слоганом в описании канала – цитатой А.В. Луначарского «Культура должна принадлежать массам». Отметим инференцию: цитата первого народного комиссара просвещения, не приемлющего жестокость революции, указывает на дидактическую направленность канала, стремящегося донести послы о необходимости образования и культурного развития общества. Тем не менее приставка *не*, имеющая отрицательное значение и формирующая неологизм, позволяет подчеркнуть авторский характер данного канала, отграничить производимый контент от транслируемого непосредственно официальным каналом государственной институции – Министерством культуры

РФ (<https://t.me/minicultrussia>). Более того, морфологическая и звуковая форма образованного неологизма демонстрирует имплицитную связь с лексической единицей *невменяемый*, что является проявлением самоиронии авторов и подчеркивает не официальный характер контента, но собственный взгляд модераторов.

(5) *ПроTeamp Teatr.Pro* (<https://t.me/teatropro>) – название образовано путем сращения предлога *про* с основой *театр*. Подобным образом канал демонстрирует собственную тематическую направленность – авторы рассказывают о театре и околотеатральных событиях. Отметим, что зеркально дублированное транслитерированное название канала (*Teatr.Pro*) позволяет соотнести предлог *про*, сращенный с последующим существительным в названии на русском языке, с сокращением от лексической единицы *professional*. Следовательно, креативность в названии эксплицитно демонстрирует проблематику канала (про события, связанные с театром), а также указывает на статус администраторов, считающих себя профессионалами, гарантирующими качество транслируемого контента.

На уровне словосочетания выделяются наименования телеграм-каналов, образованные как атрибутивные комплексы, которые обладают следующими характеристиками:

– **аллюзии** к названиям художественных произведений (1, 3, 4), паремическим высказываниям (2), именам выдающихся театральных деятелей (4);

(1) *Три сестры* (<https://t.me/trisestrii>) – отсылка к пьесе А.П. Чехова, ставшей одним из символом русского театра. Аллюзия к имени драматурга присутствует также в описании канала: *Расскажем про культуру такое, что Чехову и не снилось. Ваш культурный навигатор на все случаи жизни*. Канал является анонимным, однако можно предположить, что число в наименовании (*Три*) служит имплицитным указанием на количество модераторов канала.

(2) *Театральная Вешалка* (<https://t.me/teatralnayaveshalka>) – название является отсылкой к крылатой фразе «Театр начинается с вешалки», приписываемой К.С. Станиславскому. Инференция демонстрирует непосредственную интеграцию канала в театральное пространство посредством публикации анонсов культурных мероприятий и отзывов о прошедших событиях. Слоган выражен фразой-стимулом *Главный театральный аккаунт Петербурга*, демонстрирующей оценочность, выражаемую посредством семантики прилагательного *главный*.

(3) *Сказка о попе и механике* (https://t.me/pop_mechanic) – трансформированная отсылка к названию сказки А.С. Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде». Название содержит антитезу, противопоставляя представителей разных сфер деятельности с часто противоборствующими взглядами. Поскольку канал является авторским, что эксплицитно в описании (*Меня зовут Лидия Синельник. Я режиссерка. Пишу понятно про театр...*), контрастирующие единицы в названии позволяют сделать вывод о демонстрируемом собственном видении модератора на происходящее, которое может отличаться от общепризнанного.

(4) *Хэллоу, Станиславский!* (<https://t.me/hellostanislavskiy>) – название канала содержит аллюзию к имени К.С. Станиславского – режиссера и создателя системы сценического искусства, которая лежит в основе современного театра. Канал позиционирует себя как «театральный и арт-клуб», публикуя анонсы и рекомендации, анонсируя старты продаж билетов, следовательно, фамилия выдающегося театрального деятеля в названии используется в качестве синонима театра как лингвокультурного концепта. Знакомясь с контентом канала, читатели погружаются в сферу театрального искусства, «приветствуя» ее основоположника. Отметим бафос в названии, реализованный посредством использования транслитерированной лексической единицы *хэллоу*, являющейся формальным приветствием в английском языке. Помещенная в русскоязычное предложение транслитерированная единица выполняет функцию графона, привлекая внимание аудитории и поддерживая идею знакомства с миром театрального искусства.

– **функциональные маркеры**, репрезентирующие профессиональную направленность и предназначение канала (1, 2, 3, 4, 5, 6).

(1) *воспитание вкуса* (<https://t.me/teatrvkus>) – наименование отражает принципиальную задачу, которую ставит перед собой администратор канала, обозначая себя в формате слогана как *субъективный театральный продюсер*. Используемый атрибут *субъективный* выступает дисклеймером (предупреждением), который позволяет предложить собственную оценку событий, происходящих внутри театрального пространства, что соответствует тенденции «к провозглашению собственных ощущений высшей „художественной“ инстанцией» [12, с. 198].

(2) *об искусстве и прочих бесах* (https://t.me/art_and_demons) – название авторского канала исследователя культуры и писателя А. Гозбенко содержит прямое указание на тематику контента – об искусстве, что подтверждает слоган в описании: *художественные записки, арт рекомендации и прочие бесы мира культуры*. Использование лексической единицы *бесы* в наименовании является авторским сравнением (искусство приравнивается к бесам), что имплицитно указывает на сакральную суть искусства, понимаемого на нечто сверхъестественное, увлекающее человека. Тем не менее негативная коннотация использованной лексической единицы подчеркивает конфликтную сущность описываемых явлений, противоречия в их восприятии.

(3) *БЕС КУЛЬТУРЫ* (<https://t.me/besofculture>) – в наименовании канала прослеживается сходная стратегия с использованием лексической единицы *бес*, однако в данном случае грамматическая форма единственного числа указывает на непосредственного производителя действия – авторский коллектив канала. Сказанное подтверждает слоган в описании (*Вселились в российские театр и кино*), содержащий глагол, используемый в коллокационной конструкции *бес вселился*, которая теряет отрицательную коннотацию, сохраняя значение присутствия. Интересным также представляется сопоставление звуковой формы названия *БЕС КУЛЬТУРЫ* с существительным *бескультурье*: функциональная направленность и культурно-просветительская роль канала, выраженная посредством лингвокреативного наименования, противопоставлены культурной отсталости или отсутствию культуры.

(4) *Культурный консьерж* (<https://t.me/kakieplany>) – атрибутивное словосочетание в названии отражает непосредственное назначение канала – обеспечивать приятное времяпрепровождение и досуг аудитории. Использованное прилагательное *культурный* одновременно указывает на функционал канала – предоставлять информацию о событиях культурной сферы, мероприятиях, способствующих повышению культурного уровня читателей. В то же время прилагательное указывает на уровень компетентности модератора канала.

(5) *Хочу пойти* (<https://t.me/wannagolist>) – авторский канал, содержащий информацию о премьерах, анонсы и отзывы о спектаклях. Глагольное словосочетание в наименовании демонстрирует интенцию зрителя, стремящегося посетить то или иное культурное мероприятие. Автор канала предлагает аудитории собственные рекомендации, что подтверждает слоган, являющийся инструментом самопозиционирования и самопродвижения: *люблю ходить в театр и вам присоветую. помогу выбрать спектакль, расскажу о крутых премьерах, отслежу за вас начало продаж билетов и даже поделюсь, где сидеть. анонсы, отзывы, билетные лайфхаки*. Слоган содержит просторечия и сниженную лексику (*присоветую, крутых, лайфхаки*), что способствует сокращению дистанции с аудиторией.

(6) *И бутерброд с икрой* (https://t.me/theater_moscow) – название канала, функциональная принадлежность которого эксплицитно обозначена в слогане (*Театральный канал*), представляет собой атрибутивное словосочетание в функции стимула. Подобным образом аудиторию нацеливают на построение ассоциативного ряда, включающего элементы концептосферы «Театр»: спектакль, театр, театральный буфет, бутерброд с икрой. Следовательно, тематическая принадлежность канала обозначена имплицитно, однако за счет фоновых знаний и жизненного опыта аудитории посыл автора канала может быть истолкован корректно.

Отметим наибольшую частотность функциональных маркеров тематической направленности, представленных на уровне словосочетания. Сказанное объясняется стремлением привлечь

аудиторию, запомниться. В то же время более распространенные предложения (эллиптические конструкции, двусоставные предложения разных типов) менее употребимы в силу необходимости лаконичного и емкого представления информационного канала в формате продвигающего текста, характеризующего тот или иной бренд.

Лингвокреативность в синтаксических структурах наименований телеграм-каналов, принадлежащих театральному дискурсу, представлена следующими примерами:

– **эллиптические** конструкции (1), а также предложения, выдержанные в **разговорном стиле** (2, 3);

(1) *Мам, я в театре* (<https://t.me/yavteatre>) – наименование является вариантом воспроизведения популярного мема *Мам, я в...* (*Мам, я в телевизоре; Мам, я в ютубе; Мам, я в Бразилии* и т.п.), обладающего определенной аттрактивностью. Использование мема как «специфической реакции сетевого сообщества на социально-экономические стимулы» [20, с. 27] способствует популяризации театра, поставленного в глазах широкой публики на один уровень с цифровыми проявлениями массовой культуры. С точки зрения синтаксиса наименование характеризуется использованием эллиптической конструкции (*Мам...*) с целью интимизации стиля и создания стилистического эффекта «доверительного и непосредственного общения автора с читателем, неизменно формирующего ощущение сопричастности, вовлеченности, принадлежности, общности» [21]. Подобным образом репрезентировано парадоксальное соотношение элитарности, присущей театральной коммуникации, и простоты ежедневного общения, что также находит отражение в описании канала (*«Мам, я в театре» рассказывает о современном театре простым языком*) и представлении модераторов (*Ваши Оля и Михаэла*) в форме неполного имени, свойственного использованию в более свободной обстановке.

(2) *Мама, какая драма* (https://t.me/mama_kakaya_drama) – название канала театрального критика А. Шаклеевой резонирует с примером, рассмотренным выше, однако в данном случае ритмический рисунок предложения создается за счет рифмы (мама – драма). Существительное *драма* в названии отсылает к тематике канала (*Театр и культурный туризм. Пишу про спектакли, проекты, книги – про то, что интересно мне самой*), одновременно являясь гиперболой, использованной для привлечения внимания аудитории к изображаемым событиям (драма как преувеличенная театральность в описании повседневности).

(3) *Маша плохого не посоветует* (<https://t.me/gdepoestchtoposmotret>) – авторский характер канала находит отражение в названии. Употребление имени собственного в краткой форме свойственно ежедневному общению, что позволяет сократить дистанцию с аудиторией. Инференция демонстрирует, что заглавная фраза является измененной цитатой «Мама плохого не посоветует» из фильма «Кубанские казаки». Выстраиваемая параллель имплицитно указывает на достоверность публикуемого материала и гарантию его качества.

Таким образом, были рассмотрены возможные формы номинации телеграм-каналов, в том числе предполагающие использование лингвокреативных средств с целью привлечения аудитории, установки контакта и популяризации банка идей и ценностных установок, транслируемых модератором канала. Обозначенный функционал медиалекта типичен для сферы телеграм-каналов, отражающей многочисленные социальные, профессиональные, коммуникативные контексты.

Отметим отдельно, что модератором канала (за исключением случаев, когда имя эксплицировано) может являться представитель искусства и культуры, в том числе театральный критик, журналист (член редакции), блогер, что отвечает современным вызовам цифрового общества. Подчеркнем, что публикация рецензий на прошедшие события и рецензий на них предполагает обоснование представляемых критических замечаний. Следовательно, транслируемый контент должен принадлежать эксперту в профессиональной области (*зд. в театральной сфере*), противопоставленному неспециалистам, способному и правомочному «позиционировать себя как компетентного и автономного в суждениях» [22, с. 169]. Другими словами, экспертность критика обусловлена его компетенцией и легитимностью, формирующими профессиональную репутацию.

Последняя, в свою очередь, влияет на успешность самопозиционирования критика в цифровом медиапространстве и на аттрактивность его публикаций.

Не менее значимым представляется тот факт, что интеллектуальность, креативность и профессионализм как обязательные черты языковой личности критика способствуют трансляции духовных, нравственных, эстетических ценностей, формированию аксиологических ориентиров и художественного вкуса [23, p. 122].

Помимо обретения популярности, своеобразной миссией театрального критика, которая позволяет рассчитывать на возможную трансляцию ценностей и интерпретацию смыслов, является обязательное выполнение двух условий – «определенность оценки критика и его ответственность за свои слова» [24]. Именно ответственность формирует основу цифровой репутации рецензента – «оценочной информации о личности или институции, возникающей как результат их практической деятельности» [25, с. 71]. Другими словами, репутация становится социальным феноменом, результатом взаимодействия субъектов коммуникации, их социальной репрезентацией. Основой репутации, в том числе в цифровом контексте, является доверие по отношению к критику со стороны аудитории, которое выступает механизмом оценки действий субъекта, «поощряющим правильное и порицающим неправильное поведение» [25, с. 70]. Доверие читателей к театральному критику воплощается в признании его высокого профессионализма, качества и достоверности представляемых им рассуждений, в поддержке его идей, инициатив. Соответственно, репутация рецензента понимается как инструмент регуляции, нормированности, конвенциональности и контроля за распространением информации.

Совершенные в прошлом действия формируют ожидания относительно будущих событий, узнаваемость и своеобразный «информационный след». Репутация позиционируется как ресурс в объекте репутационного менеджмента, позволяющего контролировать интерес аудитории, проектируя поведенческие алгоритмы и программы развития. Следовательно, репутационный менеджмент, в том числе в цифровом формате и в приложении к театральной критике, предполагает действия по мониторингу, обработке и анализу данных, по формированию и позиционированию бренда (личность критика как бренд) у существующих и потенциальных пользователей (читателей в сети)¹. Формат телеграм-канала предполагает учет статистической информации, позволяющий выявить количество подписчиков канала, их лояльность, пользовательскую активность в определенный временной промежуток, присутствие уведомлений. Подобный числовой срез эксплицирует доверие пользователей к автору / администратору канала, выражая сопричастность и поддержку транслируемых идей, прислушиваясь к высказываемому мнению.

Формирование бренда, пользующегося популярностью у читателей, а также репутационный менеджмент канала как методология теоретических и практических действий по управлению репутацией [26, с. 52] зависят от ряда факторов. Среди них качество публикуемого контента, способы выражения авторской позиции, лингвистические и стилистические характеристики публикуемого материала. Обратимся к примерам проявления авторского идиостиля критика в статьях, посвященных тем или иным спектаклям и размещенным в телеграм-каналах.

Публикация, подготовленная каналом *Teatpъ* одноименного журнала (<https://t.me/oteatre/8223>), представляет собой анонс спектакля Н. Слащёвой – сказки о семейной жизни, инсценированной в театре кукол города Ханты-Мансийска. Обзор содержит фактологическую информацию (дата показа, локация, возрастные ограничения), представляет режиссера (*Наталья Слащёва*), название спектакля («*Цапля и журавль*»), обозначает жанровую принадлежность произведения (*народная сказка*). Дополнительной информацией, формирующей общий когнитивный фон сообщения, становится упоминание произведения, оказавшего значительное влияние на режиссера при подготовке постановки (мультфильм «*Цапля и журавль*», режиссер Ю. Норштейн). Подчеркнем, что

¹ Антонова Л.Г., Бирюкова Е.В., Борисова Е.Г. [и др.] Основы маркетинговой лингвистики: учебник. М.: Языки Народов Мира, 2023. С. 56–63.

для декодирования адресату информационного сообщения нужны энциклопедические знания. Предполагается, что читателю известны имена обоих режиссеров, их стилистика, художественная парадигма, в которой они привыкли работать, следовательно, может быть корректно интерпретирована корреляция образов в диаде мультфильм – спектакль.

Оценка присутствует в заголовочном предложении (*ироничная сказка*), однако в дальнейшем прослеживается связь между заголовочной сигнальной фразой и авторским комментарием самого режиссера Н. Слащёвой, называющей спектакль «самоиронией по поводу семейной жизни». Отметим инференцию, когда посредством использования лексемы *самоирония* демонстрируется, что представленная на сцене история о сложностях в межличностных отношениях членов семьи является автобиографичной.

Телеграм-канал *Театръ* популярен у читателей, что можно заключить исходя из количества подписчиков (11 351) по сравнению с каналами других театральных журналов – *Театрал* (10 576), *Театральный журнал* (3 267), следовательно, справедливо сделать вывод об успешно выстроенной стратегии продвижения канала как бренда и грамотном репутационном менеджменте.

Проследить успешность позиционирования бренда в контексте телеграм-канала возможно, в том числе, посредством анализа комментариев, оставляемых пользователями под тем или иным постом. Если комментарии отключены, реакции пользователей проявляются в количестве паралингвистических знаков – иконок (смайлов, эмодзи), визуализирующих эмоции относительно прочитанного. Подобная «погруженность в поток визуальных образов, визуальных символов, инфографики и визуальных междометий» [10, с. 238] является характерно-релевантной особенностью медиалекта, способствуя описанию эмоционального состояния человека. В то же время данные параграфемные знаки, обладающие «выразительной модальностью» [27, с. 772], реализуют маркетинговую функцию, будучи эффективным инструментом отслеживания и фиксации эмоций читателей. Одновременно эмодзи характеризуются коммуникативным потенциалом и расширенным содержанием. Следовательно, диалогичность как свойство канала профессиональной направленности воплощена посредством семиотических знаков (эмодзи), повышающих эффективность коммуникативного акта и выступающих в качестве инструмента обратной связи.

Рассмотрим пример параграфемных элементов в функции обратной связи на примере откликов на пост критика П. Руднева, размещенных в его телеграм-канале *Театровидение* (<https://t.me/teatrovidenie/2885>). Представленный пример демонстрирует употребление эмодзи как символов эмоционального состояния и умонастроений аудитории, обусловленных реакцией на информационное сообщение. Более того, подобным образом сообщению придается выразительность живого общения, а также восполняется лакуна в диалогичности, образующаяся в силу отсутствия возможности комментирования. Другими словами, посредством параграфемных элементов передается «денотативная информация, дублируя какой-либо элемент вербально передаваемого смысла» [28, с. 59].

В некоторых ситуациях при выборе между комментарием и эмодзи пользователи склонялись к последним, пренебрегая возможностью вербального сопровождения, для передачи эмоционального тона, поддержания контакта и замещения вербализованного ответа. В качестве примера рассмотрим пост, который иллюстрирует реализацию заместительной функции эмодзи (<https://t.me/trisestrii/4617>). Диалог между обозревателями телеграм-канала *Три сестры* и аудиторией осуществляется посредством символов, несмотря на возможность оставить вербальный комментарий. В некоторой степени подобное объясняется ситуативной обусловленностью коммуникативного акта, реализуемого в контексте Интернет-общения и влияющего на изменение структуры личности и способы ее саморепрезентации. В то же время клиповость как свойство канала, а также оперативность как требование к передаваемой информации также способствуют замещению вербализованного комментария с помощью символов.

Положительные ответы на вопрос, завершающий информационное сообщение (*Мы поедem, а вы?*), даны в виде параграфемных элементов, позволяющих не только реализовать прагматическую функцию (согласие), но и добиться интенсификации значения, усиления эмоционального эффекта.

Заключение

Таким образом, телеграм-канал представляет собой цифровую проекцию личности театрального критика как эксперта и представителя профессионального сообщества. Конструирование цифровой личности при этом предполагает достижение цели самопозиционирования и самопродвижения в цифровом пространстве. Другими словами, личность театрального критика является брендом, привлекающим внимание аудитории и гарантирующим ее лояльность. Одним из инструментов самопозиционирования театрального критика является лингвокреативность в наименовании телеграм-каналов, посредством которых критик взаимодействует с аудиторией. Рассмотрены примеры лингвокреативности на различных языковых уровнях с учетом их дискурсивного потенциала. Отмечается, что конструирование цифровой личности возможно посредством учета специфики адресата. В этом случае особой значимостью обладает цифровая репутация критика, понимаемая как образ индивида, закрепившийся в сознании окружающих. Цифровая репутация как элемент, присущий цифровому обществу и пространству цифровой коммуникации, трактуется как результат деятельности в киберконтексте, как след, оставленный в информационной цифровой среде. Репутация предполагает сохранение, укрепление и трансляцию определенных знаний и ценностей, регулируя векторы коммуникации. При этом справедливо говорить о репутации как о результате двунаправленного процесса взаимодействия критика и аудитории, обоюдного взаимовлияния: зрительское признание свидетельствует о грамотном репутационном менеджменте, а выверенность осуществляемых шагов и «чистота» репутации увеличивает доверие к критическому слову.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V., Borbotko L.A., Masalimova A.R. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradygm // XLinguae. 2017. Vol. 10, Iss. 2. Pp. 85–100. DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.08
2. Слышкин, Г.Г., Борботько Л.А. Коммуникативное пространство театра: digital-эволюция и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 126–133. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-126-133
3. Возгривцева К.И. Театральное пространство: культурологический аспект // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 57–63.
4. Квашенко Н.Ю. Личность как объект исследования в контексте информационного общества // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 81–86. DOI: 10.18721/Jhss.10108
5. Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от homo faber к homo informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.
6. Викулова Л.Г., Серебrenникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лексемы identité / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 2 (831). С. 30–42.
7. Попова Д.А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 87–91.
8. Викулова Л.Г., Короленко О.И., Макарова И.В. Цифровая репутация научного сообщества: сайт Французской академии // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 1 (36). С. 234–250. DOI: 10.51955/2312-1327_2023_1_234

9. **Моль А.** Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
10. **Кислицына Н.Н., Чернявская О.Г.** Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, № 6. С. 368–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78
11. **Полонский А.В.** Медиалект: язык в формате медиа // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2018. № 37 (2). С. 230–240.
12. **Максимов В.И.** К проблеме теоретических оснований современной театральной критики // *Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2019. № 2 (61). С. 197–206. DOI: 10.26294/ARB.2019.61.30040
13. **Сорокин П.** Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
14. **Театральная критика 1917–1927 годов: Проблемы развития: сборник научных трудов.** Л.: ЛГИТМиК, 1987. 172 с.
15. **Вырощева Е.В.** Театральная критика в современных СМИ как средство формирования ценностей // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2017. Т. 23, № 1.2. С. 32–36. DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-1.2-32-36
16. **Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю.** Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. Т. 20. Вып. 1. С. 40–60. DOI: 10.21638/spbu09.2023.103
17. **Maingueneau D.** Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société. Paris: Dunod, 1993. 196 p.
18. **Михайлова С.В.** Литературный салон XVII века как фактор паратопии // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2011. № 1 (7). 108–113.
19. **Борботько Л.А., Короленко О.И.** Коммуникативная норма официального научного общения: торжественная речь в академическом дискурсе XVII–XVIII вв. // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2016. № 3 (31). С. 95–103.
20. **Иссерс О.С.** Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021. Т. 20, № 2. С. 26–41. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.3
21. **Кузнецова А.А.** О понятии «интимизация речи»: к постановке проблемы // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 4 (40). URL: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.48> (дата обращения: 04.07.2024). DOI: 10.18454/RULB.2023.40.48
22. **Чернявская В.Е.** Компетентность и легитимность эксперта в науке (традиции и тенденции в европейской академической науке) // *Университетский научный журнал*. 2014. № 7. С. 167–177.
23. **Vikulova L., Gerasimova S., Borbotko L., Shevchenko N.** Music Critics Avoiding Conflicts: Take Five Or Why Stars Matter // *Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: from Conflicting to Understanding*. 2020. Vol. 95. P. 118–131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.14
24. **Гительман Л.И., Письмо Г.Р.** Тростянецкому // *Памяти Льва Иосифовича Гительмана*. СПб.: Изд-во СПб. гос. акад. театр. искусства, 2012. С. 99–102.
25. **Камшилова О.Н., Чернявская В.Е.** Академическая репутация: дискурсивный анализ современной российской практики // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11, № 1. С. 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.11105
26. **Сальникова Л.С.** Репутационный менеджмент – важная часть управленческой стратегии успешной организации // *Управленческие науки*. 2012. № 3 (4). С. 50–59.
27. **Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И.** Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 3. С. 769–783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783
28. **Куликова В.А.** Влияние канала передачи информации на языковые особенности медиадискурса: сопоставление Telegram-каналов и сайтов СМИ // *Язык – речь – текст в Интернет-коммуникации*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 56–63.

REFERENCES

- [1] **Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V., Borbotko L.A., Masalimova A.R.**, Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm, *XLinguae*, 10 (2) (2017) 85–100. DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.08
- [2] **Slyshkin G.G., Borbotko L.A.**, Theatre communicative space: digital evolution and prospects, *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4 (32) (2018) 126–133. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-126-133
- [3] **Vozgritseva K.I.**, Teatralnoye prostranstvo: kulturologicheskiy aspekt [Theater space: cultural aspect], *Izvestia. Ural Federal University Journal*, 35 (2005) 57–63.
- [4] **Kvashenko N.Yu.**, Personality as object of study in information society, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social sciences*, 10 (1) (2019) 81–86. DOI: 10.18721/Jhss.10108
- [5] **Abramov M.G.**, Chelovek i kompyuter: ot homo faber k homo informaticus [Man and computer: from homo faber to homo informaticus], *Chelovek [Man]*, 4 (2000) 127–134.
- [6] **Vikulova L.G., Serebrennikova Ye.F., Vostrikova O.V., Gerasimova S.A.**, Lexemes Identité / Identity as Elements of the Human and Language Universes: Ethnosemiometric and Axiological Aspects of Interpretation, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (831) (2020) 30–42.
- [7] **Popova D.A.**, Digital Personality as a Central Element of Interpersonal Internet Discourse, *Bulletin of BSU. Language, Literature, Culture*, 2 (2019) 87–91.
- [8] **Vikulova L.G., Korolenko O.I., Makarova I.V.**, Digital Reputation of the Scientific Community: Website of the French Academy, *Crede Experto: transport, society, education, language*, 1 (36) (2023) 234–250. DOI: 10.51955/2312-1327_2023_1_234
- [9] **Mole A.**, *Sociodynamique de la culture*, Izd-vo LKI, Moscow, 2008.
- [10] **Kislitsyna N.N., Chernyavskaya O.G.**, Compositional, Stylistic and Lexical Peculiarities of Internet Communication (by the Material of the English Professionally Oriented Blogs), *Philology. Theory & Practice*, 12 (6) (2019) 368–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78
- [11] **Polonskiy A.V.**, Medialekt: yazyk v formate media [Medialect: language in media format], *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya [Issues of journalism, pedagogy, linguistics]*, 37 (2) (2018) 230–240.
- [12] **Maksimov V.I.**, Actual Problems of Theatre Criticism, *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, 2 (61) (2019) 197–206. DOI: 10.26294/ARB.2019.61.30040
- [13] **Sorokin P.**, *Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*, RCHI, St. Petersburg, 2000.
- [14] *Teatralnaya kritika 1917–1927 godov: Problemy razvitiya: sbornik nauchnykh trudov [Theater criticism 1917–1927: Problems of development: a collection of scientific works]*, LGITMiK, Leningrad, 1987.
- [15] **Vyrovitseva Ye.V.**, Theater Critic in Modern Mass Media as Mean of Formation of Values, *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 23 (1.2) (2017) 32–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-1.2-32-36>
- [16] **Duskayeva L.R., Ivanova L.Yu.**, Linguocreativity in composing a telegram channel paratext, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20 (1) (2023) 40–60. DOI: 10.21638/spbu09.2023.103
- [17] **Maingueneau D.**, *Le contexte de l’oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société*, Dunod, Paris, 1993.
- [18] **Mikhaylova S.V.**, The XVII Century Literature Salon as a Paratopic Factor, *Vestnik Moscow City Pedagogical University. Series Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (7) (2011) 108–113.
- [19] **Borbotko L.A., Korolenko O.I.**, Communicative Norms of Formal Scientific Communication: Oration in the Academic Discourse of the XVII–XVIII Centuries, *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 3 (31) (2016) 95–103.
- [20] **Issers O.S.**, Potential of Transformations in Polycode Internet Meme within the Event-Related Context of 2020, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20 (2) (2021) 26–41. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.3
- [21] **Kuznetsova A.A.**, On the Concept of “Intimation of Speech”: Setting the Problem Russian Linguistic Bulletin, 4 (40) (2023). Available at: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.48> (accessed 04.07.2024). DOI: 10.18454/RULB.2023.40.48

[22] **Chernyavskaya V.Ye.**, Kompetentnost i legitimnost eksperta v nauke (traditsii i tendentsii v yevropeyskoy akademicheskoy nauke) [Competence and legitimacy of an expert in science (traditions and trends in European academic science)], Humanities and Science University Journal, 7 (2014) 167–177.

[23] **Vikulova L., Gerasimova S., Borbotko L., Shevchenko N.**, Music Critics Avoiding Conflicts: Take Five Or Why Stars Matter, Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: from Conflicting to Understanding, 95 (2020) 118–131. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.14

[24] **Gitelman L.I.**, Pismo G. R. Trostyanetskomu [Letter to G.R. Trostyanetsky], Pamyati Lva Iosifovicha Gitelmana [In memory of Lev Iosifovich Gitelman], Izd-vo SPb. gos. akad. teatr. iskusstva, St. Petersburg, 2012, pp. 99–102.

[25] **Kamshilova O.N., Chernyavskaya V.Ye.**, Academic reputation: a discursive analysis of modern Russian practice, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.11105

[26] **Salnikova L.S.**, Reputation Management is a Part of General Management Strategy of the Successful Organization, Management Sciences, 3 (4) (2012) 50–59.

[27] **Koltsova Ye.A., Kartashkova F.I.**, Digital Communication and Multimodal Features: Functioning of Emoji in Interpersonal Communication, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 13 (3) (2022) 769–783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783

[28] **Kulikova V.A.**, Influence of Information Transmission Channel on Language Features of Media Discourse: Comparison of Telegram and Media Websites, Yazyk – rech – tekst v Internet-kommunikatsii [Language – speech – text in Internet communication], Nizhni Novgorod University Press, Nizhni Novgorod, 2023, pp. 56–63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Борботько Людмила Александровна

Liudmila A. Borbotko

E-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3500-9764>

Поступила: 10.07.2024; Одобрена: 25.11.2024; Принята: 26.11.2024.

Submitted: 10.07.2024; Approved: 25.11.2024; Accepted: 26.11.2024.

Научная статья

УДК 811.111`373

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15403>

EDN: <https://elibrary/KIKXDM>

ВНЕТЕКСТОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.Р. Гаспарян

Ереванский государственный университет им. В.Я. Брюсова,
Ереван, Республика Армения

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование представляет собой попытку выявить роль внетекстовой информации при взаимодействии основных субъектов художественной коммуникации – автора литературного произведения с национально обусловленной спецификой и читателя, находящегося за ее пределами. В процессе данного взаимодействия категория информации, в частности внетекстовой, приобретает важное значение для понимания и осознания авторской концептуализации образа мира и событий, описываемых в художественном произведении. Материалом для исследования послужили рассказы американского прозаика армянского происхождения Уильяма Сарояна, где концептуальная картина мира формируется через процесс транскультурации, создающей внутритекстовое художественное пространство взаимодействия двух культур, что в свою очередь предопределяет уровни восприятия и понимания подобных текстов. Коммуникативная модель художественного мира У. Сарояна складывается из ряда компонентов, определяющих ее когнитивно и культурно обусловленную специфику, равно как и внутритекстовое и внетекстовое транскультурное пространство: это совокупность всех результатов и процессов, протекающих в окружающей социальной среде (американский компонент), с одной стороны, и совокупность не зависящих от него условий существования (армянский компонент) – с другой. Одновременно в силу сложившихся объективных обстоятельств универсальные культурные концепты перевоплотились в категорию когнитивных примитивов, которые и легли в основу нового типа мышления и мировосприятия, равно как и структурирования и концептуализации окружающего мира согласно схеме «свой/родной – иной/чужой». В данном случае внетекстовая информация о происхождении и заложенном в сознании автора генетическом коде становится важным условием для понимания и верного истолкования заложенной в тексте концептуальной информации. Она становится необходимым условием для взаимопонимания актантов художественной коммуникации, осуществляющейся в рамках таких когнитивных схем, как «знаю и понимаю», «не знаю, но догадываюсь», «не знаю и не догадываюсь». Анализ проводился в рамках когнитивно-дискурсивного, нарратологического и контекстно-герменевтического методов анализа.

Ключевые слова: внетекстовая информация, художественная коммуникация, коммуникативная модель, художественное взаимодействие, межкультурный дискурс.

Для цитирования: Гаспарян Г.Р. Внетекстовая информация как важный компонент художественной коммуникации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 34–51. DOI: 10.18721/JHSS.15403

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15403>

EXTRATEXTUAL INFORMATION AS AN INTEGRAL PART OF LITERARY COMMUNICATION

G.R. Gasparyan

Yerevan State University after V. Brusov,
Yerevan, Republic of Armenia

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Abstract. The present research focuses on the identification of the function of extratextual information within the scope of interaction of the chief participants' (the author and the receptor) in the course of literary communication based on William Saroyan's culturally determined stories. The category of information, specifically extratextual one, becomes of significant importance for correct understanding of the author's conceptualization of events described in the text, creating a transcultural space of two cultures' interaction, which respectively determines the levels of extratextual comprehension of such texts. W. Saroyan's specific manner to reproduce the actual reality requires a specific type of relations with the readership and the communicative model of this interaction comprises several constituents: the social environment, which is determined by the local American community he lived in and the cultural (national) circumstances of his native Armenian sources. Due to the historical, ethnic and social conditions his world vision deviates from an ordinary worldview. Besides, the universal cultural concepts are transformed into cognitive primitives, which determine a different world conceptualization according to the schema "self/native" – "other/strange". The extratextual information respectively becomes of vital importance for two parties (the author and the reader) to correctly coordinate the communicative act, which will develop within the cognitive schemas "I know and I understand" or "I do not know but I guess". Otherwise, it will develop according to the schema "I do not know and I do not guess". The analysis was done within the frames of cognitive-discursive, contextual hermeneutical and narrative methods of analysis.

Keywords: extratextual information, literary communication, communicative model, artistic interaction, intercultural discourse.

Citation: Gasparyan G.R., Extratextual information as an integral part of literary communication, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 34–51. DOI: 10.18721/JHSS.15403

Введение

Произведение художественной литературы, включающее как процесс эстетического воздействия, так и результат его освоения, представляет собой продукт художественного сотворчества автора и читателя, ибо только благодаря участию последнего осуществляется выход произведения в реальный мир и определяются закономерности его социального функционирования. Насущная проблема неоднократно освещалась теоретиками разных научных направлений (философии, психологии, литературоведения, лингвистики, когнитивистики, прагматики и т.д.) и до сих пор остается актуальной, ее исследование «... предполагает вероятность того, что мы сможем сказать что-то об отличительных особенностях самих художественных текстов, в частности, о способах взаимодействия читателей с художественными текстами» [1, с. 406–407].

Книжная речь, как известно, лишена конкретного адресата, однако, если техническая или научная проза благодаря своему сугубо профессиональному характеру ограничивается определенным кругом читателей, а современные медиакommunikации охватывают широкую читательскую аудиторию, связь художественной речи с определенным типом и кругом читателей менее очевидна. Тем не менее художественный текст как разновидность речевого высказывания не может быть полностью лишен прагматической определенности, ибо ему, как отмечает Н.Д. Арутюнова, так же как повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры,

как «автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект» [2, с. 365].

Между тем пути реализации такого сотворчества, обеспечивающего известную взаимосвязь между компонентами художественного воздействия и художественного восприятия, задаются уже самим произведением, они определенным образом программируются автором и входят в систему его приемов. Однако восприятие художественного текста, как бы оно ни программировалось, по сути, остается вариативным, так как на заключительном этапе художественной коммуникации, который представляет собой процесс овладения и осмысления выразительно-смысловых элементов, принимающих на себя практически-преобразовательную функцию всего произведения и организующих интеллектуально-эмоциональную компоненту художественного восприятия, каждый читатель по-своему, в соответствии со своей индивидуальностью, из своего опыта познает и создает образ, подсказанный автором. Поэтому интерпретация художественного произведения в известной степени зависит от личности самого читателя, его жизненного и эмоционального опыта, культурного уровня, определенной литературной подготовки и даже национальности.

Безусловно для верного понимания художественного текста, в частности текста с национально обусловленной спецификой, важным компонентом коммуникации между автором и читателем становится внетекстовая (надтекстовая) информация. По этому поводу В.П. Кобелева пишет: «В рамках антропоцентрической научной парадигмы современного языкознания информацию определяют исключительно как ту часть человеческих знаний, которая является полезной для реципиента, как некое новое знание, которое представляется возможным интерпретировать исходя из содержания переданного сообщения» [3]. Таким образом, в процессе художественной коммуникации наряду с внутритекстовой информацией особое значение приобретает также надтекстовая или внетекстовая информация.

Настоящее исследование представляет собой попытку определить роль внетекстовой информации в процессе взаимодействия основных субъектов художественной коммуникации – автора литературного произведения с национально обусловленной спецификой и читателя, находящегося за его пределами, ибо информация в данном случае становится структурно-семантической единицей текста, механизмом восприятия «образа автора» и интерпретации смысла внутри- и вокругтекстовой ситуации. Е.Я. Таршис по этому поводу пишет: «...„автором“ текста является не только тот субъект, который фактически его создает. Автор имеет сложную структуру, включающую культуру (знаковые средства и способы их использования, способы повествования, изображения и др.) и коммуникатора (культурную группу, определенным образом организационно оформленную, к которой принадлежит непосредственный производитель текста – коммуникант). Содержание текста при этом является сложным, многомерным и нелинейным и создает возможность для множественности интерпретаций содержания сообщения. Именно многомерность содержания текста есть свойство его природы и важная характеристика человеческой культуры» [4, с. 83].

В своей рецензии («Мир, организованный вокруг текста») на исследование И.Р. Сура «Мандельштам и Пушкин» О.Н. Скляр ссылается на известного филолога С.С. Аверинцева о том, что филологии принадлежит весь человеческий мир, но мир, организованный вокруг текста и увиденный через текст¹ [5]. Данное высказывание вполне правомерно может быть приложено к любому художественному тексту, однако оно приобретает существенное значение, когда речь идет о текстах с национально обусловленной спецификой.

Материал и методы исследования

Еще с середины прошлого столетия ученые стали разрабатывать модели коммуникации (модель коммуникации Г. Лассуэлла 1939–1940 гг., модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера

¹ Аверинцев С.С. Филология // София-Логос: Словарь. Киев: Дух и Литера, 2009. С. 234.

1949 г., модель коммуникации Р. Якобсона 1960 г., модель коммуникации У. Шрамма и Ч. Осгута 1950–1960 гг., модель коммуникации Т. Ньюкомба 1953 г. и т.д.). Как справедливо отмечает И.В. Михович: «Модели коммуникации были разработаны для того, чтобы объяснить процесс коммуникации с различных точек зрения и с акцентом на различные компоненты или составные части процесса коммуникации» [6, р. 19].

Художественный текст как важнейший компонент художественной коммуникации с большей долей вероятности укладывается в социально-психологическую коммуникативную модель Т. Ньюкомба, согласно которой определяются предпосылки вступления актантов (автора и читателя) в процесс коммуникации, степень не только их взаимоотношений, но и их отношения к самому объекту коммуникации (в данном случае художественному тексту).

Анализ художественного произведения в самом широком понимании подразумевает интегрированный, междисциплинарный подход, базирующийся на данных исторического и культурологического характера, с выходом в теорию информации, теорию коммуникации, прагматику, философию, логику, герменевтику, психологию, когнитивистику и т. д., в зависимости от того, что становится предметом исследования. По этому поводу хотелось бы сослаться на точку зрения А.И. Дзюбенко о том, что «художественный текст — один из актуальных объектов исследования в междисциплинарной сфере, в том числе, именно потому, что он дает возможность в фиксированной форме описать те коммуникативно-прагматические характеристики, которыми обладает художественный дискурс. <...> Актуален также и когнитивно-дискурсивный подход к изучению художественного вымысла ...» [7, с. 2].

Материалом для исследования послужили те рассказы американского прозаика Уильяма Сарояна, где концептуальная картина мира формируется через процесс транскультурации в понимании Фернандо Ортиса, создающей внутритекстовое художественное пространство взаимодействия и взаимоотталкивания двух культур, что в свою очередь предопределяет уровни восприятия и понимания подобных текстов. Анализ проводился в рамках когнитивно-дискурсивного, нарратологического и контекстно-герменевтического методов анализа.

Прагматический аспект художественного стиля

Стиль писателя, как бы он ни был детерминирован условиями, в рамках которых он возникает и продуцируется, тем не менее обладает такими свойствами, которые определяют прежде всего языковую личность автора, благодаря отбору языковых средств и речевых конструкций, их стилистической наполняемости и коммуникативного назначения. По сути — это те антропоцентрические, а иногда и «неантропоцентрированные» (когда речь идет о так называемой нейтральности речевого материала) элементы языковой системы, посредством которых реализуется языковая личность автора, актуализация которой происходит через своеобразный, характерный только ему выбор вокабуляра, грамматических форм и синтаксических структур для репрезентации его индивидуально-личностного отношения к создаваемому им художественному миру. Как справедливо отмечают по этому поводу Н.Б. Мальцева и А.И. Варшавская, автор текста «в соответствии со своими намерениями и владением языка, „языковым вкусом“, языковым чутьем, или чувством языка, т. е. как языковая личность... может отобрать те или иные средства, которые и будут характеризовать созданный им текст и его как автора» [8, с. 201]. Если рассматривать автора художественного текста как реальную языковую личность, как «производителя» конкретного речевого произведения, то последнее будет представлять собой определенным образом сконструированный продукт индивидуальной речевой деятельности с соответствующим планом содержания, т.е. лингвистическими характеристиками его продуциента, и планом выражения, т.е. языковой формой репрезентации этого содержания. Сами по себе план содержания и план выражения также представляют собой своеобразный диалог в пределах текста, однако это будет уже не диалог между содержанием и формой, а диалог автора с внешним миром: как он его видит

и какими средствами его вербализует. В своей статье «Художественная и лирическая коммуникация: понятийно-терминологический аспект» Г.А. Токарева, рассматривая коммуникацию в расширенном смысле, говорит именно о диалоге человека с миром, как о когнитивном процессе [9].

При исследовании художественного взаимодействия автора и читателя в коммуникативной схеме «автор – текст – адресат» следует иметь в виду, что читатель и адресат собственно художественного произведения не могут быть идентифицированы, ибо неидентичны ситуации введенного в текст адресата и читателя за пределами текста. В большинстве случаев эксплицитный адресат конкретизируется наличием в тексте элементов прямой обращенности, он может быть наделен собственным именем и даже определенным социальным положением, но редко получает психологические характеристики. Так, многие произведения Эрнеста Хемингуэя, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Уильяма Фолкнера, Уильяма Сарояна по своей структуре напоминают ситуацию устного повествования с образами рассказчика и слушателей. В рассказах Уильяма Фолкнера «Сойди, Моисей», «Старые люди», «Монк», Уильяма Сарояна «Мой дом, мой дом», «Война в Испании» адресат актуализируется личным местоимением **you**. В новелле-притче Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Дорогой и любимый» и в рассказе Уильяма Сарояна «Дорогая Грета Гарбо», написанных в эпистолярном стиле, внутритекстовый адресат наделен именем, полом и социальным положением.

Читатель же, оставшийся за пределами текста, представляет собой духовно нейтральную личность. Между тем и при отсутствии его в качестве текстового адресата косвенные следы его присутствия могут быть обнаружены в тексте. Автор в этом случае как бы формирует модель своего адресата и его мира в области знаний, настроений, воззрений, эмоций и жизненного опыта. Он всегда выбирает те компоненты личности адресата-модели, которые составляют точку приложения его эстетических усилий. При этом если фельетонист или автор газетного очерка делает большую ставку на актуально существующий круг ассоциаций, всегда присутствующий у его читателя и делающий возможным понимание произведения этого жанра, то автор собственно художественного произведения должен рассчитывать на читателя, которому неизвестны многие факты его (автора) актуального сознания. Но порой и «художник» пользуется актуальными, проходящими, временными связями. Именно «коммуникативный подход к анализу.. художественного текста основан на коммуникативности как неотъемлемой ключевой характеристике текста. Это объясняется тем, что все в тексте отсылает к адресату» [10, p. 484].

Таким образом, художественный текст в известной степени диалогизирован обращенностью во вне, к «воображаемому» читателю, и ориентация на этого незримого участника диалога определенным образом влияет на формирование авторского стиля в его широком понимании, прагматическая установка которого не только предопределяет реакцию читателя, но и вырабатывает определенные уровни читательского восприятия, среди которых наиболее важными представляются эмоционально-интуитивный и логический. Выделенные уровни художественного восприятия с наибольшей активностью функционируют при декодировании произведений таких писателей, чье творчество, с одной стороны, глубоко национально, с другой – приобретает общечеловеческое значение.

При этом эффект национального фактора достигается через эмоциональную сторону восприятия, а общечеловеческого – через интеллектуальную (логическую). Поэтому при формировании художественного образа в читательском сознании первичным для «национального читателя» оказывается эмоционально-интуитивный уровень восприятия и лишь вторичную позицию занимает логическое постижение авторского стиля. Обратную последовательность имеет процесс художественного восприятия у более широкой аудитории, приобретающей статус так называемого «ненационального читателя».

Подобную структуру двойственной адресованности имеют произведения таких выдающихся прозаиков XX века, как Габриэль Гарсия Маркес, Уильям Сароян, Чингиз Айтматов – личности, несомненно, дуалистические по своей природе, органически связанные с разными культурами

и в силу этого сочетающие в своем творчестве разные начала, экспликативность и дескриптивность, преобразовательный импульс и в то же время импульс защитный по отношению к лучшим традициям своего народа.

При этом «национальный читатель» воспринимает в первую очередь внутренний план, содержательную сторону произведений этих писателей, которая обеспечивает эмоционально-интуитивный уровень восприятия, т.е. уровень соучастия, вызванный жизненным опытом читателя, которому известны многие факты изображаемой действительности. Что же касается «аутсайдера», то его внимание прежде всего сосредоточивается на внешнем плане. Однако постижение авторского стиля, основанное у него на логическом уровне восприятия, значительно отличается от «уровня открытия» у «национального читателя», ибо последний опять-таки достигает его на основе собственного жизненного опыта и генетической памяти. Ведь стиль писателя включает элементы, характеризующие национальную специфику искусства его народа, ибо как справедливо отмечает по этому поводу О.А. Корнилов: «...больше всего национальная специфика ощущается не в изолированных фактах отдельных языковых уровней, а на более высоких уровнях, на уровне речевых произведений, их стилистики и тональности, на уровне особенностей метафоричности мышления» [11, с. 126].

Поэтому для «национального читателя» ближе стиль писателя, воплотившего в своем творчестве специфику «национального стиля». Он видит в нем краски родного края, характер собственного эмоционального опыта. «Аутсайдер» же воспринимает прежде всего «глобальное», общечеловеческое значение этого стиля, и лишь позже в его сознании возникают разные ассоциации с его собственным жизненным и эмоциональным опытом, вызванные уже как внутренним, глубинным содержанием, так и внешней, формальной стороной произведения.

Таким образом, художественная коммуникация представляет собой определенный речетворческий процесс, где исходную позицию занимает автор художественного произведения, промежуточное положение — текст и воплощенный в нем авторский стиль, а в качестве заключительного этапа выступает читательское восприятие. При этом стиль писателя и стили читательского восприятия в известной степени взаимообусловлены. И не будет, видимо, ошибочным утверждение, что вследствие их взаимной согласованности уже внутри самого произведения возникает довольно стройная система стилеобразующих отношений, обеспечивающая оптимальный вариант осмысления и интерпретации всего текста.

Коммуникативная модель художественного мира Уильяма Сарояна

Говоря о творчестве Уильяма Сарояна, невольно задаешься вопросом: всегда ли он достигает взаимопонимания со своим читателем? Не всегда, и это вполне естественно, ибо не каждый читатель обладает теми фоновыми знаниями, которые необходимы не только для осмысления заложенной в тексте информации, но и для понимания феномена Уильяма Сарояна. Не каждый читатель сможет ощутить армянскую субстанцию воплощенного в произведении художественного видения действительности.

Мир произведений Уильяма Сарояна — это мир, которым он жил, мир, в котором он творил. Так называемая языковая картина этого мира объединила в себе такие понятия, как среда, условия, культура, характер, этнос и т. д. Безусловно, такое понимание языковой картины мира — слишком узкое и ограниченное. Однако если рассматривать ее как определенный способ концептуализации действительности, то становится вполне очевидным факт присутствия в нем той концептуальной картины мира, где взаимодействуют три начала: общечеловеческое, национальное и личностное. Именно они определяют творческую манеру Уильяма Сарояна — носителя двух культур, двух языков, двух национально обусловленных «картин мира». Мир внутри и вокруг сарояновских произведений — это совокупность всех результатов и процессов, проистекающих в окружающей его социальной среде (американский компонент), с одной стороны, и совокупность

не зависящих от него условий существования (армянский компонент) — с другой. В творчестве Уильяма Сарояна, равно как и в его сознании, полноправно сосуществуют две культуры, две концептосферы, две не противоречащие, а скорее взаимодополняющие «картины мира».

Язык Уильяма Сарояна, а соответственно и его произведений, вбирает все те признаки концептуализации мира, отражающего в данном случае опыт и дух двух народов, которые в полной мере можно определить, как детерминанты межкультурного дискурса.

Термин «диалог культур» более чем точно определяет понятие «межкультурного дискурса» в творчестве Уильяма Сарояна. Он (межкультурный дискурс) в данном случае становится тем внутри- и вокругтекстовым обязательным компонентом, который характеризует последнее как слияние различных культур, различных мировосприятий, различных выражений соответствующих культур и мировосприятий. В данном случае в силу вступает понятие межкультурной коммуникации, как «адекватное понимание акторами друг друга в коммуникативном процессе, общение людей разных культур или разных дискурсивных практик, ценностей, смыслов и символов» [12, с. 120].

Вот почему, исследуя творческое наследие Уильяма Сарояна, дискурс следует рассматривать в его межкультурном значении и соответствующем когнитивном прочтении концептов, сложившихся в сознании автора благодаря той социокультурной ситуации, в пределах которой он жил, творил и создавал свой, особенный мир, основанный на законах сообщества, получившего в Соединенных Штатах название «плавильного тигеля» (melting pot).

По этому поводу в настоящем исследовании за основу хотелось бы принять формулировку межкультурного дискурса, предложенную В.А. Доманским: «Диалог в культуре и диалог культур осуществляется при помощи текстов, являющих собой своеобразные высказывания, представления, концепции мира и его образы. <...> ...преобразившись в контексте другого сознания, но оставаясь идентичным себе в своей коммуникативной событийности, текст образует дискурс как взаимоналожение языка и речи, текста и его версии, квазитета, который создается в сознании реципиента. На основании рецепции текста выстраивается еще один текст — его интерпретация»².

В творчестве Уильяма Сарояна прослеживается именно подобная картина, когда текст образует дискурс, а затем и версии или квазита в сознании читателя, ибо его (текста) исторически, культурно и социально обусловленный фон создает в сознании адресата еще один текст благодаря соответствующей обработке и интерпретации последнего. При этом феномен межкультурного дискурса в его произведениях прослеживается в разных его проявлениях. С одной стороны — это то когнитивное пространство, в котором происходит слияние двух культур — родной ему армянской и не менее родной американской. С другой стороны — в его произведениях концептуальная система, как «система мнений и знаний о мире, отражающая опыт человека»³, расщепляется на несколько подсистем, которые вбирают в себя знание и опыт не только двух упомянутых ментальных и психологических уровней, но и информационно-эмоциональное пространство так называемого «плавильного тигеля», того типа национально-культурного сообщества, которое исторически складывалось в США на протяжении нескольких веков благодаря переселению людей разных национальностей со своими традициями, языком, этническим менталитетом. И хотя все эти люди — носители различных культурно-этнических кодов, их объединяет один основной и важный компонент сознания и представления о мире — концепт выживания и сохранения своего, родного при столкновении с другим, неродным, чуждым. Иными словами, в сознании этих людей происходит своеобразная концептуализация мира. Вот почему при исследовании художественного мира Уильяма Сарояна следует скорее использовать термин «культурная картина мира», ибо, как справедливо отмечает К.О. Погосова: «Языковая картина

² Доманский В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. С. 15.

³ Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. С. 15.

мира – это часть культурной (концептуальной) картины. Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, просто к реальному миру, окружающему человека»⁴.

Неоспоримо то, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации окружающего мира, и у людей, говорящих на разных языках, складывается собственный способ концептуализации действительности со своими как универсальными, так и национально специфическими детерминантами.

И именно здесь в силу вступает феномен так называемых когнитивных примитивов, т.е. набора более или менее специфичных для какой-либо конкретной культуры понятий, лежащих в основе психологического единства данного культурного сообщества.

О семантических или когнитивных примитивах А. Вежицкая пишет: «Возможность коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее „идеосинкретичных“ понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить „психическую общность человечества“, а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого (общего) набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления. <...> ...это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления, а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур» [13, с. 296–297].

В ситуации с «плавильным тигелем» вырисовывается следующая картина: люди разных национальностей с определенным набором сугубо специфичных для одной конкретной культуры когнитивных примитивов объединились в единое сообщество и на базе общих примитивов-универсалий, лежащих в основе «психологического единства человечества», создали новый тип культуры с новыми деривативными конфигурациями и соответствующими модификациями. Именно с этим связано и возникновение новых культурных концептов, ибо такие универсальные культурные концепты, как истина, правда, судьба, свобода, душа, получили иную трактовку, иное выражение, иные конфигурации. И именно эти универсальные культурные концепты в новых условиях переоплотились в иную категорию когнитивных примитивов, которые и легли в основу нового типа мышления и мировосприятия, равно как и структуризации и концептуализации окружающего мира согласно схеме «свой/родной – иной/чужой».

Коммуникативная модель художественного мира Уильяма Сарояна складывается также на базе категории примитива. При этом «примитив» в данном случае следует рассматривать не как мир потерянного в результате цивилизации человека, как это делали представители модернистских течений в литературе и других направлениях искусства, а в пределах дискурса примитива, художественное моделирование которого реализуется в рамках упомянутой схемы «свой/родной – иной/чужой». Они-то и являются теми ключевыми концептами, которые, с одной стороны, способствуют созданию данного типа дискурса примитива как своеобразного сопряжения плана содержания и плана выражения, а с другой – определяют критерии художественного моделирования коммуникативного акта между моносубъектным продуцентом и полисубъектным реципиентом.

Результаты исследования

В произведениях Уильяма Сарояна межкультурный дискурс разбивается на два подвида: внутритекстовый и вокругтекстовый. Внутритекстовый – это сформировавшийся благодаря речевым конструкциям и языковым элементам культурно и национально обусловленный дискурс.

⁴ Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2007. С. 10.

Вокругтекстовый дискурс — это сформировавшееся вокруг текста информационное пространство, в котором сталкиваются две взаимоталкивающие и взаимодополняющие культуры. Межкультурный дискурс в произведениях Уильяма Сарояна следует рассматривать как на лингвистическом, так и на когнитивном уровнях. На лингвистическом уровне он складывается из таких речевых и языковых элементов, которые имеют исключительно армянское происхождение и встречаются в произведениях о соотечественниках автора: это в основном рассказы цикла «Меня зовут Арам», такие рассказы-притчи как «Андраник армянский», «Армянин и армянин» и т.д., где автор использует множество имен собственных армянского происхождения, а также буквально дословно переводит исключительно армянские слова и выражения на английский язык, абсолютно не заботясь о том, поймет ли его англоязычный читатель.

Авторская концептуальная картина мира формируется на когнитивном уровне благодаря вокругтекстовой информации и не всегда касается армянского содержания, хотя корнями уходит в национально и культурно обусловленную реальность.

Так, рассказ Уильяма Сарояна «Antranik of Armenia»⁵ — это притча о национальном герое, о человеке, при жизни ставшем живой легендой, о предводителе армянского национально-освободительного движения начала XX века. Два типа информации — фактическая и концептуальная, уходя в надтекстовое пространство, конструируют ту ситуацию исторического и социального характера, понимание которой полностью зависит от трех видов информации, которыми должен обладать читатель: информацией о самих событиях, информацией о ситуациях и информацией о когнитивных пресуппозициях. Иными словами, это та надтекстовая информация, которая формирует когнитивную модель мира, существующую как внутри, так и вокруг текста. Она задается уже в самом заголовке, который для неармянского читателя ничего не значит, если он не обладает необходимым для его понимания объемом информации о реальных событиях из истории западноармянских провинций. Восприятие, понимание и осознание информации, заложенной в данном сообщении, происходит по трем основным направлениям: «не знаю и не понимаю», «не знаю, но догадываюсь» и «знаю и понимаю». При этом последняя схема — «знаю и понимаю» — срабатывает прежде всего у читателя-армянина, который знает, кто такой генерал Андраник, и затем у читателя-неармянина, которому известны факты актуального сознания автора. В остальных случаях, а именно читателя-американца и читателя-неамериканца-неармянина, срабатывают две первые схемы — «не знаю и не понимаю», «не знаю, но догадываюсь». И для того чтобы оказаться хотя бы во второй категории «не знаю, но догадываюсь», со стороны адресата необходим так называемый уровень соучастия, т.е. желание прочитать текст до конца и затем ретроспективно осознать заложенную в заголовке информацию.

Сам заголовок состоит из таких элементов, которые являются носителями определенного объема информации. Читателю необходимо прежде всего знать, что такое Армения. Известно, что по канонам английского правописания все значимые слова любого заголовка пишутся с заглавной буквы. В данном случае имеются в виду издательские законы и ни в коей мере не рекламные или виртуальные тексты. Таким образом, читатель, не имеющий сведений об Армении, не может понять из заголовка, что это — страна, город, деревня и т.д. Кроме того, читателю-американцу или читателю-неамериканцу-неармянину может быть непонятным первый элемент заголовка **Antranik**, он может даже не догадаться, что это имя собственное, ибо данное имя не относится к разряду библейских имен, попавших практически во все языки Христианского мира (Яков, Иосиф, Моисей и т.д.).

При этом наряду с соответствующей фактической информацией сама конструкция заголовка «Antranik of Armenia» несет также определенный объем концептуальной информации. Он практически рассчитан на читателя-армянина, который не только знает, что такое Армения и что

⁵ Saroyan W. Antranik of Armenia // Armenian Palette. Cultural Book Serial. A Special Issue on William Saroyan. Vol. 9. Yerevan, 2008. P. 20–21.

Андралик – это имя собственное, но и знает, кто такой тот Андралик, о котором пойдет речь в рассказе. Ведь было время (имеется в виду поколение самого автора, поколение его отцов и дедов и молодое поколение до недавних времен), когда имя генерала Андраника не сходило с уст армян, как западных, так и восточных. Поэтому любой читатель-армянин мог бы понять, что речь пойдет не просто о каком-нибудь армянине по имени Андралик, а именно об излюбленном герое народа. А для этого автор разместил в заголовке, на первый взгляд, незначительный элемент англоязычного грамматического строя – предлог **of**, используемый для выражения принадлежности кому-либо или чему-либо. Однако именно этот незначительный элемент языкового арсенала становится в данном случае не только носителем расположенной за пределами текста фактической информации, но также актуализатором авторской модальной оценки личности, о которой он повествует, и концептуализатором национально обусловленного мира целого народа.

При этом обе последние функции предлога **of** взаимообусловлены ввиду того, что он одновременно передает как авторскую оценку, так и концептуальную картину мира, в пределах которого образ генерала стал достоянием народа. Это образ выдающегося полководца, сумевшего повести за собой свой народ, организовать гайдукское движение в Западной Армении против турецких регулярных войск и проявить личное мужество и незаурядные способности военачальника. И вся эта информация практически локализуется в заголовке рассказа, из которого благодаря предлогу **of** становится ясно, о каком именно Андранике идет речь: об Андранике, ставшем частицей Армении и потому принадлежавшем ей – **of Armenia**. Если оценивать данный заголовок по шкале классификации названий по форме и объему содержащейся в них фактической и концептуальной информации, то его можно квалифицировать как название-символ по нескольким причинам. Во-первых, по своей форме он определенным образом символизирует так называемый национальный образ мира, мировосприятие и мироощущение конкретного народа. Во-вторых, по объему содержащейся в нем концептуальной информации он является актуализатором авторской концепции и его собственного видения описываемой личности как определенного элемента национальной символики. И, наконец, в-третьих, по объему содержащейся в нем фактической информации он является зеркальным отражением реально существующего символа, национального героя, достояния народа.

В этой связи хотелось бы вспомнить высказывание Л.С. Выготского о том, что «...название дается рассказу, конечно, не зря, оно несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа» [14, с. 204]. И здесь, скорее всего, имеется в виду не внешняя форма, не композиционный каркас произведения, а его глубинная структура, которая формируется в пределах концептуальной информации и имплицитно или эксплицитно выражается в заголовке. В данном случае заголовок действительно является доминантой самой темы и определяет концептуальную структуру всего текста.

Вместе с тем заголовок выполняет свойственную ему проспективно-ретроспективную функцию, которая в данном случае по-разному реализуется для разных типов читателей. Известно, что по своей природе заголовок любого текста является выражением категории проспекции, ибо он в сжатой, компрессивной форме передает содержание данного речевого сообщения и частично подсказывает читателю, о чем пойдет речь в тексте. В случае с анализируемым рассказом такая подсказка понятна только читателю-армянину, так как читатель-неармянин, не обладающий необходимым багажом знаний, не может даже догадаться, о ком и о чем будет предстоящее повествование. Поэтому для читателя-американца и читателя-неамериканца-неармянина проспективная функция заголовка практически не срабатывает. В данном случае срабатывает ретроспективная функция (объективная ретроспекция, актуализируемая самим автором), когда читатель по прочтении текста вновь возвращается к нему и переосмысливает закодированную в нем информацию, как фактическую, так и концептуальную. Что же касается читателя-армянина, то ретроспективная функция заголовка для него реализуется как в рамках текста, так и за его

пределами. Для него нет необходимости возвращаться к заголовку после прочтения текста, так как в его случае полноправно срабатывает категория проспекции. Однако в данном случае эта категория выступает также в качестве субъективной ретроспекции, когда в сознании читателя возникают картины из его личного опыта, связанного с историческими событиями, где образ полковника Андраника является ключевым, сцепляющим прошлое и настоящее звеном. Вероятнее всего, именно поэтому повествование в самом рассказе ведется от имени армянина, американца в первом поколении. И это не Арам, подросток-рассказчик из цикла «Меня зовут Арам», это сам автор, образ которого актуализируется в тексте не только личным местоимением **I**, он наделен возрастом **that was in 1915 ... I was seven**, местом жительства **came to my home town ... in California** и национальностью **I was an Armenian**.

Для читателя-армянина данная информация выходит за пределы текста, она располагается в том вокругтекстовом пространстве, где образ автора-рассказчика идентифицируется с образом автора-творца. Для читателя-неармянина это та информация, которая необходима для понимания периода и места описываемых событий, а также осознания, что существительное **Armenian** является индикатором национальности, а, соответственно, имя собственное **Armenia** в заголовке обозначает страну, откуда родом Андраник.

Для наиболее глубинного понимания индивидуально-авторской концептуализации реальных событий необходимо особое внимание обратить на так называемую внетекстовую информацию, благодаря которой определяется когнитивно-прагматический аспект восприятия текста в процессе художественной коммуникации. Образ повествователя в рассказе «Antranik of Armenia» актуализируется в тексте — это мальчик семи лет, армянин по происхождению и американец в первом поколении, который в силу своего возраста не понимает многого из происходящего вокруг него. По сути, это образ самого автора произведения с элементами его актуального сознания и генетической памяти, и для верной интерпретации заложенной в тексте информации необходимо знание той внетекстовой информации, которая становится неотъемлемым компонентом художественной коммуникации. Здесь равноправно срабатывают оба компонента коммуникативной модели художественного мира Уильяма Сарояна — американский и армянский. С одной стороны, это образ автора-рассказчика, т.е. есть повествователя, с другой — образ автора-творца, т.е. самого Уильяма Сарояна, который, так же как его герой, будучи представителем нового поколения армян, живущих в чуждой им социальной среде, становится ее частью. Он многого не понимает в силу своего возраста, однако заложенный в его сознании генетический код способствует постепенному осознанию и осмыслению ситуации, в которой оказались описываемые в рассказе люди (соответственно и события).

Что же касается читателя, то в данном конкретном случае он сможет постичь заложенную в тексте концептуальную информацию лишь при наличии необходимого объема знаний, благодаря которым вырисовывается авторская когнитивно обусловленная картина мира. При этом в рамках схемы «свой/родной — иной/чужой» для читателя-армянина могут сработать оба компонента в пределах коммуникативной модели «знаю и понимаю». Для читателя-неармянина, но американца-иммигранта могут сработать оба компонента схемы в пределах модели «не знаю, но догадываюсь». Для читателя неармянина-неамериканца, скорее всего, срабатывает модель «не знаю и не догадываюсь».

Несколько иначе обстоит дело с рассказом «My Home, My Home»⁶, где все три типа информации, объединяясь в единый блок концептуализации объективной действительности, становятся актуализаторами «образа автора» и «образа адресата». Примечательно то, что в отличие от многих произведений Уильяма Сарояна, где когнитивное пространство текста создается благодаря семантической наполняемости языковых единиц, выступающих в роли индикаторов или детерминантов того или иного явления действительности, в настоящем рассказе эту роль принимает

⁶ Saroyan W. My Home, My Home // Selected Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1975. P. 238–240.

на себя композиционная организация текста, ее смысловая структура и конструктивный каркас. Это, с одной стороны, монолог автора, его размышления о родном городе, где он родился и вырос, с другой — диалог с читателем, который актуализируется в рассказе личным местоимением **you**.

Обращенность к внетекстовому адресату, образ которого не конкретизируется в силу того, что автор не только не называет его, но и придает ему определенное качество нейтральности и обобщенности, тем не менее предопределяет структуру и синтаксическую организацию всего текста. Последние в свою очередь, выполняя определенную стилистическую функцию, приобретают ту модальную окраску, которая способствует выявлению «образа автора», хотя, на первый взгляд, «образ автора», равно как и «образ адресата» в рамках межкультурного пространства, представляется вполне нейтральным и обобщенным. Как автор, так и адресат могут быть представителями любой национальности, любого национально-культурного сообщества, носителями любой культуры. Однако читатель, которому известны многие факты актуального сознания автора-производителя, может с легкостью определить смысловую основу рассказа и ответить на вопрос, почему же именно Уильяму Сарояну понадобилась эта тема и к кому он обращается на протяжении всего повествования.

В данном рассказе актуализируется только один концепт — концепт «дом» с выходом на его глубинную семантическую структуру, в которой реализуется характерный для армянского языкового сознания концепт «тоска». Ведь понятия «дом» и «тоска» являются теми концептуальными единицами, которые неразрывно сосуществуют в национальном сознании армян, проживающих в диаспоре.

Актуализатором концепта «дом» в первую очередь выступает заголовок рассказа «My Home, My Home». Именно здесь благодаря притяжательному местоимению **my** концепт «дом» приобретает свое то значение, где жилье, люди и семья, сливаясь воедино, становятся двойником человека, без которого ему трудно существовать. Это тот кусок земли, куда человек возвращается в силу его привязанности к нему, в силу того, что, покидая его, он оставляет здесь свои корни, свое прошлое, свой очаг. И это подтверждается буквально в первом абзаце рассказа, который становится своего рода интродукцией, т.е. тем элементом повествовательной структуры текста, который вводит читателя в мир описываемых событий и делает его сопереживателем и созерцателем этого мира.

Of the unchanging things, the town in which you first saw the light is one of the most unchanging. It is always a place of monotony but at the same time, as you grow, change, go away, remember, return, and go away again, it is one of the most inexhaustibly rich places. And yet what it is is so nearly nothing, except for the dull, drab, lonely, lost objects of it, that you never know, each time you return to it, what it is that holds you so strongly to you.

Хотя весь рассказ относится к разряду авторских размышлений на тему родного города, тем не менее данный абзац является тем интегрирующим звеном, где расположено смысловое ядро текста и сконцентрирована концептуальная информация, которая по принципу центробежного развертывания общего концепта распространяется на те отрезки повествования, в которых она осознанно или неосознанно размещена автором. Таким образом, данный отрезок текста выполняет одновременно две важные функции: с одной стороны, он предваряет повествование, выполняя роль интродукции и вовлекая внетекстового адресата в общий процесс художественного сотворчества; с другой — является тем интегрирующим элементом в общей структуре текста, благодаря которому реализуется категория завершенности и достигается экспликация авторского замысла.

Именно в этом отрезке текста благодаря семантической наполняемости конкретных языковых единиц и модальной окраске, которую они получают в силу их стилистической маркированности, происходит концептуализация основной темы: дом и тоска по дому. Это прежде всего лексема **change**, которая в первом предложении используется дважды в форме причастия настоящего времени **unchanging** с отрицательной приставкой **un-**, что, с одной стороны, обеспечивает

продолжительность, нескончаемость действия по отношению к представлениям, связанным с явлением «дом», с другой — неизменяемость и незаменяемость тех же представлений. Буквально во втором предложении глагол **change** появляется в своем прямом значении и форме и вместе с причастием **unchanging** образует своего рода замкнутое пространство, где без формального указателя (партисипиальной формы) приобретает то же значение повторяемости, продолжительности благодаря семантической наполняемости, достигаемой в силу его лексического окружения **at the same time, as you grow, change, go away, remember, return, and go away again**. Роль семантического скрепа и идентификатора принимают на себя выражение **at the same time**, союз **as** и наречие **again**, т.е. одновременно с процессом нескончаемости и неизменяемости имеет место иной процесс, который определяется уже рядом глаголов **grow, go away, remember, return, go away again**, обеспечивающих категорию процессуальности и повторяемости. Однако данное пространство дополняется еще и рядом стилистически маркированных единиц, благодаря которым модальная окраска описываемого наряду с формально грамматическими достигается и стилистически окрашенными лексическими средствами, приобретая при этом субъективно-оценочное значение. Так, родной город, где не только сам автор родился, но и обобщенно, где любой человек впервые открывает глаза и видит свет (в данном случае индикатором обобщенности выступает местоимение **you — the town in which you first saw the light**), он образно называет **a place of monotony**.

Выражение **a place of monotony** достигает определенного метафорического значения, хотя и не представляет собой семантически противоречивого высказывания по отношению к существительному **town**. Однако благодаря наречию **always** оно приобретает субъективно-оценочное значение и становится своеобразным детерминантом авторского миропонимания, иными словами — концептуальной метафорой: для него родной город — это всегда место монотонно однообразное и скучное (три значения существительного **monotony** — «монотонность», «однообразие», «скука»). Однако буквально в конце предложения появляется абсолютно противоположное определение того же явления (родной город) — **it is one of the most inexhaustibly rich places**, т.е. есть «одно из наиболее неисчерпаемо богатых мест». Всего лишь одно предложение, где начало и конец контрастируют по своей смысловой значимости, однако небольшой путь от одного до другого, выраженный перечислением видов деятельности, которые по нарастающей подводят к конечному выводу, становится семантической связкой между тем, чем тебе кажется место рождения вначале, и тем, каким оно представляется через определенный промежуток времени, когда ты взрослеешь, меняешься, уезжаешь, вспоминаешь, возвращаешься и вновь уезжаешь. А затем снова приходишь к выводу, что это почти ничто, кроме как скучные, серые (в смысле однообразные), одинокие, потерянные предметы, о которых ты ничего не знаешь, однако каждый раз, возвращаясь к ним, ты понимаешь, что это именно те предметы, которые так крепко связывают тебя с твоим домом. И именно в данном последнем предложении первого абзаца особенно отчетливо актуализируется концепт «дом» как нечто имеющее ту силу, благодаря которой ты вновь и вновь возвращаешься и убеждаешься в его непоколебимой власти над тобой, потому что здесь твои корни, здесь твое прошлое, здесь твоя история. Примечательно то, что само слово **home**, которое в своем значении «дом», «очаг», «родные» является актуализатором концепта «дом», ни разу не встречается на протяжении всего повествования. Оно локализуется лишь в сочетании **home town**, использованном всего один раз, и, казалось бы, растворяется в созданном им же семантическом контексте, где его роль принимают на себя существительные **town, place, streets, houses, school** и **world**.

Объем информации, существующей как внутри текста, так и за его пределами, способствует дополнительной активации возможностей читателя и его знаний, обеспечивающих в его сознании реализацию таких когнитивных процессов, как узнавание и воспоминание, которые, в свою очередь, проистекают по схеме «знаю — не знаю — догадываюсь» или «знаю — не знаю — не догадываюсь». И именно данный объем информации конструирует концептуальную структуру текста и в определенной степени нейтрализует позицию адресата с точки зрения межкультурного дискурса.

Как автор, так и адресат в данном случае могут быть представителями любой национальности. Армянская субстанция в этих рассказах не прослеживается, хотя элементы армянского языкового сознания вкрапливаются в их когнитивную структуру. Однако они никак не маркированы и скорее находятся в той вокругтекстовой или надтекстовой информации, которой владеет не каждый читатель. И в этом случае адресат, будь то американец, неамериканец или армянин, раскрывает для себя авторский концепт согласно схеме «не знаю, но догадываюсь» или «не знаю и не догадываюсь». Иными словами, компонент армянского языкового сознания для большей части читателей остается за пределами «достижимости».

Одним из произведений Уильяма Сарояна, где когнитивный процесс узнавания формируется путем актуализации навыков, сходных с навыками адресата вследствие вовлечения последнего в мир текста и достижения желаемого воздействия и соответствующего взаимопонимания, является рассказ «The Man with the Heart in the Highlands»⁷. Для понимания и верного декодирования авторской концепции в данном рассказе, как и в предыдущих случаях, необходим довольно большой багаж фоновых знаний. Именно установка на фоновые знания адресата обеспечивает одновременно и конструирование текста в рамках межкультурного дискурса, и выход его в межкультурное пространство в его широком контекстуальном смысле.

История людей, изображенных в тексте, ничем не примечательна. Однако именно их образы и поведение требуют от читателя исторического, социального, культурологического, этнического и ареального багажа знаний для верного осмысления заложенной в тексте как фактической, так и концептуальной информации. Последняя в наиболее компрессивной форме сконцентрирована в заголовке, где авторский концепт имплицитно сообщается как запрограммированное сообщение, принуждающее адресата восполнить смысловые лакуны путем привлечения фоновых знаний. Именно заголовок рассказа занимает в данном случае наиболее сильную позицию, и именно он требует от читателя больших усилий для декодирования той информации, которая заложена в нем как носителе авторского концепта, формирующего весь текст. А для этого необходимо знание той содержательной информации, которая лежит за пределами текста и не эксплицируется языковыми средствами в самом тексте.

Прежде всего читатель должен обладать информацией о том, что рассказ «The Man with the Heart in the Highlands» и пьеса «My Heart's in the Highlands» — это тот же сюжет в разных жанровых оформлениях: новелла и пьеса. Владение данной информацией необходимо для того, чтобы читатель мог понять, почему рассказ называется «The Man with the Heart in the Highlands» («Человек с сердцем в горах») и откуда взялось это название. Здесь закодирован не только авторский концепт о тоске по родине: человек, оказавшийся в силу тех или иных обстоятельств на чужбине, оставляет свое сердце на родине. В данном коде заложена также информация межкультурного и ареального значения. Герой рассказа — шотландец по национальности. Потому на протяжении всего рассказа он играет на трубе песню «My Heart's in the Highlands» (известное стихотворение Роберта Бернса), которая дорога любому шотландцу. Однако для верного толкования закодированной информации читатель должен также знать, что Армения во многом напоминает Шотландию: высокогорная по рельефу и небольшая по территории. Не случайно поэтому появление в рассказе, и тем более в пьесе, образа старушки-армянки, бабушки юного героя Джонни, о происхождении которой читатель узнает только благодаря авторским ремаркам в пьесе. Ее речь, хотя и на английском языке, вводится следующим образом:

Johnny's Grandmother (In Armenian, which is the only language she speaks, with exception of Turkish, Kurdish, and a little Arabic, which nobody around seems to know).

Данного пояснения в рассказе нет, да и в самой пьесе не говорится о том, что она армянка, а лишь упоминается, что армянский — единственный язык, на котором она говорит. Вот почему читатель, не знающий пьесу, а также национальность самого Уильяма Сарояна, не может мысленно

⁷ Saroyan W. The Man with the Heart in the Highlands // Selected Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1975. P. 70–82.

заполнить ту смысловую лакуну, которая обеспечивает сближение двух персонажей: Мак-Грегора и бабушки Джонни и определить такие компоненты данного дискурса, как социальный контекст, происхождение, страна, рельеф, психология скитальца, тоска по родине, которые, в свою очередь, восходят к образу оставшегося за пределами текста самого автора. Именно здесь в силу вступает вечный круг ассоциаций, причастный к раскрытию авторского концепта, запрограммированного сообщения и возможных толкований информации, заложенной в данное сообщение.

Данный заголовок можно отнести сразу к трем типам названий: название-цитата, название-намеки и название-символ. Как название-цитата он взят из стихотворения Роберта Бернса «My Heart's in the Highlands». Как название-намеки он выполняет проспективную функцию, предупреждая читателя о том, что речь пойдет об уроженце Шотландского нагорья, где и находится сердце любого шотландца – выходца из данной местности. Как название-символ он приобретает функцию метафорического обобщения, которое можно назвать концептуальной номинацией, ибо в нем содержится потенциальная информация о судьбах, чувствах и переживаниях людей, которые, подобно герою рассказа, оказались в одинаковой (стереотипной) ситуации.

И именно в последнем своем значении (название-символ) заголовок «The Man with the Heart in the Highlands» отражает три таких универсальных концепта, как «душа», «судьба» и «тоска», которые благодаря той ситуации, которую они символизируют, получают сугубо национальную окраску и передают армянскую субстанцию, ибо являются «двойниками» (концепт «двойничество») любого армянина, оказавшегося на чужбине. Не потому ли пьесу Уильям Сароян назвал просто «My Heart's in the Highlands», где на первый план выходит уже образ самого автора с его собственной тоской по родине.

Концепт «душа» как в рассказе, так и в пьесе актуализируется через существительное **heart**. Известно, что у многих народов вместилищем или носителем души считается сердце. Здесь существительное **heart** становится своеобразным «вместилищем» значения **soul** «душа», существующего в армянском языковом сознании (как и у многих других народов) как внутреннее **Я** человека. В данном случае происходит раздвоение человека на **Я**-духовное и **Я**-физическое. **Я**-физическое героя находится в определенном месте в силу определенных обстоятельств, тогда как его **Я**-духовное, отделившись от тела, остается там, где оно должно быть, – на его родине. И именно **Я**-духовное в данном случае наряду с концептом «душа» передает и своеобразное значение концепта «судьба».

В армянском языковом сознании после известных событий 1915 года концепт «судьба» получил определенную смысловую окраску, приобретая частично значение концепта «доля», который так же, как концепт «душа», становится «двойником» любого армянина, не проживающего на территории Армении. Судьба как высшая сила, управляемая космосом и существующая независимо от человека, превращается в нечто реальное, физически ощутимое, приобретая свойство более локального, узкого значения – судьбой предопределено то, что случилось и чего не миновать. Армянское существительное **նախնշարհ** («на лбу написанный»), нечто данное и предопределенное свыше, имеет такой синоним, как **բախ** (судьба) – с узким значением «счастливый/несчастливый», «везучий/невезучий». В данных обстоятельствах **նախնշարհ** и **բախ**, сливаясь воедино, создают своеобразную концептуальную картину с уже иной негативной семантикой в виде **նախնշարհ** – «судьба армянина», т.е. такой же невезучий, как армянин, которому свыше предопределено быть таковым. Такой «судьбы армянина» удостоился и герой рассказа, старый шотландец, бездомный бродяга Джаспер Мак-Грегор – быть вдали от родины и тосковать по родным краям.

Что же касается концепта «тоска» как «печаль», «ностальгия», то он получает свое материальное выражение в существительном **Highlands** – это тоска по родным краям, по горам, которые для каждого шотландца, равно как и армянина (высокогорный рельеф Армении), являются символом родины. Одновременно существительное **Highlands** вбирает два значения концепта «дом».

С одной стороны, это «физическое» значение как родина, как «свое земное пространство», с другой — это духовное как собственный внутренний, мир, как двойник человека, оказавшегося на чужбине (концепт «двойничество»).

Межкультурный дискурс в данном рассказе формирует фактически стереотипную ситуацию (в данном случае ситуацию «плавильного тигеля») с помощью метафорической модели — а таковыми являются заголовок, образы двух основных персонажей и соседей, частично образ поляка-бакалейщика Козака — внутри- и вокругтекстового мира с выходом на производителя текста и его воздействия на адресата для достижения наиболее эффективного переосмысления собственного Я.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что коммуникативная модель художественного мира Уильяма Сарояна складывается из ряда компонентов, определяющих ее когнитивно и культурно обусловленную специфику: американский компонент, армянский компонент, социокультурная ситуация «плавильного тигеля» и «дискурс примитива», художественное моделирование которого реализуется в рамках схемы «свой/родной — иной/чужой». В ситуации с полисубъектным реципиентом данная модель осуществляется согласно схеме «знаю и понимаю», «не знаю, но догадываюсь», «не знаю и не догадываюсь».

Для наиболее адекватного восприятия и полноценного понимания и осознания творческого наследия Уильяма Сарояна в ситуации с полисубъектным реципиентом необходимо наличие определенного багажа знаний. В противном случае читатель может не углядеть той глубинной структуры плана содержания, которая определяет индивидуальность автора и своеобразие его творческой манеры. Иными словами, коммуникативная модель художественного мира Уильяма Сарояна осуществляется согласно схеме: «знаю и понимаю», «не знаю, но догадываюсь», «не знаю и не догадываюсь».

Объем информации, существующей как внутри текста, так и за его пределами, способствует дополнительной активации возможностей читателя и его знаний, обеспечивающих в его сознании реализацию таких когнитивных процессов, как узнавание и воспоминание, которые, в свою очередь, проистекают по схеме «знаю — не знаю — догадываюсь» или «знаю — не знаю — не догадываюсь».

Армянская субстанция в большинстве случаев не прослеживается, хотя практически во всех случаях элементы армянского языкового сознания вкрапливаются в когнитивную структуру текста. Однако в силу своей немаркированности для большей части читателей они остаются за пределами «досягаемости», и тогда адресат, будь то американец, неамериканец или армянин, «домысливает» их согласно схеме «догадываюсь / не догадываюсь», которая, в свою очередь, определяется такими уровнями, как «не знаю, но догадываюсь» или «не знаю и не догадываюсь». При этом когнитивные структуры определяются совокупностью таких концептов, которые, будучи универсальными, приобретают качество национальной (армянская субстанция) или социальной («плавильный тигель») перекодировки: «судьба», «доля», «тоска», «двойничество», «свой/родной», «близкий/дальний».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Al-Hindawi F.H., Saffah M.D. Literary Pragmatics // Arab World English Journal. 2019. Vol. 10, No. 2. P. 394–408. DOI: 10.24093/awej/vol10no2.30
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.

3. **Кобелева В.П.** Информационная структура художественного дискурса // Актуальные исследования. 2023. № 42-1 (172). С. 37–39. URL: <https://apni.ru/article/7203-informatsionnaya-struktura-khudozhestvennogo> (дата обращения: 12.12.2024).
4. **Таршис Е.Я.** Перспективы развития метода контент-анализа // Социология 4М. 2002. № 15. С. 71–92.
5. **Скляр О.Н.** Мир, организованный вокруг текста // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011. Вып. 1 (23). С. 169–172.
6. **Myhovych I.V.** Theory of Communication: Interdisciplinary Approach. Luhansk: Taras Shevchenko National University Press, 2022. 396 p.
7. **Дзюбенко А.И.** Текстовые маркеры событийности: коммуникативно-прагматический аспект художественного вымысла // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 8 (44). С. 1–5. DOI: 10.18454/RULB.2023.44.38
8. **Мальцева Н.Б., Варшавская А.И.** О некоторых средствах актуализации автора как языковой личности (на материале эссе Э. Сепира) // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. № 8: Антропоцентризм в языке и речи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 199–210.
9. **Токарева Г.А.** Художественная и лирическая коммуникация: понятийно-терминологический аспект // Актуальные исследования. 2021. № 1 (28). С. 50–58.
10. **Osiyanova A.V., Kuleshova A.S.** Authentic Literary Text as the Subject of Linguistic and Stylistic Analysis // Philological Readings. Vol. 83: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, 2020. P. 480–486. DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.54
11. **Корнилов О.А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
12. **Серегина Т.Н.** Модели межкультурной коммуникации // Власть. 2020. № 28 (1). С. 119–124. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7062
13. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
14. **Выготский Л.С.** Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.

REFERENCES

- [1] **Al-Hindawi F.H., Saffah M.D.**, Literary Pragmatics, Arab World English Journal, 10 (2) (2019) 394–408. DOI: 10.24093/awej/vol10no2.30
- [2] **Arutyunova N.D.**, Faktor adresata [Addressee factor], Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language, 40 (4) (1981) 356–367.
- [3] **Kobeleva V.P.**, Information Structure of Literary Discourse, Aktualnyye issledovaniya [Current Research], 42-1 (172) (2023) 37–39. Available at: <https://apni.ru/article/7203-informatsionnaya-struktura-khudozhestvennogo> (accessed 12.12.2024).
- [4] **Tarshis Ye.Ya.**, Perspektivy razvitiya metoda kontent-analiza [Prospects for the development of the content analysis method], Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M), 15 (2002) 71–92.
- [5] **Sklyarov O.N.**, Mir, organizovanny vokrug teksta [A world organized around text], Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya, 1 (23) (2011) 169–172.
- [6] **Myhovych I.V.**, Theory of Communication: Interdisciplinary Approach, Taras Shevchenko National University Press, Luhansk, 2022.
- [7] **Dzyubenko A.I.**, Textual markers of eventuality: the communicative and pragmatic aspect of fiction, Russian Linguistic Bulletin. 8 (44) (2023) 1–5. DOI: 10.18454/RULB.2023.44.38.
- [8] **Maltseva N.B., Varshavskaya A.I.**, O nekotorykh sredstvakh aktualizatsii avtora kak yazykovoy lichnosti (na materiale esse E. Sepira) [On some means of actualizing the author as a linguistic personality (based on the essay by E. Sapir)], Voprosy struktury angliyskogo yazyka v sinkhronii i diakhronii [Questions of the structure of the English language in synchrony and diachrony], 8, Antropotsentriзм v yazyke i rechi [Anthropocentrism in language and speech], St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 2003, pp. 199–210.
- [9] **Tokareva G.A.**, Artistic and Lyrical Communication: Conceptual and Terminological Aspect, Aktualnyye issledovaniya [Current Research], 1 (28) (2021) 50–58.

[10] **Osiyanova A.V., Kuleshova A.S.**, Authentic Literary Text as the Subject of Linguistic and Stylistic Analysis, *Philological Readings*, 83, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, European Publisher, 2020, pp. 480–486. DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.54

[11] **Kornilov O.A.**, *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities], 2nd ed., CheRo, Moscow, 2003.

[12] **Seregina T.N.**, Models of Intercultural Communication, *Vlast* [Power], 28 (1) (2020) 119–124.

[13] **Wierzbicka A.**, *Semantics, Culture and Cognition*, *Russkiye slovari*, Moscow, 1997.

[14] **Vygotskiy L.S.**, *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art], *Iskusstvo*, Moscow, 1968.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гаспарян Гаянэ Раффиевна

Gayane R. Gasparyan

E-mail: gasparyan.gayane@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3353-8512>

Поступила: 07.12.2024; Одобрена: 11.12.2024; Принята: 18.12.2024.

Submitted: 07.12.2024; Approved: 11.12.2024; Accepted: 18.12.2024.

Научная статья

УДК 811.113.4

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15404>

EDN: <https://elibrary/LVUDWW>

МАРКЕРЫ ВЕЖЛИВОСТИ *VENLIGST*, *GERNE* И *PLEASE* В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Гурова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 e.gurova@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению семантических, сочетаемостных и прагматических особенностей датских маркеров *venligst* и *gerne*, а также заимствования *please*. В качестве источника материала были использованы данные датского веб-корпуса Araneum Danicum Beta, входящего в состав семейства миллиардных веб-корпусов Aranea Web Corpora Project, а также различные датские сериалы. В ходе исследования применялись семантический и контекстуальный анализ корпусных данных и кинотекста. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в датской письменной коммуникации используются разные маркеры вежливости в зависимости от типа дискурса и вида побудительного высказывания. Для вежливой просьбы в официально-деловых и информативно-регуляторских текстах характерна модель «императив + *venligst*», для совета или предложения – модель «императив + *gerne*». Конструкция *måtte gerne* более универсальна, так как может быть использована в самых разных побудительных значениях (разрешение, просьба, совет, предложение, пожелание-требование), поэтому можно говорить о том, что данная конструкция становится вежливой альтернативой императиву как в письменной, так и в устной речи. Английский маркер вежливости *please* используется не только в настойчивых просьбах в разговорной речи, но и в письменной неформальной интернет-коммуникации в качестве вежливого маркера просьбы, обращенной к незнакомым виртуальным собеседникам.

Ключевые слова: датский язык, вежливость, маркеры вежливости, *venligst*, *gerne*, *please*.

Для цитирования: Гурова Е.А. Маркеры вежливости *venligst*, *gerne* и *please* в датском языке // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 52–66. DOI: 10.18721/JHSS.15404

POLITENESS MARKERS *VENLIGST*, *GERNE* AND *PLEASE* IN THE DANISH LANGUAGE

E.A. Gurova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

 e.gurova@spbu.ru

Abstract. The article aims at identification of semantic, collocational and pragmatic features of the Danish markers *venligst* and *gerne*, and the loanword *please*. The data from Aranea Web Corpora Project (Araneum Danicum Beta), as well as various Danish TV series, were used as the study material. Semantic and contextual analysis of the corpus data and audiovisual text was applied in the course of the study. The study allows to conclude that the Danish written communication uses various politeness markers depending on the type of discourse and the imperative. The model ‘imperative + *venligst*’ is mostly used for an official request in official and informational-regulatory texts, while the model ‘imperative + *gerne*’ is characteristic of advice or proposal. The construction ‘*måtte gerne*’ is more universal, as it may be used in various imperative meanings (permission, request, advice, proposal, request-demand), hence it could be said that this construction is becoming a polite alternative to the imperative both in written text and in speech. The English politeness marker *please* is not only used in persistent requests in the colloquial speech, but also in written informal Internet communication as a polite marker of a request addressed to unknown virtual interlocutors.

Keywords: the Danish language, politeness, politeness markers, *venligst*, *gerne*, *please*.

Citation: Gurova E.A., Politeness markers *venligst*, *gerne* and *please* in the Danish language, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 52–66. DOI: 10.18721/JHSS.15404

Введение

Во многих языках есть этикетные формулы и маркеры вежливости, которые способствуют кооперативному социальному взаимодействию. Сам феномен вежливости несколько десятилетий находится в фокусе внимания исследователей в разных междисциплинарных областях. Как отмечает Т.В. Ларина, «теория вежливости стала одним из актуальных направлений лингвистических исследований, которое активно развивается на стыке социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, дискурс-анализа и межкультурной коммуникации» [1, с. 134]. Проблемы вежливости рассматриваются с общетеоретической точки зрения в работах Р. Лакофф [2], П. Браун и С. Левинсона [3], Дж. Элена [4], Р. Уотса [5], Дж. Калпепера [6], Дж. Лича [7], Е.А. Земской [8], И.А. Стернина [9], в системе конкретного языка в исследованиях Ш. Блюм-Кульки [10], В.М. Алпатов, в компаративном аспекте в трудах А. Вежицкой [12], Т.В. Лариной [13], Э. Огерман [14], О. Хольберг [15].

Способы выражения вежливости зависят от того, как вежливость воспринимается в той или иной культуре¹. У одних народов в основе вежливости лежит почтительность, у других – скромность, у третьих – внимание к окружающим [13, с. 164]. Так, в отличие от ключевого слова английской культуры *politeness* ‘вежливость’ датский эквивалент *høflighed* не играет такой большой роли в датском социальном дискурсе, как, например, понятия *hygge* ‘уют’ и *tryghed* ‘безопасность, защищенность’ [16, р. 249]. Как считает антрополог Д. Нёрмарк, вежливость всегда обусловлена уровнем ожидания общества, а в Дании этот уровень в отношении вежливости довольно низок [17, с. 44]. Употребление вежливых фраз приводит к образованию дистанции между

¹ Arnsberg A.S., Bentsen S.E. Say please? En tværsproglig analyse af opfordringer på engelsk produceret af danske og spanske sprogbrugere med særligt fokus på høflighed og kulturelle værdier (kandidatforhandling), København: Copenhagen Business School, 2009. S. 58.

коммуникантами, так как социальная роль собеседника в этом случае либо повышается, либо понижается, что, с точки зрения носителей датского языка, привыкших к общению на равных, совсем не желательно.

В некоторых языках есть особые интенсификаторы, или маркеры, вежливости, которые, как правило, используются в побудительных предложениях (рус. *пожалуйста*, англ. *please*, нем. *bitte*, фр. *s'il vous plaît*, исп. *por favor*, перс. *loftan*). Несмотря на то, что данные лексемы имеют схожую функцию (смягчение императивности высказывания), полными эквивалентами их считать нельзя, так как каждый маркер имеет свои семантические, сочетаемостные и просодические особенности [18–20]. Их частотность в речи также может быть различной. Например, немцы гораздо чаще используют в просьбах *bitte*, чем англичане *please* [21, р. 97], а американцы используют *please* реже, чем британцы [22, р. 1098]. Интересно, что в употреблении маркеров вежливости могут наблюдаться изменения. Так, русская речевая формула *можно/можешь/можете, пожалуйста...*, по-видимому, является калькой англоязычной конструкции *May I please...* и используется вместо нормативного побуждения *дай/сделай, пожалуйста...* в детской и молодежной среде. При этом, как указывают И.В. Высоцкая и О.И. Северская, представители молодого поколения не ощущают «избыточность этого выражения, оно нейтрально и автоматически воспроизводимо в разных речевых ситуациях» [23, с. 225].

В скандинавских языках отсутствует эквивалент русскому пожалуйста и английскому *please*, поэтому функцию смягчения императивности просьбы имеют другие выражения² [24, р. 65]. В датской разговорной речи используются выражения *vil du være så venlig at...*, *vil du være sød at... / vær sød at... / er du sød at...* [25], модальные вопросы с глаголами *ville*, *kunne* и модальными частицами *lige*, *bare* [26]. Кроме этого, в устной речи употребляется английское заимствование *please*, однако оно, как правило, имеет более узкую прагматическую функцию, являясь «*please of begging*», т.е. используется только в настойчивых просьбах, занимает позицию в начале или конце предложения и произносится с долгим гласным с особой просительной интонацией: *pleeeeeeease!* [16, р. 250].

В письменной коммуникации употребляются иные языковые средства – маркеры *venligst* и *gerne*, которые, насколько нам известно, не становились предметом специального лингвистического исследования. Целью данной работы является выявление семантических, сочетаемостных и прагматических особенностей маркеров *venligst* и *gerne*, а также английского заимствования *please*. В качестве источника материала были использованы данные датского веб-корпуса Araneum Danicum Beta³, входящего в состав семейства миллиардных веб-корпусов Aranea Web Corpora Project⁴, а также различные датские сериалы. Веб-корпус имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными текстовыми корпусами: во-первых, он охватывает такие интернет-жанры, как блог, форум и чат, которые отличаются естественностью коммуникации, во-вторых, его размер на порядок превышает размер традиционных корпусов благодаря автоматизированным процедурам, с помощью которых осуществляется постепенная загрузка текстов из интернета. Основными методами, которые применялись в ходе исследования, стали семантический и контекстуальный анализы корпусных данных и диалогов телесериалов. Корпусный поиск был нацелен на выявление минимальных контекстов употребления исследуемых маркеров вежливости, а также их коллокатов. В случае с маркером *venligst* с помощью простого поиска были выявлены все контексты употребления (18273 вхождений), определен правый и левый контекст, а также коллокаты. Выявленные частотные глаголы позволили определить основные сочетаемостные модели маркера *venligst* в директивах. В случае с маркером *gerne* поиск велся по сочетанию *måtte gerne* (10658 вхождений), а также простому поиску леммы *gerne*, который дал 488 096 вхождений. Из них вручную

² Arnsberg A.S., Bentsen S.E. Say please? En tværsproglig analyse af opfordringer på engelsk produceret af danske og spanske sprogbrugere med særligt fokus på høflighed og kulturelle værdier (kandidatafhandling), København: Copenhagen Business School, 2009. S. 99.

³ Araneum Danicum Beta // Aranea Web Corpora Project. URL: http://ucts.uniba.sk/aranea_about/index.html (дата обращения: 14.11.2024).

⁴ Aranea: Семейство миллиардных веб-корпусов // Письменное наследие. URL: <https://textualheritage.org/ru/el-manuscript-2015-ws-/vladimir-benko.html> (дата обращения: 14.11.2024)

были выбраны случаи употребления модели «императив + *gerne*». Простой поиск по лемме *please* выявил 5611 вхождений, из них вручную были выбраны контексты на датском языке. Для выявления использования модели *måtte gerne* в разговорном языке были просмотрены датские телесериалы *Bedrag* (3-й сезон, 2019, рус. «Обман»), *Rejseholdet* (4 сезона, 2000–2003, рус. «Спецподразделение»), *Mysteriet på Bornholm* (1-й сезон, 2024, рус. «Тайна Борнхольма»).

Venligst

Форма *venligst* представляет собой превосходную степень от прилагательного *venlig* ‘любезный, приветливый, дружеский, дружелюбный’.

Авторы Датского толкового словаря⁵ не выделяют форму *venligst* в отдельную вокабулу, однако приводят ее в качестве примера к одному из подзначений прилагательного *venlig*:

1. b. *bruges formelagtigt som udtryk for høflighed i anmodninger, hilsener el. lign.* ‘используется в официальной речи как маркер вежливости в просьбах, приветствиях и т.д.’

В качестве примеров употребления приводится заключительная этикетная формула, характерная для письменной коммуникации: *med venlig hilsen* ‘с уважением’, и следующие этикетные фразы:

Vær så venlig at tage plads. ‘Сядите, пожалуйста’;

Medsend venligst frankeret svarkuvert. ‘Просим [пожалуйста⁶]/просьба приложить конверт с маркой для ответного письма’.

В англо-датских словарях *venligst* приводится в качестве соответствия *please*, однако считать их полными эквивалентами нельзя, так как *venligst* в датской разговорной речи встречается довольно редко и функционально совпадает с английским *please* только в ситуациях письменной просьбы в официально-деловой коммуникации (табл. 1). Если сравнивать реализацию приводимых в табл. 1 основных значений⁷ русского маркера пожалуйста с датскими соответствиями, также бросается в глаза лексическая асимметрия. Русскому маркеру вежливости *пожалуйста* соответствует целый ряд датских эквивалентов, употребление которых обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией. Совпадая в одном значении, *venligst* является лишь частичным эквивалентом русской частицы и используется для смягчения императивности просьбы, в основном в письменной речи.

Анализ корпусных данных показал, что маркер *venligst* обладает весьма ограниченной сочетаемостью и может образовывать три модели:

1. С формами императива:

Læs venligst vedlagte vejledning, før du udfylder ansøgningsskemaet. ‘Перед заполнением заявки прочтите [пожалуйста] прилагаемую инструкцию’;

Sæt venligst kryds. ‘Отметьте [пожалуйста] крестиком’;

Betal venligst fakturaen senest den X. ‘Просим [пожалуйста] / Просьба оплатить счет-фактуру до ЧЧ.ММ.ГГ’;

Vær venligst opmærksom på, at det kan være nødvendigt med visum i visse lande for ikke skandinaviske statsborgere. ‘Обратите, пожалуйста, внимание на то, что в некоторых странах может понадобится виза для граждан не скандинавских стран’;

Vent venligst her. ‘Пожалуйста, подождите здесь’ (надпись на полу);

2. С глаголом *bede* ‘просить’ в действительном и страдательном залоге на —s:

a) *beder nogen venligst* + инфинитив

På afrejsedagen beder vi dig venligst forlade sommerhuset senest kl. 10:00, således at der er tid til, at sommerhuset kan blive rengjort til de næste gæster. ‘В день отъезда мы просим Вас [пожалуйста] покинуть коттедж до 10.00 часов, чтобы у нас было время убраться к приезду новых гостей’;

⁵ Den danske ordbog: *venlig*. URL: <https://ordnet.dk/ddo/ordbog?select=venlig&query=venligst> (дата обращения: 14.11.2024).

⁶ Здесь и далее мы намеренно приводим русский эквивалент в скобках, чтобы показать избыточность маркера вежливости в русских предложениях, относящихся к официально-деловому стилю.

⁷ Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001; Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2008; Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001; Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999.

Таблица 1. Значения маркера вежливости «пожалуйста» и его английские и датские соответствия
 Table 1. Meanings of the politeness marker "pozhaluysta" and its English and Danish correspondences

ПОЖАЛУЙСТА: ЗНАЧЕНИЯ	АНГЛИЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ	ДАТСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ
1. Маркер вежливости при побуждении к действию (просьба, предложение, приглашение)		
Дай мне, пожалуйста , книгу.	Can you give me the book, please ?	Vil du give mig bogen?
Пришлите, пожалуйста , информацию о своем росте, возрасте и размере...	Please , send information about your height, age, and size to...	Oplys venligst din højde, alder og størrelse...
Возьмите, пожалуйста , еще кусочек.	Have another piece, please .	Vil du ikke have et stykke til/mere?
Присаживайтесь, пожалуйста , в приемной.	Please take a seat in the waiting room.	Værsgo at tage plads i venteværelset.
2. Для оформления вежливой формы вопроса		
Скажите, пожалуйста , который час?	Do you know the time, please ? Can/could you tell me the time, please ?	Vil du sige mig, hvad klokken er? / Må jeg spørge, hvad klokken er?
3. Разрешение (согласительные ответы на вопрос или просьбу)		
– Можно войти? – Пожалуйста .	– Can I come in? – Please , come in / Sure!	– Må jeg komme ind? – Ja, værsgo. / Ja, kom indenfor.
4. Ответ на благодарность		
– Спасибо за чай. – Пожалуйста .	– Thank you for the tea. – You're welcome .	– Tak for te. – Selv tak. / Det var så lidt.
5. Извинение		
Извини меня, пожалуйста .	I am really sorry, can you forgive me, please ?	Det må du meget undskylde.
6. Вежливый ответ при передаче какого-либо предмета		
– Не могли бы вы дать ложку? – Вот, пожалуйста .	– Could I have a spoon, please? – Here you go .	– Vil du give mig en ske? / Må jeg bede om en ske? – Ja, værsgo.
7. Настойчивая просьба		
Можно я пойду с Аней в кино? Ну, пожалуйста !	– Can I go to the cinema with Anya? Pretty please! / Pleeease!	Må jeg gå i biografen med Anja? Må jeg ikke godt/nok? / Pleeease!
8. Для усиления междометных слов при выражении удивления, возмущения, негодования, иронии, в эмоционально-экспрессивных оборотах речи (коммуникемах)		
Ах, скажите пожалуйста , какая чувствительность!	Oh, dear, how sensitive! / What a snowflake!	Nej / Ih, hvor man er følsom! / Du/han/hun er godt nok et sart pus.
Скажите пожалуйста , он еще и спорит!	Dear me! He is daring to argue!	Han bliver ved med at sige imod, det er da utroligt!
Целый год не был и вдруг, пожалуйста , появился.	He's been gone for a whole year and then, suddenly, here he is.	Han har været væk et helt år og vupti , der er han. / og vupti, så står han der.
9. В значении обстоятельства «конечно»		
Вечером – пожалуйста, а днем прийти не могу.	Evening is fine , but I can't come in the afternoon.	Om aftenen er det OK/fint , men om dagen/formiddagen/ eftermiddagen kan jeg ikke komme. I aften er det fint/OK , men ikke i dagtiden.

б) *nogen bedes venligst* + инфинитив

For at købe varen, bedes du venligst kontakte os på dba@tectake.dk. ‘Чтобы купить выбранный товар, напишите нам [пожалуйста] на dba@tectake.dk’;

Pressen bedes derfor venligst respektere familiens ønske om fred til at bearbejde sorgen. ‘В связи с этим представителей СМИ просят [пожалуйста] с уважением отнестись к желанию семьи справиться с этим горем без постороннего участия’;

в) *noget bedes venligst* + причастие II

Skemaet bedes venligst udfyldt med blokbogstaver. ‘Форму необходимо заполнить печатными буквами’;

De udstillede genstande bedes venligst ikke berørt. ‘[Пожалуйста] не трогайте экспонаты’;

3. С модальными глаголами в вопросительных предложениях:

Vil du venligst forklare mig, hvordan DU vil optimere det? ‘Не могли бы Вы объяснить мне, как бы Вы это оптимизировали?’;

Vil du venligst lade være med at udtale dig om dialektord, før du har undersøgt dem! Jeg kan anbefale dig at slå op i Feilbergs Jyske ordbog en anden gang. ‘Я бы попросил Вас сначала изучить диалектные слова, а потом уже о них писать! В следующий раз советую заглянуть в «Ютландский словарь» Файлберга’;

Kan jeg venligst bede om en kopi af sagens udfald. ‘Я хотел бы попросить [пожалуйста] копию документа об исходе данного дела’.

Как видно из приведенных примеров, практически все они относятся к письменной речи и используются в официально-деловых текстах (на сайтах компаний, в официальных письмах к гражданам), в информативно-регуляторских текстах (в надписях и вывесках) и интернет-коммуникации, где применяется стратегия дистанцирования. В публицистических текстах (как правило, в аналитических жанрах) сочетания с *venligst* отличаются подчеркнутой вежливостью и передают авторскую иронию, недовольство или осуждение.

Иногда данный маркер вежливости также встречается в разговорной речи при общении «сверху-вниз», при этом используется модель с модальными вопросами, а говорящий, как правило, раздражен действием/бездействием собеседника и требует выполнения определенного действия. Подобные высказывания эмоционально окрашены, а *venligst* выделяется интонационно — говорящий сдерживает раздражение, выражаясь подчеркнуто вежливо. Эквивалентным сочетанием в русском языке в большинстве контекстов может быть этикетная формула «будьте любезны»:

Så hold venligst op med at opføre dig som en idiot. ‘Будь так любезен, перестань вести себя как идиот’;

Du er ikke velkommen her på matriklen. Vil du venligst gå. ‘Мы не приглашали вас к нам на участок. Уйдите, будьте любезны’.

В соответствии с грамматической нормой датского языка *venligst* занимает позицию после сказуемого или между частями сказуемого. Однако в последнее время все чаще можно встретить предложения, в которых *venligst* стоит в препозиции [27, s. 448; 28, s. 211]. Именно его приводят в качестве классического примера синтаксического варваризма под влиянием английского:

Venligst, spænd sædebæltet (вместо *Spænd venligst sædebæltet*) > *Please fasten your seat belt.* ‘Пожалуйста, пристегните ремни’.

Подобное нарушение порядка слов встречается в разного рода объявлениях и в интернет-коммуникации при обращении к клиентам:

Kære medlemmer. Venligst undlad at sætte vægte op af spejlene. ‘Уважаемые члены клуба! Не прислоняйте, пожалуйста, гантели к зеркалам’;

Vi mangler en på holdet! Venligst hjælp med at dele budskabet. ‘Нам в команду не хватает одного человека! Пожалуйста, сделайте перепост’;

Venligst medbring din ordrebekræftelse. ‘Не забудьте [пожалуйста] взять с собой подтверждение заказа’;

Venligst kvitter for modtagelse. ‘Распишитесь [пожалуйста] в получении’.

Как указывалось выше, несмотря на эквивалентность русскому маркеру *пожалуйста* в ситуациях просьбы, при переводе на русский язык *venligst* часто опускается, что обусловлено разницей в стиле коммуникации. В связи с тем, что для русской культуры характерна значительная дистанция власти, коммуниканты, имеющие более высокий статус, имеют большие коммуникативные права [13, с. 144, 147], поэтому в официально-деловой корреспонденции нет необходимости использовать маркеры вежливости. Для датской культуры, в которой одной из главных ценностей является равенство, характерна небольшая дистанция власти [29, с. 226–227], соответственно, в официально-деловой коммуникации возникает необходимость выровнять нарушенное равновесие при общении «сверху-вниз» с помощью маркера вежливости *venligst*, смягчающего побуждение.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сказать, что датский маркер вежливости *venligst* используется для смягчения волеизъявления адресанта в просьбах, отличается ограниченной сочетаемостью и обладает стилистической коннотацией, так как ассоциируется с письменной коммуникацией, официально-деловым стилем и информативно-регуляторскими текстами.

Gerne

Наречие *gerne* ‘охотно, с удовольствием’ традиционно относят к маркерам вежливости [30, с. 281]. В современном языке, прежде всего в письменной коммуникации, все большее распространение получает конструкция *må gerne* (н.в. от *måtte* ‘мочь’ + *gerne* ‘охотно’). Рассмотрим семантику компонентов данной конструкции. Модальный глагол *måtte* имеет в датском языке два основных значения – не-агентивной необходимости (1) и разрешения (2) [31, с. 783]:

- 1) *Træet må beskæres.* ‘Дерево нужно обрезать’;
- 2) *Træet må gerne beskæres.* ‘Дерево можно обрезать’.

Эта многозначность снимается за счет использования наречий *gerne* и *godt* в значении разрешения. Интересно, что в близкородственных шведском и норвежском языках значение разрешения передается другими глаголами – *få* ‘получать’ и *kunne* ‘мочь’. В норвежском языке сочетание с *måtte* возможно, однако в основном оно используется в диалектах [31, с. 785].

В целом модальные частицы и наречия играют большую роль в коммуникативной системе датского языка, так как употребляются для выражения разных прагматических оттенков в различных коммуникативных ситуациях [32, 33]. По данным Датского толкового словаря⁸ наречие *gerne* может сочетаться со следующими глаголами, реализуя разные оттенки значения:

1) с глаголами в форме императива (для выражения речевого акта предложения): *Anret [koteletterne] med kogte grøntsager og kartofler. Klip gerne lidt persille over.* ‘Подайте котлету на косточке с вареными овощами и картофелем. Можно немного посыпать сверху петрушкой’;

2) со смысловыми глаголами (для выражения желания/готовности что-либо сделать; для выражения часто или регулярно повторяющихся действий): *Når vi har fødselsdag giver vi gerne kage eller rundstykker til en del af vores kolleger.* ‘Когда у нас день рождения, мы с удовольствием угощаем некоторых коллег пирожными или булочками’;

3) с модальными глаголами:

а) *ville* (для выражения пожелания, вежливой просьбы; для усиления значения волеизъявления): *Jeg vil gerne vide mere om boligmarkedet.* ‘Я хочу узнать больше о рынке недвижимости’; *Jeg ville gerne tale et par ord med hr. kaptajnen, begyndte Alexander Planke ekstra høfligt.* ‘«Я хотел бы переговорить с господином капитаном», – очень вежливо начал Александр Планке’; *På det tidspunkt kan ingen af os spansk, men det vil vi gerne lære.* ‘На данный момент никто из нас не говорит по-испански, но мы хотим его выучить’;

б) *skulle* (для выражения разных модальных значений, в том числе в качестве формального маркера вежливости в просьбе): *Jeg skulle gerne ha’ en gave til min søn. Det skal være noget, der interesserer en*

⁸ Den danske ordbog: gerne. URL: <https://ordnet.dk/ddo/ordbog?select=venlig&query=venligst> (дата обращения: 14.11.2024).

dreng på 9 år. ‘Мне **нужно** купить подарок для сына. Что-нибудь, что будет интересно девятилетнему мальчику’; [*omsætningen*] *skulle gerne nå op på 50 mill. kr. i løbet af et par år*. ‘Через несколько лет [оборот] должен (= мы так хотим) достичь 50 млн датских крон’. Последний пример заслуживает отдельного комментария. Как справедливо отмечает Э.Б. Крылова, наречие *gerne* в сочетаниях с глаголом *skulle* «не относится к субъекту пропозиции, а имеет значение модусной рамки *jeg / vi vil я хочу / мы хотим, чтобы*» [33, с. 314];

в) *kunne* (для выражения значения возможности и вероятности; для усиления высказывания и придания ему большей субъективности): *En brand ugen før i farlig nærhed af huset kan gerne have været påsat*. ‘Пожар, произошедший за неделю до этого в опасной близости от дома, мог быть поджогом’ (= мы вполне можем это предположить); *Jeg kunne gerne bo i Danmark, siger Sissel*. ‘«Я могла бы жить в Дании», – говорит Сисель’;

г) *måtte* (для выражения разрешения в качестве маркера вежливости, а также для того, чтобы устранить двусмысленность сказанного): *Ved du hvad, du må meget gerne fortælle om de ting, men synes du ikke du skulle gøre det i din fritid?* ‘Знаешь, ты вполне можешь рассказывать о подобных вещах, но тебе не кажется, что лучше это делать в нерабочее время?’

Как видно из приведенных примеров, наречие *gerne* может сочетаться со смысловыми глаголами и основными модальными глаголами, выражая при этом различные прагматические смыслы. С точки зрения вежливости интересны сочетания с модальными глаголами *ville*, *skulle* и *måtte*, однако для данного исследования наибольший интерес представляет конструкция с *måtte*, характерная для письменной коммуникации, но в последнее время получившая распространение и в разговорной речи. Анализ отобранного корпусного материала позволил сделать вывод о том, что в современном датском языке сочетание *måtte gerne* может выражать самые разные побудительные высказывания:

1. Разрешение

I må gerne lege sammen og I må gerne sove sammen hos os, men jeg siger nej til at sove hos veninden, fordi jeg kender ikke hendes forældre godt nok. ‘Вы можете вместе играть, вы можете ночевать у нас, но я запрещаю ночевать у подружки, потому что не очень хорошо знакома с ее родителями’.

Довольно часто *må gerne* со значением разрешения встречается в разных письменных инструкциях и своде правил, при этом за разрешением, выраженным с помощью данной конструкции, следует предложение-уточнение, которое вводится либо противительным союзом *men*, либо союзным словом *dog*:

I må gerne røre, dufte eller bruge genstandene. Men husk, at alle tingene skal leveres tilbage til vikingerne, og mon ikke de bliver sure, hvis ikke de får deres ting tilbage i god stand? ‘Вы можете трогать, нюхать или использовать предметы. Но помните, что все вещи должны быть возвращены викингам, вдруг они рассердятся, если не получат свои вещи обратно в хорошем состоянии?’;

I må gerne bevæge jer rundt i udgravningsområdet, dog skal I huske at benytte de afmærkede stier. ‘Вы можете перемещаться по территории раскопок, но только по обозначенным дорожкам’.

2. Просьба

Du må gerne booke 14–15. november til mig og min søn Filip på 12. Send venligst bekræftelse + betalingsmåde. Bedste hilsner, Thomas ‘Забронируйте, пожалуйста, 14–15 ноября для меня и моего 12-летнего сына Филипа. Пришлите, пожалуйста, подтверждение + форму оплаты. С уважением, Томас’;

Jeg opdaterer her i tråden når jeres indbetalinger er gået igennem. I må gerne selv skrive her i tråden når I har overført. ‘Я сделаю апдейт в тред, когда ваши платежи пройдут. Напишите, пожалуйста, сами в ветке, когда переведете деньги’;

Jeg har allerede svaret – og du må gerne holde op med at skrive til mig mere. ‘Я уже ответила, перестаньте, пожалуйста, мне писать’.

По-видимому, письменный речевой этикет оказывает влияние на разговорную речь, о чем свидетельствуют примеры использования данной конструкции в диалогах различных датских

сериалов. В основном выявленные коммуникативные ситуации характеризовались значительной вертикальной дистанцией при общении «сверху-вниз»:

Полицейский сотруднице банка: *Hvis I skulle komme I tanke om noget, så må I gerne ringe til mig.* ‘Если что-то вспомните, позвоните мне, пожалуйста’ (Bedrag⁹, сез. 3, сер. 7, 08:50);

Полицейский надиктовывает просьбу на автоответчик: *Helene, du må meget gerne ringe, når du hører det her. Tak.* ‘Хелена, перезвони мне, пожалуйста, когда это услышишь. Спасибо’ (Rejseholdet¹⁰, сер. 27, 40:16);

Директор музея подросткам: *Nu ringer jeg til politiet, og så må I gerne fortælle dem det, I fortalte mig.* ‘Сейчас я вызову полицию, и вы расскажете им все, что рассказали мне’ (Mysteriet på Bornholm¹¹, сер. 5, 18.00).

3. Предложение

I må gerne skrive, hvis I har spørgsmål, så vil jeg forsøge at svare. ‘Вы можете написать, если есть вопросы, я попробую на них ответить’;

I må gerne komme på besøg og vælge én af dem (hvalpene). ‘Вы можете приехать и выбрать одного из них (щенков)’.

4. Совет

Hvis du gerne vil have hans opmærksomhed og hans varme følelser for dig igen, er det eneste du ikke må gøre at kræve det. Du må gerne være ærlig, men afhold dig fra at være needy. ‘Если хочешь, чтобы он снова обратил на тебя внимание и проникся теплыми чувствами, единственное, чего ты не должна делать – требовать этого. Ты можешь быть честной, но постарайся не показывать, что нуждаешься в его внимании’;

Du må gerne tro på dig selv, og stå frem som den du er. ‘Верь в себя и будь собой’.

5. Пожелание-требование

Du må gerne have erfaring fra udlændingeområdet eller med konkret sagsbehandling i øvrigt. ‘Желательно, чтобы у вас был опыт работы в сфере иммиграции или ведения конкретных дел в целом’;

Du må gerne have kompetencer inden for skat og/eller insolvens, men det er ikke et krav. ‘Желательно, чтобы у вас были компетенции в области налогообложения и/или банкротства, но это не является обязательным условием’.

Данное употребление *må gerne* со значением желательности было выявлено только в письменных текстах на сайтах по подбору персонала, поэтому можно предположить, что подобное использование характерно для рекрутингового дискурса.

В целом, как отмечает Э.Б. Крылова, значение *gerne* соотносится «с аксиологическим волюнтивным значением эксплицитного модуса *jeg vil я хочу*» [33, с. 314]. Это касается не только сочетания *gerne* с модальными глаголами, но и сочетания с императивами. Рассматривая разные частицы и наречия в составе императивных комплексов, Э. Хансен и Л. Хельгофт указывают на то, что в сочетании с императивом *gerne* сигнализирует о том, что императив следует интерпретировать как пожелание или побуждение, при этом значение пожелания, по мнению исследователей, реализуется в речи все реже [31, с. 1071–1072]. Проведенный нами анализ модели «императив + *gerne*» показал, что оба прагматических значения присутствуют в письменном дискурсе. Если значение пожелания чаще реализуется в речевом акте совета (1), то значение побуждения к действию – в речевом акте предложения (2):

1) *Medbring gerne flere par skisokker, da de måske ikke når at blive helt tørre.* ‘Возьмите (= желательно взять) с собой несколько пар лыжных носков, так как носки плохо сохнут’; *Brug gerne en effektiv bodylotion eller body balm efter badet når huden er tør.* ‘Используйте (= желательно использовать) эффективный лосьон или бальзам для тела после душа, когда ваша кожа сухая’; *Hvis du gerne vil give drikkepenge, så giv dem personligt, og hav gerne lidt små sedler eller mønter klar.* ‘Если вы хотите дать

⁹ Bedrag, телесериал, 3 сезон, 2019 (рус. «Обман»).

¹⁰ Rejseholdet, телесериал, 4 сезона, 2000–2003 (рус. «Спецподразделение»)

¹¹ Mysteriet på Bornholm, 1 сезон, 2024 (рус. «Тайна Борнхольма»)

чаевые, дайте их лично и приготовьте (= желательно приготовить) несколько мелких купюр или монет’;

2) *Ring gerne, hvis du har spørgsmål.* ‘Вы можете позвонить нам, если у вас есть какие-либо вопросы’; *Klik gerne på beskrivelsen, så du får mere information om vores forskellige superheltekostumer.* ‘Нажмите на описание, чтобы получить более подробную информацию о различных костюмах супергероев’; *Send gerne en mail i stedet for at ringe.* ‘Вы можете послать мэйл, а не звонить’; *Ved tvivl, så kontakt gerne en moderator.* ‘В случае любых сомнений свяжитесь с модератором’.

Корпусный анализ показал, что маркеры *gerne* и *venligst* могут сочетаться с одними и теми же глаголами в форме императива (табл. 2), смягчая волеизъявление и нюансируя прагматические смыслы. Однако если *venligst* используется для смягчения волеизъявления исключительно в просьбах, то *gerne* в сочетании с императивом употребляется в других директивах – совете или предложении.

Таблица 2. Сочетания императивов с маркерами *gerne* и *venligst*
Table 2. Combinations of imperatives with *gerne* and *venligst* markers

GERNE		VENLIGST	
Глагол в форме императива	Количество вхождений	Глагол в форме императива	Количество вхождений
brug (от bruge ‘использовать’)	1388	brug	180
send (от sende ‘посылать’)	556	send	236
kontakt (от kontakte ‘связаться’)	523	kontakt	1139
ring (от ringe ‘звонить’)	488	ring	231
medbring (от medbringe ‘принести с собой’)	379	medbring	74
hav (от have ‘иметь’)	173	hav	41
se (от se ‘видеть’)	76	se	915
skriv (от skrive ‘писать’)	61	skriv	291
henvend dig (от henvende sig ‘обращаться’)	33	henvend dig	13
klik (от klikke ‘кликать’)	25	klik	197

Please

Как указывалось выше, английское заимствование *please* иногда используется в датской разговорной речи в настойчивой просьбе и произносится с особой просительной интонацией. В целом для современной разговорной речи характерно использование заимствований и иноязычных вкраплений, прежде всего английских. К ним можно отнести формулы вежливости (*sorry, please*), междометные слова (*wow, jep, OMG, what?*), ненормативную лексику (*fucking, shit*), оценочные прилагательные (*cool, nice, creepy*) и целые фразы (*Say cheese; I promise; That’s life*). Как отмечают Е.С. Гриценко и Т.А. Ненашева, в неанглоязычных странах «глобальный английский становится частью локального коммуникативного пространства и активно используется как самостоятельное средство смыслопорождения» [34, с. 32]. Функции английских заимствований и вкраплений в различных коммуникативных сферах в датском языке могут быть многообразными. Материал нашего исследования свидетельствует о том, что в неформальной письменной интернет-коммуникации маркер *please* используется не только для заполнения лексической лакуны.

Анализ корпусных данных показал, что маркер *please* помимо настойчивых просьб используется и в просьбах вообще. Как правило, они обращены к незнакомым людям в неформальной интернет-коммуникации. При этом *please* может занимать позицию в начале или конце предложения, как в английских предложениях:

Please hjælp mig, jeg ved ikke hvad jeg skal gøre. ‘Пожалуйста, помогите мне, я не знаю, что делать’;
Sig det, please! ‘Скажите об этом, пожалуйста!’

В настойчивой просьбе маркер *please* может комбинироваться с датскими грамматическими средствами (модальным глаголом *vil*, частицами *ikke* и *nok*), тем самым придавая высказыванию характер упрашивания:

Geggo vil du ikke please svare på om du har fundet ud af noget??!?!?please. ‘Гегго, выяснила ли ты, что произошло, ответь, пожалуйста?!?!?пожалуйста’;

Anette, please vil du ikke nok kommentere udsendelse. ‘Анетте, прокомментируй, пожалуйста, передачу’.

Также заимствованное *please* было зафиксировано в составе иноязычного вкрапления в виде целой фразы:

Udenfor hovedbygningen så vi det grønne skilt. Hvad i alverden betyder det? Vi kunne overhovedet ikke gennemskue det, og naturligvis glemte vi at spørge. Help, please! ‘Перед главным зданием мы увидели зеленую табличку. Что она означает? Мы никак не могли понять и, конечно, забыли спросить. Help, please!’

В целом можно говорить о том, что английский маркер вежливости *please* используется не только в настойчивых просьбах в разговорной речи, но и в письменной неформальной интернет-коммуникации в качестве вежливого маркера просьбы, обращенной к незнакомым интернет-собеседникам. Таким образом, он используется не только для заполнения лексической лакуны и экономии речевых средств, но также для смягчения волеизъявления по отношению к незнакомым виртуальным собеседникам и придания просьбам большей динамичности и эмоциональности.

Заключение

Изменения, произошедшие в датском языке в 1970-е гг. в системе обращений (всеобщий переход на «ты»), привели к архаизации многих вежливых оборотов, к неформальности в общении датчан и к размывости социальных норм. О стремлении найти новые рамки вежливого общения свидетельствует ряд выявленных тенденций – употребление датских маркеров *venligst* и *gerne*, а также английского маркера *please*.

В письменной коммуникации используются разные маркеры вежливости в зависимости от типа дискурса и вида побудительного высказывания. Для вежливой просьбы в официально-деловых и информативно-регуляторских текстах характерна модель «императив + *venligst*», для совета или предложения – модель «императив + *gerne*». Конструкция *måtte gerne* более универсальна, так как может быть использована в самых разных побудительных значениях (разрешение, просьба, совет, предложение, пожелание-требование), поэтому можно говорить о том, что данная конструкция становится вежливой альтернативой императиву, который употребляется только в определенных коммуникативных ситуациях, как правило, в устной речи. Английский маркер вежливости *please* используется не только в настойчивых просьбах в разговорной речи, но и в письменной неформальной интернет-коммуникации в качестве вежливого маркера просьбы, обращенной к незнакомым виртуальным собеседникам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларина Т.В. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 133–144.

2. **Lakoff R.** The logic of politeness, or, minding your p's and q's // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society* / ed. by C. Corum, T. Cedric Smith-Stark, A. Weiser. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1973. P. 292–305.
3. **Brown P., Levinson S.D.** *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. **Eelen G.** *A Critique of Politeness Theories*. Manchester: St. Jerome, 2001. 280 p.
5. **Watts R.J.** *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p.
6. **Culpeper J.** *Politeness and impoliteness // Pragmatics of society* / ed. by G. Andersen, K. Aijmer, Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 391–436.
7. **Leech G.** *The Pragmatics of Politeness*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014. 343 p.
8. **Земская Е.А.** Категория вежливости в контексте речевых действий // *Логический анализ языка: язык речевых действий*. М.: Наука, 1994. С. 131–136.
9. **Стернин И.А.** Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // *Коммуникативное поведение*. Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 22–47.
10. **Blum-Kulka S.** The metapragmatics of politeness in Israeli society // *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice* / ed. by R.J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 255–280.
11. **Алпатов В.М.** Категория вежливости в современном японском языке. М.: URSS. 2022. 152 с.
12. **Wierzbicka A.** *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Walter de Gruyter, 2003. 502 p.
13. **Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английской и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки Славянских Культур, 2009. 512 с.
14. **Ogiermann E.** Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests // *Journal of Politeness Research*. 2009. Vol. 5, No. 2. P. 189–216. DOI: 10.1515/JPLR.2009.011
15. **Holberg O.** Opfordringer på dansk, russisk og engelsk i teori og praksis // *Ny Forskning i Grammatik*. 2014. Nr. 21. S. 123–143.
16. **Levisen C., Waters S.** Lige, a Danish ‘magic word’? An ethnopragmatic analysis // *International Journal of Language and Culture*. 2015. Vol. 2, Iss 2. P. 244–268. DOI: 10.1075/ijolc.2.2.05lev
17. **Steno T.** Længsel efter faste former – en temperatur på dansk høflighed og vores omgang med hinanden. København: Multivers, 2011. 109 s.
18. **Aijmer K.** Will you fuck off please? The use of please by London teenagers // *Sociocultural Pragmatics*. 2015. Vol. 3, Iss. 2. P. 127–149. DOI: 10.1515/soprag-2014-0028
19. **Heidari Darani L., Moghaddam M.M.** ‘Please’ as an impoliteness marker in English discourse // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2020. Vol. 6 Iss. 2. P. 243–263. DOI: 10.32601/ejal.775805
20. **Ненашева Ю.А., Исакова А.Р.** Интонационный статус «please» как маркера стратегии вежливости в дискурсе (на примере повелительных высказываний) // *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. Вып. 5 (53). DOI: 10.60797/RULB.2024.53.2
21. **House J.** The functions of please and bitte // *Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies* / ed. by S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. Norwood: Ablex, 1989. P. 96–119.
22. **Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.** *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education, 1999. xxviii + 1204 p.
23. **Высоцкая И.В., Северская О.И.** «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 3. С. 225–233. DOI: 10.17223/18137083/68/20
24. **Aijmer K.** Please: a politeness formula viewed in a translation perspective // *Brno Studies in English*. 2009. Vol. 35, No. 2. P. 63–77.
25. **Гурова Е.А.** Способы выражения вежливости в побудительных речевых актах датского языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020. Вып. 5 (834). С. 69–83.
26. **Gurova E.** Interrogatives as a means to express politeness in the Danish language. *Scandinavian Philology*. 2020. Vol. 18, Iss. 2. P. 225–245. DOI: 10.21638/11701/spbu21.2020.201
27. *Dansk Sproghistorie*. Bd. 2: Ord for ord for ord / red. af E. Hjørth, H.G. Jacobsen, B. Jørgensen, B. Jacobsen, M.K. Jørgensen, L.K. Fahl. Århus: Aarhus Universitetsforlag, 2018. 506 S.

28. Dansk Sproghistorie. Bd. 3: *Vøjning og bygning* / red. af E. Hjorth, H.G. Jacobsen, B. Jørgensen, B. Jacobsen, M.K. Jørgensen, L.K. Fahl. Århus: Aarhus Universitetsforlag, 2019. 436 S.
29. **Гурова Е.А.** Особенности датского речевого этикета в зеркале перевода // *Германские языки: текст, корпус, перевод: коллективная монография* / отв. ред. Д.Б. Никуличева. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 226–235.
30. **Hansen A.** *Moderne dansk*. Bd. 3. København: Grafisk forlag, 1967. 554 s.
31. **Hansen E., Heltoft L.** *Grammatik over det Danske Sprog*. Bd. 2. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011. S. 416–1167.
32. **Durst-Andersen P.** *Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation*. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 s.
33. **Крылова Э.Б.** Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке: монография. М.: МАКС Пресс, 2021. 440 с. DOI: 10.29003/m2532.978-5-317-06730-4
34. **Гриценко Е.С., Ненашева Т.А.** Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве // *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 3 (33). С. 32–47.

REFERENCES

- [1] **Larina T.V.**, *Vezhlivost, nevezhlivost i grubost v mezhkulturnom aspekte [Politeness, impoliteness and rudeness in the intercultural aspect], Vezhlivost i antivezhlivost v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 g. [Politeness and anti-politeness in language and communication: materials of the International Scientific Conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities on October 23–24, 2018]*, *Politicheskaya entsiklopediya*, Moscow, 2018, pp. 133–144.
- [2] **Lakoff R.**, *The logic of politeness, or, minding your p's and q's*, Corum C., Cedric Smith-Stark T., Weiser A. (eds.), *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*, Chicago Linguistics Society, Chicago, 1973, pp. 292–305.
- [3] **Brown P., Levinson S.D.**, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge, 1987.
- [4] **Eelen G.**, *A Critique of Politeness Theories*, St. Jerome, Manchester, 2001.
- [5] **Watts R.J.**, *Politeness*, Cambridge University Press, Cambridge, 2003.
- [6] **Culpeper J.**, *Politeness and impoliteness*, Andersen, G., Aijmer K. (eds.), *Pragmatics of society*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. p. 391–436.
- [7] **Leech G.**, *The Pragmatics of Politeness*, Oxford University Press, Oxford, New York, 2014.
- [8] **Zemskaya Ye.A.**, *Kategoriya vezhlivosti v kontekste rechevykh deystviy [The category of politeness in the context of speech acts]*, *Logicheskiy analiz yazyka: yazyk rechevykh deystviy [Logical analysis of language: language of speech acts]*, Nauka, Moscow, 1994, pp. 131–136.
- [9] **Sternin I.A.**, *Problemy opisaniya vezhlivosti kak kommunikativnoy kategorii [Problems of describing politeness as a communicative category]*, *Kommunikativnoye povedeniye [Communicative behavior]*, 17, *Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya [Politeness as a communicative category]*, *Istoki*, Voronezh, 2003, pp. S. 22–47.
- [10] **Blum-Kulka S.**, *The metapragmatics of politeness in Israeli society*, Watts R.J., Ide S., Ehlich K. (eds.), *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2005, pp. 255–280.
- [11] **Alpatov V.M.**, *Kategoriya vezhlivosti v sovremennom yaponskom yazyke [Category of politeness in modern Japanese language]*, URSS, Moscow, 2022.
- [12] **Wierzbicka A.**, *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*, Walter de Gruyter, 2003.
- [13] **Larina T.V.**, *Category of Politeness and the Style of Communication: British and Russian Linguistic and Cultural Traditions Compared*, *Languages of Slavic Cultures*, Moscow, 2009.
- [14] **Ogiermann E.**, *Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests*, *Journal of Politeness Research*, 5 (2) (2009) 189–216. DOI: 10.1515/JPLR.2009.011
- [15] **Holberg O.**, *Opfordringer på dansk, russisk og engelsk i teori og praksis*, *Ny Forskning i Grammatik*, 21 (2014) 123–143.

- [16] **Levisen S., Waters S.**, Lige, a Danish ‘magic word’? An ethnopragmatic analysis, *International Journal of Language and Culture*, 2 (2) (2015) 244–268. DOI: 10.1075/ijolc.2.2.05lev
- [17] **Steno T.**, Længsel efter faste former – en temperatur på dansk høflighed og vores omgang med hinanden, Multivers, København, 2011.
- [18] **Aijmer K.**, Will you fuck off please? The use of please by London teenagers, *Sociocultural Pragmatics*, 3 (2) (2015) 127–149. DOI: 10.1515/soprag-2014-0028
- [19] **Heidari Darani L., Moghaddam M.M.**, ‘Please’ as an impoliteness marker in English discourse, *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 6 (2) (2020) 243–263. DOI: 10.32601/ejal.775805
- [20] **Nenasheva Yu.A., Isakova A.R.**, Intonational Status of ‘Please’ as a Marker of politeness Strategy in Discourse (on the Example of Imperative Utterance), *Russian Linguistic Bulletin*, 5 (53) (2024). DOI: 10.60797/RULB.2024.53.2
- [21] **House J.**, The functions of please and bitte, Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.), *Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies*, Ablex, Norwood, 1989.
- [22] **Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.**, *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education, 1999.
- [23] **Vysotskaya I.V., Severskaya O.I.**, “Mozhno, pozhaluysta...” as a speech formula for the “newest Russian politeness”, *Siberian Journal of Philology*, 3 (2019) 225–233.
- [24] **Aijmer K.**, Please: a politeness formula viewed in a translation perspective, *Brno Studies in English*, 35 (2) (2009) 63–77. DOI: 10.17223/18137083/68/20
- [25] **Gurova Ye.A.**, Politeness Strategies in Danish Directives and Requests, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5 (834) (2020) 69–83.
- [26] **Gurova E.**, Interrogatives as a means to express politeness in the Danish language. *Scandinavian Philology*, 18 (2) (2020) 225–245. DOI: 10.21638/11701/spbu21.2020.201
- [27] **Dansk Sproghistorie**, 2, Hjorth E., Jacobsen H.G., Jørgensen B., Jacobsen B., Jørgensen M.K., Fahl L.K. (red.), *Ord for ord for ord*, Aarhus Universitetsforlag, Århus, 2018.
- [28] **Dansk Sproghistorie**, 3, Hjorth E., Jacobsen H.G., Jørgensen B., Jacobsen B., Jørgensen M.K., Fahl L.K. (red.), *Bøjning og bygning*, Aarhus Universitetsforlag, Århus, 2019.
- [29] **Gurova Ye.A.**, Osobennosti datskogo rechevogo etiketa v zerkale perevoda [Features of Danish speech etiquette in the mirror of translation], Nikulicheva D.B. (resp. ed.), *Germanskiye yazyki: tekst, korpus, perevod: kollektivnaya monografiya* [Germanic languages: text, corpus, translation: collective monograph], The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2020, pp. 226–235.
- [30] **Hansen A.**, *Moderne dansk*, 3, Grafisk forlag, København, 1967.
- [31] **Hansen E., Heltoft L.**, *Grammatik over det Danske Sprog*, 2, Syddansk Universitetsforlag, Odense, 2011, pp. 416–1167.
- [32] **Durst-Andersen P.**, *Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation*, Hans Reitzels Forlag, København, 2011.
- [33] **Krylova E.B.**, *Communicative Functions of Modal Particles in Danish: monograph*, MAKS Press, Moscow, 2021. DOI: 10.29003/m2532.978-5-317-06730-4
- [34] **Gritsenko Ye.S., Nenasheva T.A.**, Indexical Capacities of English in Russian-Based Communication, *Journal of Psycholinguistics*, 3 (33) (2017) 32–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гурова Елена Александровна

Elena A. Gurova

E-mail: e.gurova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3119-0025>

Поступила: 06.11.2024; Одобрена: 16.12.2024; Принята: 18.12.2024.

Submitted: 06.11.2024; Approved: 16.12.2024; Accepted: 18.12.2024.

Научная статья

УДК 81'42+811.112.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15405>

EDN: <https://elibrary/PJWEBZ>

АМБИСЕМΙΑ В ПЕРЕВОДЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА 2023–2024 ГГ.)

Г.В. Денисова¹ , И.А. Гусейнова² ,

А.И. Горожанов²

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;

² Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ a_gorozhanov@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования заключается в выявлении дискурсивных особенностей формирования экологической терминосистемы с особым вниманием к ценностным ориентирам и установкам у представителей разных лингвокультур и к стратегиям актуализации экологической проблематики. Принимая во внимание необходимость учета культурной специфики терминологических единиц как когнитивно-лингвистических средств выражения, материалом для исследования послужили русско- и немецкоязычные тексты СМИ, непосредственно связанные с репрезентацией экологической повестки. Анализ ключевых терминов выявил, что они могут выполнять двоякую функцию: с одной стороны, служат популяризации экологической проблематики, а с другой, очерчивают круг наиболее существенных экологических проблем. Актуальность исследования обусловлена значимостью рассмотрения вопросов функционирования лексических единиц, связанных с обозначением тематического единства, а также с особенностями обработки крупных информационных массивов в динамике их организации. В результате проведенного анализа выявлено, что погружение этого лексикона в контекст СМИ позволяет одно и то же понятие рассматривать в качестве единиц, служащих разворачиванию экологической темы в положительном ключе, а в ряде случаев считать их «антисловами» – лексемами, формирующими негативное отношение массового реципиента к экологической проблематике. Специалист в области межъязыковой коммуникации сталкивается: со сложностями перевода экологического компонента; с проблемами перевода неологизмов; с необходимостью учета фактора терминологической амбисемии.

Ключевые слова: экологический лексикон, газетный дискурс, терминосистема, амбисемия, межкультурная и межъязыковая коммуникация, перевод, неологизация.

Для цитирования: Денисова Г.В., Гусейнова И.А., Горожанов А.И. Амбисемия в переводе экологического лексикона (на материале немецкоязычного газетного дискурса 2023–2024 гг.) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–78. DOI: 10.18721/JHSS.15405

AMBISEMIA IN THE TRANSLATION OF ECOLOGICAL LEXICON (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN-LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE 2023–2024)

G.V. Denissova¹ , I.A. Guseynova² ,
A.I. Gorozhanov²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ a_gorozhanov@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to identify discursive features of the formation of the environmental terminology system with special attention to the value guidelines and attitudes of representatives of different linguocultures and to the strategies for updating environmental issues. Taking into account the need to take into account the cultural specificity of terminological units as cognitive-linguistic means of expression, the material for the study was Russian- and German-language media texts directly related to the representation of the environmental agenda. The analysis of key terms revealed that they can perform a dual function: on the one hand, they serve to popularize environmental issues, and on the other, they outline the range of the most significant environmental problems. The relevance of the study is due to the importance of considering the functioning of lexical units associated with the designation of thematic unity, as well as with the peculiarities of processing large information arrays in the dynamics of their organization. The analysis revealed that the immersion of this lexicon in the context of the media allows one and the same concept to be considered as units serving to develop the environmental theme in a positive way, and in some cases to consider them as “anti-words” – lexemes that form a negative attitude of the mass recipient to environmental issues. A specialist in the field of interlingual communication faces: difficulties in translating the environmental component; problems in translating neologisms; the need to take into account the factor of terminological ambisemia. Keywords: ecological lexicon, newspaper discourse, terminological system, ambisemia, intercultural and interlingual communication, translation, neologization.

Keywords: ecological lexicon, newspaper discourse, terminological system, ambisemia, intercultural and interlingual communication, translation, neologization.

Citation: Denissova G.V., Guseynova I.A., Gorozhanov A.I., Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024), *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 67–78. DOI: 10.18721/JHSS.15405

Введение. Постановка проблемы

В современных условиях многие лингвокультуры заинтересованы в том, чтобы найти так называемые «общие места» в актуальной повестке дня, которые были бы значимыми и служили бы консолидации разных общественных сил в решении глобальных социальных проблем. В этом смысле экология, связанная с защитой окружающей среды, сохранением природных ресурсов и богатств для последующих поколений, является объединяющим фактором для представителей различных этносоциумов. В связи с этим представляется важным обратить внимание на тенденции оформления газетного дискурса Германии, которые позволяют использовать экологический лексикон для решения практических задач, связанных с формированием общественного мнения или отношения к экологической повестке дня. В данном случае особое значение получает тот факт, что медиакоммуникация на современном этапе ее развития усиливает индивидуализацию и самодистанцирование от социальной среды [1], цифровизация же, в свою очередь, ведет к изменениям ключевых компонентов социальности и коммуникации [2]. К основным тенденциям,

на наш взгляд, можно отнести взаимопроникновение и взаимодополнение лексикой экологической направленности разновидностей институционального дискурса с учетом авторской интенции.

Экологический дискурс стоит в центре внимания российских и зарубежных исследователей. Зачастую он рассматривается в качестве одной из устойчивых разновидностей институционального дискурса, причем наиболее репрезентативно экологическая проблематика представлена в рекламном, маркетинговом, политическом и экономическом дискурсах [3–6].

Материалом исследования служит массив лексем, которые пронизывают газетный дискурс ФРГ и которые вошли в перечень непопулярных слов в Германии, ср. нем.: „Unwort des Jahres“ (рус. *непопулярное слово года / антислово*), в том числе *Klimakleber*, *Nachhaltigkeit*, *Technologieoffenheit*, *Heizungs-Stasi*, а также синонимический ряд к *Heizungs-Stasi*: *Heizhammer*, *Heizungshammer*, *Heizungsverbot*, *Öko-Diktatur*¹. Вторую группу слов формируют лексемы, связанные с темой добычи, поставок и использования газа. По нашим данным, в немецком газетном дискурсе 2023–2024 гг. отмечается более двух миллионов употреблений в разных контекстах слова *Gas*, а также таких слов, как *Energie*, *alternative Energiequellen*, *grüne/blaue Energie* и т.п. В немецком газетном дискурсе данная тема «всплывает» в контекстах, связанных с энергетическим кризисом (нем. *Energiekrise*), в области логистики – *Schwierigkeiten in der Logistik globaler Lieferketten*, в экономическом контексте – *Energiepreissteigerungen*, в политико-экономическом свете – *Abkehr Deutschlands aus dem Import russischer Energieträger*, *Gaspreisbremse*, в бытовом аспекте – *Elektrizität oder Heizen*, *Energiekosten*². Продолжает этот ряд так называемое «протестное движение по защите окружающей среды»: *um jeden Preis die Klimakrise in die Schlagzeilen zu bringen, weg von fossiler Energie, in Solarcamps Menschen für die Energiewende ausbilden, grüne Jobs schaffen, 100-Milliarden-Sondervermögen für gerechten Klimaschutz*³. Таким образом, в немецкоязычных СМИ экологический лексикон используется в двух противоположных, нередко даже взаимоисключающих направлениях, отвечая тем самым интересам разных целевых групп. В обоих случаях достигается искомая прагматическая интенция: авторам текстов удается привлечь внимание массового реципиента к проблеме защиты окружающей среды и сформировать экологичное поведение в повседневной жизни.

Проблематика функционирования терминосистем имеет непосредственное отношение к теории культурных и семантических универсалий, основные положения которой представляется целесообразным использовать при анализе амбисемии в переводе. Логичным кажется, что термин в межкультурной коммуникации должен рассматриваться как лингвокультурная универсалия, понимаемая как «значение и/или коннотация, являющиеся конгруэнтными (т.е. распознаваемыми и корректно дешифруруемыми в разных культурах)» [7], однако в действительности он часто представляет собой дивергентную по своей природе лингвокультурологему или даже лауну, т.е. отсутствие знака, концепта, визуального символа или понятия в одной из лингвокультур.

Методология и методика исследования

Методология исследования предполагает разработку и применение комплексной исследовательской методики, которая включает в себя контекстуальный и словообразовательный анализ, элементы контент- и дискурс-анализов, дефиниционный анализ, метод выборки данных, элементы корпусной лингвистики и статистическую (машинную) обработку данных.

Основу лингвистического анализа экологического лексикона формируют труды отечественных и зарубежных ученых из области теории дискурса [8–12]; анализа медиатекста [13, 14]; теории межкультурной и межъязыковой коммуникации [15–18]; прикладной и, в частности, корпусной лингвистики [19–21]; терминоведения и лексикографии [22–24].

¹ Unwort des Jahres 2023 gewählt // Unwort des Jahres. URL: <https://www.unwortdesjahres.net/presse/aktuelle-pressemittteilung> (дата обращения 05.11.2024).

² Politikum. URL: <https://www.politikum.org/Themen/Ressourcenpolitik-POLITIKUM-1-2024> (дата обращения 05.11.2024).

³ Dahmer L., Lehmann A. Luisa Neubauer von Fridays for Future: „Ich werde ständig bedroht“ // Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/luisa-neubauer-von-fridays-for-future-im-interview-ich-werde-standig-bedroht-11214748.html> (дата обращения 05.11.2024).

Несмотря на тот факт, что экологический дискурс имеет лингвистический статус и может рассматриваться в качестве устойчивой разновидности институционального дискурса, его терминосистему формируют не только единицы специальной лексики, но и термины, которые встречаются в других отраслях знания, что порождает «терминологическую амбисемию» [25–28].

Погружение термина в отраслевое знание создает условия для возникновения нескольких значений. Применительно к межкультурной и межъязыковой коммуникации данное обстоятельство приводит зачастую к прагматической асимметрии функционирования термина в разных лингвокультурах. Амбисемиа обусловлена отсутствием точного описания содержания термина, которое возникает при появлении инновационного предмета или объекта.

Основные стратегии передачи терминов в иноязычную лингвокультуру могут быть схематично представлены следующим образом: поиск функционально-адекватного эквивалента в принимающей лингвокультуре; обращение к сложившемуся в рамках принимающей культуры переводческому канону; дословная передача с сопроводительным комментарием, в результате чего интертекст остается чуждым для принимающей культуры элементом; дословная передача без комментария с потерей основного для интертекста критерия его перцептивной и продуктивной маркированности [18, с. 144–189]. В экологическом дискурсе, в котором происходит постоянное обновление высоких технологий, сопровождаемое их тиражированием за пределами страны происхождения, возникает проблема работы с неологизмами и их переводом. В подтверждение приведем иллюстративный пример со словом *Klimakleber* (рус. *сторонники экологического движения*; в СМИ России – *климатические активисты, экоактивисты, экоактивисты на клею*). С точки зрения теории и практики межкультурной и межъязыковой коммуникации при переводе в данном случае налицо реализация моделей «КОНГР – ДИВЕРГ» (вербальная составляющая представлена лингвокультурологемами) и «КОНГР – ZERO» (т.е. имеет место быть лакунарная вербальная составляющая, не имеющая эквивалента в иноязычных лингвокультурах) [18].

При работе с данной лексической единицей требуется знание глобального контекста, а именно того факта, что речь идет об особой форме реализации сидячей забастовки, когда все участники протестного движения приклеивают себя к асфальту с тем, чтобы привлечь внимание широкой общественности к безрассудному использованию природных ресурсов и нанесению непоправимого ущерба окружающей среде.

В немецкоязычном пространстве участники экопротестного движения носят символическое название «Последнее поколение» (нем. *Letzte Generation*). Именуя себя таким образом, они демонстрируют всему миру, что являются теми, кто еще будет иметь возможность пользоваться дарами природы и планеты, в отличие от последующих поколений. В свете вышеописанного необходимо упомянуть *концепцию устойчивого развития* (нем. *Nachhaltigkeit, Nachhaltigkeitskonzept, Nachhaltigkeitsprinzip*), которая предполагает сохранение природы во имя будущих поколений. В политическом дискурсе Германии *приклеенных* активистов считают злостными нарушителями общественного порядка и подвергают административным наказаниям в виде штрафов. Однако из истории движения известно, что это продолжение или скорее следование призыву и действиям Греты Тунберг, создавшей молодежное экологическое движение под названием *FFF* (англ. *Fridays for Future*, рус. *Пятницы для будущего*) для формирования собственного политического имиджа в молодежной среде. Со временем оно стало стихийно развиваться и во многом копировать движение хиппи, которое принято считать бунтарским, протестным и нарушающим общественный порядок. На наш взгляд, именно попытки поставить знак равенства между современным молодежным движением и протестным движением 1960-х гг. привели к формированию негативного отношения к *эко-активистам на клею*. Если в номинативном аспекте лексему *Klimakleber* можно рассматривать широко, обозначающее социальное явление, относящееся к молодежному сленгу, к студенческому или молодежному языку, то намеренное погружение указанного слова

в политический дискурс СМИ приводит к реализации интерпретативного аспекта и к насыщению лексической единицы отрицательной коннотацией.

Очевидно, что незнание глобального контекста может привести к искажению смысла в процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации. В свете вышесказанного мы полагаем целесообразным учитывать при подготовке устных и письменных переводчиков, а также специалистов в области межкультурной коммуникации вопрос о терминологической амбивалентности.

Результаты исследования

Анализ немецкоязычных СМИ свидетельствует о том, что экологическая повестка дня все чаще становится фактором привлечения внимания массового реципиента к социальным, экономическим и политическим проблемам современного общества. Экологический лексикон приобретает в этом смысле два измерения. С одной стороны, он формирует позитивную повестку дня в немецком этносоциуме, а с другой – одновременно выступает фактором раздражения.

Обратимся к конкретному контекстному употреблению лексемы газ (нем. *Gas*) в немецкоязычных традиционных и новых медиа.

„*Wasserstoff soll Kohle und Gas ersetzen. Doch weiterhin fehlt die Infrastruktur*“⁴ (рус. «Планируется отказаться от угля и газа. Тем не менее [для этого] все еще недостаточно развита инфраструктура»).

Этот пример свидетельствует о том, что до перехода на альтернативные источники энергии еще должно пройти много времени, так как системно Германия к этому не готова.

„...*Sanktionen lockern, russisches Gas wieder nach Deutschland lassen*“⁵ (рус. «...ослабить санкции, снова пустить российский газ в Германию»).

„*Der Präsident des Arbeitgeberverbandes Gesamtmetall, Stefan Wolf, hat mit Blick auf die Energieversorgung eine Erhöhung der Bezugsmengen von Gas und zugleich einen Vorrang der Industrie bei möglichen Engpässen gefordert*“⁶ (рус. «Что касается обеспечения энергоресурсами, то президент объединения работодателей Gesamtmetall Штефан Вольф призвал к увеличению объемов закупаемого газа и в то же время к тому, чтобы промышленность имела приоритет в случае возможных проблем с поставками»).

„*Gerade zu Russland pflegte Österreich viele Jahre lang beste Beziehungen, bis heute ist die Abhängigkeit vom russischen Gas so hoch wie kaum anderswo*“⁷ (рус. «Именно с Россией Австрия на протяжении многих лет поддерживала прекрасные отношения, и по сей день ее зависимость от российского газа выше, чем у кого-либо еще»).

В данном случае эксплицируется зависимость немецкой и австрийской промышленности от российского газа, и никакой другой источник энергии заменить его не состоянии даже в некоторой перспективе.

Неологизация немецкоязычного газетного дискурса СМИ осуществляется за счет интенсивного употребления новой лексики в рекламном и маркетинговом дискурсах. Особенно это касается внедрения новых технологий в повседневность, которые призваны повысить качество жизни рядовых граждан. Анализ немецкоязычных информационно-рекламных текстов маркетинговой направленности свидетельствует об интенсивном употреблении многокомпонентных слов или словосочетаний, имеющих в своем составе терминологический элемент, например в различных видах садовой мебели: *modulares Gartenlounge-Set; festmontiert; april furniture; Outdoor Lounge-Modul*⁸. Ни одна из приведенных лексем не представлена в конвенциональных словарях и в электронных

⁴ Meßig F. Wasserstoff-Ausbau stockt: Ruhrgebietsstädte schlagen Alarm // WAZ. URL: <https://www.waz.de/wirtschaft/article407031430/wasserstoff-ausbau-stockt-ruhrgebietsstaedte-schlagen-alarm.html> (дата обращения 05.11.2024).

⁵ Janssen M. Putins Trolle müssen in die Schranken gewiesen werden // Berliner Morgenpost. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article407205757/putin-afd-russland-trolle-wagenknecht.html> (дата обращения 05.11.2024).

⁶ F. Hellmeyer. Märkte unter Druck – Konjunktur erodiert – VCI sieht Deindustrialisierung // Cashkurs. URL: <https://www.cashkurs.com/anleihen-und-devisenwelt/beitrag/maerkte-unter-druck-konjunktur-erodiert-vc-ieht-deindustrialisierung> (дата обращения 05.11.2024).

⁷ Mittelstaedt K. Österreichs seltsamer Umgang mit Russland: Wie kommt es zu umstrittenen Äußerungen der Politiker? // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/oesterreichs-seltsamer-umgang-mit-russland-wie-kommt-es-zu-umstrittenen-aeusserungen-der-politiker-a-a3c7f2c0-c19b-4279-b367-3daa46713881> (дата обращения 05.11.2024).

⁸ April Furniture. URL: <https://www.april-furniture.de/alle-produkte> (дата обращения 05.11.2024).

справочных изданиях, но встречается в публичных видах институционального дискурса и может толковаться только на основании контекстного употребления. По этой причине вышеперечисленные слова и словосочетания могут рассматриваться в качестве неологизмов.

Очевидно, что для будущих специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации именно неология составляет трудности при переводе и стимулирует дополнительные исследования массивов текстов, без анализа которых точный перевод и интерпретация трудно-выполнимы.

Кроме того, мы отмечаем также в ряде случаев отсутствие контекста, что серьезно затрудняет работу переводчика, а фотография или диаграмма не всегда позволяют найти эквиваленты при переводе неологизмов. В этом смысле нам представляется важным при подготовке специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации обратить внимание на работу с массивами текстов, которые могут быть полезными при переводе неологизмов. По крайней мере, статистические данные о контекстном употреблении лексем, составляющих современный экологический лексикон, послужат основой для принятия переводческого решения.

Препятствием выступает также и всеобъемлющая экологическая повестка дня, включающая социальную проблематику. В немецком языке нередко применительно к термину *Umwelt* (рус. *окружающая среда*) употребляется уточнение *soziale Umwelt* (рус. *социальная окружающая среда*). В этом смысле все, что касается жизни и здоровья человека, также приобретает оттенок «экологичности». Иными словами, антропоцентрический мотив играет существенную роль в дискурсе СМИ. При погружении в контекст СМИ любой единицы специальной лексики приводит к популяризации экологической повестки дня.

Приведем для иллюстрации сказанного выше следующий пример из текстов (объявлений) немецкоязычного рекламного интернет-дискурса:

Hier sehen Sie alle Additive des neuen CA-270.

Keine Angst, Sie brauchen keine Brille.

Denn um Ihnen Qualitätseinbussen durch unerwünschte chemische Reaktionen zu ersparen, enthält der neue 70%ige Tonerde-Zement CA-270 keine Additive.

Aufgrund seines guten Fließverhaltens lässt er sich darüber hinaus problemlos verarbeiten. Und die Tatsache, dass der CA-270 besonders wenig Wasser benötigt, zahlt sich in höherer...

Slogan: Weltweit die Nr. 1 bei Tonerde-Produkten⁹.

В приведенном отрывке рекламного объявления речь идет об отсутствии добавок в цементе определенной марки, что позволяет избежать нежелательных химических реакций (нем. *unerwünschte chemische Reaktionen ersparen*), приводящих к снижению качества предлагаемого пользователям цемента. Цемент на основе глинозема (окись алюминия) обладает хорошей текучестью, что обеспечивает его бесппроблемную (нем. *problemlos*) переработку. Это обстоятельство позволяет экономить потребление воды, что является определяющим в экологической повестке дня. При этом утверждается, что качественные преимущества цемента видны невооруженным глазом, ср. нем.: *Sie brauchen keine Brille* (рус. *Вам не нужны очки*). При представлении технологий, услуг, объектов рекламирования авторы подобных объявлений привлекают экологическую тему, которая выступает основой для принятия мотивированного решения о приобретении высокотехнологичных товаров и услуг.

Мы отмечаем две ключевые сферы, через которые осуществляется распространение экологической проблематики в современном немецкоязычном дискурсе СМИ, – бытовая и институциональная. Из этого факта следует, что формирование экологического поведения осуществляется через «форматирование» личностной и профессиональной идентичности массового реципиента.

Анализ различных традиционных и новых медиа Германии свидетельствует об интенсивном употреблении следующих многокомпонентных слов: *Nachhaltigkeit*, *Technologieoffenheit*, *Heizungs-*

⁹ Werbetexte – Beispiele vom Texter // CreativeConsult. URL: <https://www.creativeconsult.de/werbetexter/werbetexte.html> (дата обращения 05.11.2024).

Stasi, а также синонимический ряд к *Heizungs-Stasi: Heizhammer, Heizungshammer, Heizungsverbot, Öko-Diktatur*. Указанные слова формируют референциальную цепочку в СМИ, пронизывая политический телевизионный и интернет-дискурс. Это обстоятельство служит негативной рекламой, стимулирующей включение именно вышеперечисленных лексем в список непопулярных слов и, соответственно, их тиражирование в СМИ и в повседневном общении.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что экологическая повестка дня используется в современных немецкоязычных СМИ с двумя противоположными целями. Первая цель связана с необходимостью формирования экологического сознания и поведения в бытовой и профессиональной сферах. Вторая цель носит скорее политический характер, который основан на эколого-социальном компоненте. Последнее тесно связано с необходимостью формирования мировоззрения и оценочного отношения к явлениям окружающей действительности. В экологическом лексиконе присутствует коннотированная лексика, призванная формировать отношение к описываемым в СМИ событиям. В ходе анализа эмпирического материала на немецком языке нами была выделена группа лексем, направленная на популяризацию экологической повестки дня – как позитивной, так и негативной. Группа включает следующие лексические единицы: *Heizungs-Stasi (Heizhammer, Heizungshammer, Heizungsverbot, Öko-Diktatur), Nachhaltigkeit*. При ближайшем рассмотрении становятся очевидными две масштабные проблемы: а) потребление энергии, связанное с намеренным уменьшением потребления газа, других видов топлива и электроэнергии и с настоятельно рекомендуемым переходом к потреблению альтернативных источников энергии; б) глобализация, послужившая толчком к внедрению политики устойчивого развития, которая конкретно в Германии приобрела, по мнению немецкого массового реципиента, форму диктатуры и постепенно привела к экологическому перевороту в потреблении тепла и света. При этом в политическом дискурсе, публикуемом в СМИ, подчеркивается необходимость отказа от полезных ископаемых и от атомной энергии, ср. нем.: „weg von fossiler Energie“; „Deutschland ist aus der Atomkraft ausgestiegen“¹⁰ (рус. «отказ от старых энергетических ресурсов»; «Германия отказалась от атомной энергии»). Итак, согласно контекстному употреблению анτισлов, формирующих актуальную негативную повестку дня Германии, особого внимания заслуживают два коррелирующих друг с другом понятия: *Stasi (служба государственной безопасности в ГДР)* и *Diktatur (диктатура)*, которые были одновременно интегрированы в экологическую и социальную проблематику, что порождает негативные коннотации и рассматривается жителями Германии как попытка оказать на них давление, не свойственное демократическому государству, гордящемуся своими ценностями и свободой выбора. Обратимся к следующему контексту: „*Heizungs-Stasi: Bei diesem Ausdruck handelt es sich um ein zusammengesetztes Wort, das den Ausdruck Heizung und das Kurzwort Stasi (Staatssicherheit, eine Abkürzung für das Ministerium für Staatsicherheit in der DDR) verbindet. Das Wort dient der populistischen Stimmungsmache gegen Klimaschutzmaßnahmen (Gebäudeenergiegesetz GEG)*“¹¹ (рус. «*Служба надзора за отоплением: это сложное слово, которое объединяет в себе слово „отопление“ и сокращенное наименование службы государственной безопасности ГДР. Слово служит формированию populistских настроений, направленных против мер по защите окружающей среды*»). В немецком этносоциуме бытует мнение о том, что данная лексема позволяет представить эколого-социальные акции в виде репрессий, которые внедряются вопреки желанию жителей Германии. В настоящий момент в политическом дискурсе, представленном в СМИ Германии, от *профессиональных политиков* (нем. *Berufspolitiker*) ожидается *ответственность и активная деятельность* (нем. *Verantwortung/Loslegen*)¹².

¹⁰ Dahmer L., Lehmann A. Luisa Neubauer von Fridays for Future: „Ich werde ständig bedroht“ // Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/luisa-neubauer-von-fridays-for-future-im-interview-ich-werde-standig-bedroht-11214748.html> (дата обращения 05.11.2024).

¹¹ Esepelt. Unwort des Jahres ist „Remigration“ vor Sozialklimbim und Heizungs-Stasi // Du bist Halle. URL: <https://dubisthalle.de/unwort-des-jahres-ist-remigration-vor-sozialklimbim-und-heizungs-stasi> (дата обращения 05.11.2024).

¹² Dahmer L., Lehmann A. Luisa Neubauer von Fridays for Future: „Ich werde ständig bedroht“ // Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/luisa-neubauer-von-fridays-for-future-im-interview-ich-werde-standig-bedroht-11214748.html> (дата обращения 05.11.2024).

Приведем далее пример с лексемой *Technologieoffenheit* (рус. *готовность к применению инновационных/новых технологий*). Как становится очевидным из анализируемых нами выше примеров, вне контекстного употребления и без привлечения широкого дискурсивного контекста данная лексическая единица носит нейтральный характер и не включает в себе трудностей при переводе, так как содержит ясные компоненты, из которых складывается ее общее значение. При «погружении» данной лексемы в политический дискурс СМИ Германии становится понятно, что это слово имеет отношение к теме, которую условно можно обозначить как «энергетический поворот» (нем. *Energiewende*), который связан с использованием экологически чистых технологий в системе общественного и личного транспорта (нем. *Energiewende im Verkehr*). Использование альтернативных источников питания, применение экологически чистых энергоносителей призвано в будущем привести к отказу от использования природных ресурсов и углеродной политики.

Заключение

В ходе анализа эмпирического материала мы пришли к выводу о том, что экологический лексикон широко представлен в немецкоязычном газетном дискурсе. Ценностные ориентиры экологической и социальной повестки совпадают, что свидетельствует о глобальном характере экологического лексикона.

При анализе экологической терминосистемы особое значение приобретают способы структурирования образа реальности, интерпретация которых на уровне означающих средств невозможна в отрыве от коммуникативно-дискурсивной практики их функционирования: «Отражение значимых сторон действительности, результаты которого инкорпорируются во все пласты языковых систем, представляет собой процесс моделирования номинируемой реальности, осуществляемый посредством определенных когнитивных механизмов» [29].

Нами отмечены две противоположные тенденции, характерные для иноязычного дискурса СМИ: экологический лексикон служит популяризации новых технологий и продуктов и одновременно удовлетворяет разновекторные интересы целевых аудиторий, формируя ценностное отношение к окружающей среде и социальному окружению. Решение амбивалентных задач достигается за счет контекстного употребления понятий, которые носят характер антиномий; за счет терминологической амбисемии и за счет лексем, призванных выполнять в контекстном употреблении, помимо номинативной, также и интерпретативную функцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дзялошинский И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 551 с.
2. Смирнова О.В. Исследование газеты в условиях цифровизации: актуализация подходов // Меди@льманах. 2024. № 1 (120). С. 18–24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2024.1824
3. Голомидова М.В., Гладий А.Е. Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 5 (53). С. 1–6. DOI: 10.60797/RULB.2024.53.15
4. Романова Е.В., Казанцева И.В. Семантика и прагматика метафорических номинаций с компонентом «Klima-» в немецком языке // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 4 (52). С. 543–549. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-4-543-549
5. Евтугова Н.Н., Новикова Е.В. Прагматические особенности англоязычной экологической рекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 3. С. 65–75. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-3-65-75
6. Сибиряков И.В., Перезовова О.В. Анализ основных теоретических подходов к исследованию воздействия СМИ на молодежь в рамках экологического дискурса в современном медиапространстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 2, № 2 (41). С. 215–223. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_2_215

7. **Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В.** Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 6. С. 43–48. DOI: 10.20339/PhS.6-23.043
8. **Карасик В.И., Слышкин Г.Г.** Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 3 (73). С. 1–22.
9. **Малюга Е.Н., Будинчич В., Мадинян Е.И.** Коллоквиализмы как инструменты манипуляции в англоязычном дискурсе бизнес-медиа // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 6. С. 52–68. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-5
10. **Чернявская В.Е.** Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 58–72. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72
11. **Катермина В.В., Липириди С.Х.** Образный потенциал английского неографического дискурса. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. 169 с.
12. **Peng B.** Subjectivity of Discourse Constructions in News Discourse by Integrating Construction Grammar and Critical Discourse Analysis // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. 2024. No. 9 (1). P. 1–16. DOI: 10.2478/amns-2024-1050
13. **Евтушенко Т.Г., Ключкова Е.С., Лапутенко А.В., Евтушенко Н.В.** Исследование влияния параметров морфологической сложности на трудность восприятия медиатекста с использованием методов статистического анализа данных // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 1. С. 30–40. DOI: 10.18721/JHSS.14104
14. **Сафроненкова Е.Л.** Образ Арктики в онлайн среде (на материале англоязычных сайтов арктических организаций) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 135–141. DOI: 10.18721/JHSS.15213
15. **Гусейнова И.А.** Тенденции подготовки специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 2 (843). С. 47–52. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_47
16. **Wang Y.** The Cultural Construction of NewJeans from the Perspective of Cross-cultural Communication // Communications in Humanities Research. 2024. No. 42. P. 75–83. DOI: 10.54254/2753-7064/42/2024NE0036
17. **Jiang R., Zhang X.** Cross-cultural Communication and Conflict Resolution in Tourism // Journal of Social Science Humanities and Literature. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 6–10. DOI: 10.53469/jsshl.2024.07(04).02
18. **Денисова Г.В.** Лингвоконфликтология и перевод в поликультурном мире. М.: БОС, 2023. 264 с.
19. **Бондарчук Г.Г.** Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4 (885). С. 23–29.
20. **Горожанов А.И., Степанова Д.В.** Расширение базы данных сбалансированного лингвистического корпуса значениями тонального словаря (корпусный эксперимент) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 7 (888). С. 29–35.
21. **Степанова Д.В.** Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 6 (127). С. 123–130.
22. **Шестакова Л.Л.** Идеографические словари как *desiderata* авторской лексикографии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 58–73. DOI: 10.15826/izv2.2024.26.2.023
23. **Lew R.** Dictionaries and lexicography in the AI era // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. No. 11. Art. no. 426. DOI: 10.1057/s41599-024-02889-7
24. **Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А.** Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 710–729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.
25. **Киклевич А.К.** Притяжение языка. Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej, 2016. 372 с.

26. **Татаринов В.А.** Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131–161.

27. **Гусейнова И.А., Горожанов А.И.** Новые подходы к переводческой теории и практике (из опыта создания учебного пособия «основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык») // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2023. Т. 16. № 2. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24

28. **Гусейнова И.А., Никитенкова К.Г.** Амбисемия и гендерный фактор (на материале современной немецкой интернет-прессе) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 120–128. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_120

29. **Зубкова О.С., Денисова Г.В., Антипова А.С.** Когнитивная когерентность как элемент функциональной валентности терминосистемы COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 4. С. 113–122. DOI: 10.11621/npj.2023.0410

REFERENCES

[1] **Dzyaloshinskii I.M.**, *Filosofiya tsifrovoy tsivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsii* [Philosophy of digital civilization and transformation of media communications], Izdatel'skii tsentr YuUrGU, Chelyabinsk, 2020.

[2] **Smirnova O.V.**, *Researching Newspaper under Digitalization: Updating the Approaches*, Medi@Imanakh, 1 (120) (2024) 18–24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2024.1824

[3] **Golomidova M.V., Gladiy A.Ye.**, *Environmental Discourse and Aspects of Its Study in Russian Linguistics*, Russian Linguistic Bulletin, 5 (53) (2024) 1–6. DOI: 10.60797/RULB.2024.53.15

[4] **Romanova Ye.V., Kazantseva I.V.**, *Semantics and Pragmatics of Metaphorical Nominations with the Component “Klima-” in German*, Vestnik of the Mari State University, 17 (4 (52)) (2023) 543–549. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-4-543-549

[5] **Yevtugova N.N., Novikova Ye.V.**, *Pragmatic Features of English Ecological Advertisement*, Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 3 (2023) 65–75. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-3-65-75

[6] **Sibiriyakov I.V., Perevozova O.V.**, *Analysis of the Main Theoretical Approaches to the Study of the Impact of the Media on Young People in the Framework of Environmental Discourse in the Modern Media Space*, Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev, 2 (2 (41)) (2023) 215–223. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_2_215

[7] **Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V.**, *Linguocultural Universalities as the Determining Factor in Perceiving Memes*, Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6 (2023) 43–48. DOI: 10.20339/PhS.6-23.043

[8] **Karasik V.I., Slyshkin G.G.**, *Media Discourse as a Stimulator of Hysteroid and Phobic Behavior*, World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal, 3 (73) (2023) 1–22.

[9] **Malyuga E.N., Budinić V., Madinyan E.I.**, *Colloquialisms as Manipulation Tools in English Business Media Discourse*, Moscow University Philology Bulletin, 6 (2023) 52–68. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-5

[10] **Chernyavskaya V.E.**, *Deontic Meaning and Pragmatics of Politically Correct Renaming*, NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 21 (3) (2023) 58–72. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72

[11] **Katermina V.V., Lipiridi S.Kh.**, *Obraznyy potentsial angliyskogo neograficheskogo diskursa* [The figurative potential of English neographic discourse], Kuban State University, Krasnodar, 2024.

[12] **Peng B.**, *Subjectivity of Discourse Constructions in News Discourse by Integrating Construction Grammar and Critical Discourse Analysis*, Applied Mathematics and Nonlinear Sciences, 9 (1) (2024) 1–16. DOI: 10.2478/amns-2024-1050

[13] **Evtushenko T.G., Klochkova Ye.S., Laputenko A.V., Evtushenko N.V.**, *Studying the impact of morphological parameters on text readability using statistical analysis methods*, Terra Linguistica, 14 (1) (2023) 30–40. DOI: 10.18721/JHSS.14104

[14] **Safronenkova E.L.**, *The image of the Arctic online (based on the English websites of arctic organizations)*, Terra Linguistica, 15 (2) (2024) 135–141. DOI: 10.18721/JHSS.15213

- [15] **Guseynova I.A.**, Approach to Training Specialists in Intercultural and Interlinguistic Communication at Non-Linguistic Higher Educational Institutions, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2 (843) (2022) 47–52. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_47
- [16] **Wang Y.**, The Cultural Construction of NewJeans from the Perspective of Cross-cultural Communication, *Communications in Humanities Research*, 42 (2024) 75–83. DOI: 10.54254/2753-7064/42/2024NE0036
- [17] **Jiang R., Zhang X.**, Cross-cultural Communication and Conflict Resolution in Tourism, *Journal of Social Science Humanities and Literature*, 7 (4) (2024) 6–10. DOI: 10.53469/jsshl.2024.07(04).02
- [18] **Denisova G.V.**, *Linguistic Conflictology and Translation in a Multicultural World*, BOS Publishing House, Moscow, 2023.
- [19] **Bondarchuk G.G.**, Semiotic Functions of English Clothing Names in a Journalistic Text (Corpus-based Study), *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4 (885) (2024) 23–29.
- [20] **Gorozhanov A.I., Stepanova D.V.**, Expanding the database of a balanced linguistic corpus with values from a dictionary of tonality (corpus experiment), *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (888) (2024) 29–35.
- [21] **Stepanova D.V.**, Software Package for Generating a Dynamic Media Texts Corpus, *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 6 (127) (2023) 123–130.
- [22] **Shestakova L.**, Ideographic Dictionaries as *desiderata* of Author Lexicography, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26 (2024) 58–73. DOI: 10.15826/izv2.2024.26.2.023
- [23] **Lew R.**, Dictionaries and lexicography in the AI era, *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (2024) 426. DOI: 10.1057/s41599-024-02889-7
- [24] **Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Molchanova M.A.**, Reconsidering the Definition of the Term], *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3 (13) (2022) 710–729. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729
- [25] **Kiklevich A.K.**, *Prityazheniye yazyka [The Gravitation of Language]*, Centrum Badan Europy Wschodniej, Olsztyn, 2016.
- [26] **Tatarinov V.A.**, *Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: evolyutsiya problem i aspektov izucheniya [Terminological Vocabulary of the Russian Language: Evolution of Problems and Aspects of Study]*, *Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: Funktsionalnyye i statusnyye kharakteristiki [Russian Language in Modern Society: (Functional and Status Characteristics)]*, INION RAN, Moscow, 2006, pp. 131–161.
- [27] **Guseynova I.A., Gorozhanov A.I.**, New Approaches to Translation Theory and Practice (From the Experience of Creating an Exercise Book “Foundations Of Written Translation Practice From German Into Russian Language”), *Moscow University Bulletin on Translation Studies*, 16 (2) (2023) 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24
- [28] **Guseynova I.A., Nikitenkova K.G.**, Ambisemy and Gender in Modern German Internet Media, *Verhnevolzhskii Philological Bulletin*, 1 (32) (2023) 120–128. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_120
- [29] **Zubkova O.S., Denisova G.V., Antipova A.S.**, Cognitive Coherence as the Element of Functional Valence in COVID-19 Terminological system, *National Psychological Journal*, 18 (4) (2023) 113–122. DOI: 10.11621/npj.2023.0410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Денисова Галина Валерьевна

Galina V. Denissova

E-mail: g.v.denissova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

Гусейнова Иннара Алиевна

Innara A. Guseynova

E-mail: ginnap@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Горожанов Алексей Иванович

Alexey I. Gorozhanov

E-mail: a_gorozhanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

Поступила: 22.09.2024; Одобрена: 01.11.2024; Принята: 01.11.2024.

Submitted: 22.09.2024; Approved: 01.11.2024; Accepted: 01.11.2024.

Научная статья

УДК 811'111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15406>

EDN: <https://elibrary/RNAUEG>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ ЦЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ И СИСТЕМ BIGDATA

Н.Б. Мухина^{1,2} ✉, С.В. Иванова³

¹ Уральский государственный университет путей сообщения,
г. Екатеринбург, Российская Федерация;

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация;

³ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ mukhnat@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — используя исследовательский потенциал лексикографических источников и систем BigData, выявить особенности семантики английских лексем, передающих понятие «цель», с точки зрения отражения в них этапов мышления, напрямую соотносимых с организацией речевой деятельности. При этом исследование основывается на понимании цели как ключевого элемента речевой деятельности. Как результат, в работе решается основополагающий вопрос о возможности применения семантических данных, полученных в ходе анализа словарей и систем BigData, в изучении понимания процессов организации речевой деятельности. Материалом послужили современные толковые словари английского языка и базы данных. В качестве методологического инструментария выступил метод компонентного анализа в сочетании с методами сплошной выборки, дефиниционного, семасиологического и ономазиологического анализа и с методом количественной обработки данных. Определены 23 лексемы, передающие значение цели, в составе которых при дальнейшем анализе обнаружены семы начала, развития и результата деятельности, что может способствовать уточнению понимания закономерностей функционирования компонентов речевой деятельности на ее превербальном этапе.

Ключевые слова: понятие цели, этапы речевой деятельности, семантика цели, лексема, компонентный анализ, лексикографические данные, BigData.

Для цитирования: Мухина Н.Б., Иванова С.В. Особенности передачи семантики цели в современном английском языке в свете лексикографических данных и систем BigData // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 79–98. DOI: 10.18721/JHSS.15406

SEMANTICS OF GOAL IN MODERN ENGLISH VIA LEXICOGRAPHIC DATA AND BIGDATA SYSTEMS

N.B. Mukhina^{1,2} ✉, S.V. Ivanova³

¹ Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russian Federation;

² Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation;

³ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ mukhnat@yandex.ru

Abstract. The paper is based on the study of goal-setting stages in the semantics of the notion ‘goal’. The aim is via dictionaries and BigData to identify the content of lexemes expressing the notion of goal in reference to the stages of speech activity organization. The English language explanatory dictionaries and BigData systems were applied. ‘Goal’ is viewed as a key element of speech activity. The leading method of componential analysis combined with the sampling method, definitional analysis, semasiological and onomasiological analyses and method of quantitative data processing resulted in identifying the range of lexemes conveying the meaning of goal, the semes of the beginning, development and result in their meaning demonstrating the components of speech activity functioning at its preverbal stage.

Keywords: notion of goal, stages of speech activity, goal semantics, lexeme, componential analysis, lexicographic data, BigData.

Citation: Mukhina N.B., Ivanova S.V., Semantics of goal in modern English via lexicographic data and BigData systems, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 79–98. DOI: 10.18721/JHSS.15406

Введение: постановка проблемы

Несмотря на то, что понятие «цель» является ключевым в организации и осмыслении человеческой деятельности, его языковое воплощение все еще остается недостаточно раскрытым. Безусловно, лингвисты в той или иной мере обращались к лексическим единицам, объективирующим данное понятие. Так, исследовано функционально-семантическое поле целенаправленности в английском языке¹, в фокусе внимания оказывались структурно-типологические характеристики лексико-семантического поля цели в ономазиологическом освещении [1], семантика цели и средства ее выражения рассматривались на синтаксическом уровне языка², были определены грамматические тенденции в оформлении семантики цели³, выявлена этическая составляющая культурного концепта «цель» [2], ставились вопросы сопоставления семантики цели с частными каузативами⁴ [3], освещался языковой потенциал реализации целевого значения в разных типах дискурса⁵ [4–6], производилось расширение области исследований за счет включения сопоставительного анализа способов выражения интенционального модуса в русском и других языках [7, 8]. Однако представляется, что требует внимания еще одна из сторон изучения целевой семантики, которая скрывается за различными лексическими единицами, передающими понятие «цель».

¹ Сычёва Е.А. Функционально-семантическое поле целенаправленности в современном английском языке. Автореф. дисс. .... канд. филол. наук. Пенза, 2007. 21 с.

² Чистохвалова Л.В. Семантика цели. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.

³ Воронина Л.В. Текстовые единицы с семантикой цели в современной русской языковой коммуникации. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2024. 54 с.

⁴ Данилова Е.А. Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 23 с.

⁵ Глазунов М.В. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных предложений целевого типа в языке русской художественной прозы с 20–30-х годов XIX века по 80–90-е годы XX века. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Орел. 2003. 20 с.

Предлагаемый ракурс связан с тем, что цель имеет определяющее значение для речевой деятельности и предстает как основополагающий фактор ее организации, вступающий в действие после осознания говорящим мотива и потребности вступления в речевой контакт. В связи с этим исследование семантики лексических единиц, передающих понятие «цель», может пролить свет на особенности реализации речевой деятельности, что составляет тот аспект, который не был затронут в вышеупомянутых работах. В этом плане интерес представляет то, что, с одной стороны, цель задает начало, являясь своеобразным толчком организации речевой деятельности. С другой стороны, «каждый единичный акт деятельности начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной в начале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [9, с. 28]. Утверждение, что заранее поставленная цель представлена в результате речевой активности, а структурированность последней в рамках реализации поставленной цели использует различные способы ее достижения [10, с. 29; 11, с. 24], вызывает ряд вопросов о связи цели, характере ее организации и обусловленности результатом речевой деятельности. Следовательно, в теории речевой деятельности цель представлена на превербальном этапе речевого действия и соотносится с факторами начала речевой активности, на этапе развития речевого действия, имеющего свою организационную структуру, и в итоге связана с полученным результатом. В свете вышесказанного интерес к семантике лексем со значением цели, помимо прочего, исходит в том числе из необходимости более точного описания процесса целеполагания в речевой деятельности и определения возможности экстраполяции данных семантического анализа телеологической лексики на этапы постановки, достижения и результата цели речевой деятельности при изучении особенностей последней. Отсюда возникает гипотеза предпринятого исследования, основанная на представлении о том, что изучение зафиксированных в толковых англоязычных словарях лексем, вербализирующих понятие «цель», раскрывает присутствие в их содержании семантических компонентов, связанных с этапами постановки, развития и результата достижения цели, изучаемыми в теории речевой деятельности.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы, используя исследовательский потенциал лексикографических источников и систем BigData, выявить особенности семантики лексем, передающих понятие «цель», с точки зрения отражения в них этапов мышления, напрямую соотносимых с организацией речевой деятельности. Поставленная цель предполагает решение ряда задач: 1) исследовать лексикографические данные на предмет определения группы лексем, передающих понятие «цель» в современном английском языке; 2) провести компонентный анализ всех рассматриваемых лексем, выявляя присутствие компонентов начала, развития и завершения действия в семантике каждой исследуемой единицы; 3) провести количественную обработку данных для измерения объема участия каждого компонента при выражении значения цели и выявить архисему; 4) использовать ресурсы систем BigData для решения поставленных задач. В свете вышесказанного ставятся и решаются вопросы о том, какие лексические единицы и с каким содержанием используются в современном английском языке для выражения понятия «цель»; какие лексемы представляют наибольшую частотность употребления; можно ли применять семантические данные в исследовании понимания процессов организации речевой деятельности.

Новизна исследования определяется обращением к компонентному анализу лексемы «цель» в сочетании с исследовательским потенциалом BigData для верификации гипотезы о возможности присутствия в семантике цели компонентов, обуславливающих этапы реализации данного явления в ходе речевой активности; возможностью рассматривать понятия, связанные с вопросами организации речевой деятельности, с точки зрения наличия в их семантике информации, обуславливающей их внелингвистическое функционирование.

Методология и методы исследования

Для определения семантической структуры существительных, вербализирующих понятие «цель» в английском языке, был привлечен ряд толковых одноязычных словарей: *The Oxford English Dictionary*, *The Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus*, *Cambridge English Dictionary*, а также интернет-источник *Vocabulary.com*, отражающий современное состояние английского языка. Использование систем BigData способствует получению информации о частотности обращения носителей языка к изучаемым лексемам и выявлению их семантического потенциала. Ведущим методом исследования послужил метод компонентного анализа в сочетании с методом сплошной выборки, также использовались методы дефиниционного анализа, семасиологического и ономазиологического анализа и метод количественной обработки данных.

Как известно, компонентный анализ — это «метод исследования плана содержания значимых единиц языка, целью которого является разложение значения на минимальные семантические составляющие (семантические элементы)»⁶. Полученные семантические элементы, согласно термину В. Скалички, трактуются как «семы», которые передают отличительные признаки понятия, обозначенного данным словом в сознании носителей языка⁷. В итоге в ходе анализа выделяют: «архисемы как родовые семы, общие для всей группы исследуемых объектов; дифференциальные семы, среди которых рассматривают описательные (показывают индивидуальные особенности и признаки предметы: форма, цвет, размер, способ совершения действия) и относительные (показывают, как соотносится данный предмет с другими предметами, отражают пространственные и временные отношения); потенциальные семы — отражают неосновные, второстепенные, иногда и вовсе незначительные признаки предмета, различные ассоциации, с которыми данный предмет соотносится в сознании говорящих» [12]. Обязательным условием выделения сем становится учет денотативного и коннотативного компонентов значения слова. Если денотативный компонент «передает основную, общественно и коммуникативно значимую информацию» и таким образом указывает на свойства и признаки обозначаемого предмета, то коннотативный компонент значения выражает «эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова» [13, с. 44]. В ходе выявления семантических компонентов используется алгоритм компонентного анализа, предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниним: сначала с опорой на толковые англоязычные словари выделяется лексико-семантическая группа слов, затем каждая лексическая единица снабжается дефиницией и в ней выделяются семы. Следующим шагом становится определение состава сем, которые были отмечены в дефинициях изучаемых слов данной лексико-семантической группы. Результаты анализа отражаются в таблице, в которой представлены все семы данной группы слов, отмечаемые знаком «+» в каждом анализируемом значении [14].

Логика предпринятого исследования потребовала сначала обращения к методу сплошной выборки из толковых словарей и методу дефиниционного анализа для выявления содержательных составляющих лексем с целью определения лексико-семантической группы слов, передающих понятие «цель». Затем на основе методов семасиологического и ономазиологического анализа были выявлены семантические компоненты в составе лексем, передающих понятие «цель», составлен общий список сем, фигурирующих в дефинициях данной группы слов, и все это обобщено в таблице, где зафиксированы детали их семного состава. Метод количественной обработки данных отвечал за подсчет количественного состава сем, отражающих искомые значения. Последующее обращение к корпусам данных при анализе лексем способствовало быстрой и объективной обработке языковых данных, что позволило получить достоверную количественную информацию о частотности и популярности использования различных лексических единиц, выражающих понятие «цель», о нюансах его семантики и особенностях употребления.

⁶ Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2087463> (дата обращения: 21.08.2024).

⁷ Там же.

Обсуждение результатов исследования

Компонентный анализ английской лексики «цель»

Посредством сплошной выборки из толковых словарей английского языка и на основе метода дефиниционного анализа была определена группа лексических единиц, вербализирующих понятие «цель»: *goal, purpose, objective, aim, target, object, end, destination, intent, mission, intention, ambition, mark, purport, blank, bourne, point, plan, course, design, scheme, aspiration, Holy Grail* – всего 23 лексемы. Такое количество лексем говорит о том, что данное понятие многогранно в своем значении и высоко востребовано среди носителей языка, так как каждое из слов объективирует разные аспекты понятия «цель». В результате исследования стало возможным выделить ряд семантических компонентов в составе заявленных единиц, передающих англоязычное понятие «цель»: *achievement; act of intending; intention, clearly directed intent; reason; desire; wish; direction; doing; mental project, idea; end; bull's eye; task, job*. В рамках проведения компонентного анализа были изучены все лексические единицы, связанные с выражением цели. Для наглядности анализа семантические компоненты в составе словарных дефиниций выделены подчеркиванием.

1. Лексема *purpose* трактуется в Cambridge Dictionary как объяснение причины поведения субъекта: *why you do something or why something exists*⁸. Oxford Dictionary дает следующее значение лексемы *purpose*: *the intention, aim or function of something; the thing that something is supposed to achieve*⁹. В Merriam-Webster Dictionary указано значение: *something set up as an object or end to be attained*¹⁰. Интернет-словарь Vocabulary.com представляет лексему *purpose* как: 1) *what something is used for*; 2) *an anticipated outcome that is intended or that guides your planned actions*; 3) *the quality of being determined to do or achieve something; firmness of purpose*; 4) *propose or intend*¹¹. Итак, *purpose* выступает как причина действий человека, объяснение мотивов его поведения. При этом в Merriam-Webster Dictionary и Vocabulary.com лексема обусловлена значением итога ('end', 'an anticipated outcome') действия.

2. Следующая лексема *goal* предстает как *something you want to achieve*¹². Толкование в Merriam-Webster Dictionary сопоставимо с лексемой *goal* в понимание итога, завершенности процесса или действия: *the end toward which effort is directed: Aim*¹³. В интернет-словаре Vocabulary.com лексема трактуется следующим образом: *the state of affairs that a plan is intended to achieve and that (when achieved) terminates behavior intended to achieve it*¹⁴. Таким образом, *goal* передает понимание направленности действия на достижение цели и соотносит понятие цели с результатом ('end', 'a plan to achieve').

3. Лексема *objective* в англоязычных словарях зафиксирована как: 1) *something you want to achieve*¹⁵; 2) *something that you are trying to achieve*¹⁶; 3) *something toward which effort is directed: an aim, goal, or end of action*¹⁷; 4) *the goal intended to be attained (and which is believed to be attainable)*¹⁸. Соответственно, в *objective* акцент ставится на понимании цели как обозначении намерения и попытки ('something you are trying to achieve, which is believed to be attainable') субъекта ее достигнуть. Этим данная лексема отличается от *purpose* и *goal*, в которых заложено понимание причины и направленности действия.

4. Лексема *aim* включает следующие значения: 1) *something you want to do or achieve*¹⁹; 2) *the purpose of doing something; what somebody is trying to achieve*²⁰; 3) *a clearly directed intent or purpose; the*

⁸ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁰ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

¹¹ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

¹² Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024); Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

¹⁴ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

¹⁵ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁶ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁷ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

¹⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

¹⁹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁰ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

*directing of effort toward a goal*²¹; 4) *propose or intend*²². Так, *aim* передает значение цели, объединив в своем значении содержание толкований *purpose*, *goal*, *objective*, отличаясь при этом пониманием четкости намерения субъекта действия ('a clearly directed intent or purpose').

5. Значение лексемы *target* заключается в: 1) *something you want to do or achieve*²³; 2) *a result that you try to achieve*²⁴; 3) *a goal to be achieved*²⁵; 4) *the goal intended to be attained (and which is believed to be attainable)*²⁶. *Target* близко по своему содержанию к *goal* в понимании соотношения с результатом действия, направленности на его достижение.

6. Лексема *object* в англоязычных словарях представлена как: 1) *a reason for doing something, or the result you wish to achieve by doing it*²⁷; 2) *an aim or a purpose*²⁸; 3) *something mental or physical toward which thought, feeling, or action is directed; the goal or end of an effort or activity: PURPOSE, OBJECTIVE*²⁹; 4) *the goal intended to be attained (and which is believed to be attainable)*³⁰. *Object* в трактовке Merriam-Webster Dictionary выступает синонимом к словам *purpose* и *objective*, одновременно появляется дополнительный оттенок значения причины ('reason'), завершение активности по направлению чего-либо ('end of an effort or activity'), направленность умственных и физических усилий для достижения цели ('something mental or physical toward which thought, feeling, or action is directed').

7. Уже в ряде значений изучаемых лексических единиц было отмечено понимание цели как результата действия, конечной точки речевой и неречевой активности субъекта. Отсюда возможность передачи понятия «цель» через лексему *end*, которая содержит значение: 1) *an aim, intention, or purpose*³¹; 2) *an aim or a purpose*³²; 3) *an outcome worked toward; the object by virtue of or for the sake of which an event takes place*³³; 4) *the state of affairs that a plan is intended to achieve and that (when achieved) terminates behavior intended to achieve it*³⁴. *End* является конечным желаемым результатом, достижением ('an outcome worked toward'; 'the object by virtue of or for the sake of which'; 'the state of affairs that terminates behavior intended to achieve it').

8. *Destination* в англоязычных словарях толкуется как: 1) *the place where someone is going or where something is being sent or taken*³⁵; 2) *a place to which somebody/something is going or being sent*³⁶; 3) *the purpose for which something is predetermined or destined; a place to which one is journeying or to which something is sent; a place worthy of travel or an extended visit*³⁷; 4) *the ultimate goal for which something is done*³⁸. *Destination* – цель маршрута, путешествия или душевных поисков. Только в словаре Merriam-Webster Dictionary *Destination* трактуется как цель, ради чего что-то предписано или предопределено ('the purpose for which something is predetermined or destined'). Заметно отличие данной лексемы от вышеуказанных в обозначении конечной точки, которая может быть как физической, так и абстрактной. Такой целью могут выступать как город, страна, так и состояние души. Интернет-словарь Vocabulary.com представляет *destination* как конечную точку, ради чего все затевалось ('goal for which something is done').

²¹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

²² Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

²³ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁴ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁵ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

²⁶ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

²⁷ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁸ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

³⁰ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

³¹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

³² Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

³³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

³⁴ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

³⁵ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

³⁶ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

³⁷ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

³⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

9. Лексема *intent* в англоязычных словарях обозначает: 1) *something that you intend or intended to do*³⁹; 2) *what you intend to do*⁴⁰; 3) *a usually clearly formulated or planned intention: AIM; the act or fact of intending: PURPOSE*⁴¹; 4) *an anticipated outcome that is intended or that guides your planned actions*⁴². Следовательно, *intent* направлена на передачу намерения, причины ('what you intend to do'), четко сформулированного посыла ('clearly formulated or planned intention'), самого действия ('the act or fact of intending') и планируемого результата ('anticipated outcome that guides your planned actions'). Здесь наблюдается явное соотношение *intent* с *purpose* и *aim*. При этом только в этой лексеме реализуется понимание цели как акта совершения намерения. В данном понимании цель выступает как замысел действия субъекта, что отличает ее от конечного результата, самого намерения или попытки свершения действия.

10. *Mission* в англоязычных словарях объективирует значение: 1) *an important job, especially a military one, that someone is sent somewhere to do*⁴³; 2) *an important official job that a person or group of people is given to do, especially when they are sent to another country*⁴⁴; 3) *a specific task with which a person or a group is charged; a pre-established and often self-imposed objective or purpose*⁴⁵; 4) *an anticipated outcome that is intended or that guides your planned actions*⁴⁶. *Mission* – цель задания, в частности военного (*a military one*). Одновременно присутствует значение цели, достижение которой человек считает своим долгом ('self-imposed objective or purpose').

11. Лексема *intention* в англоязычных словарях объясняется как: 1) *something that you want and plan to do*⁴⁷; 2) *what you intend or plan to do; your Aim*⁴⁸; 3) *what one intends to do or bring about*⁴⁹; 4) *an anticipated outcome that is intended or that guides your planned actions*⁵⁰. *Intention* – намерение.

12. Следующая лексема *ambition* означает: 1) *a strong wish to achieve something*⁵¹; 2) *something that you want to do or achieve very much*⁵²; 3) *desire to achieve a particular end*⁵³; *a cherished desire*⁵⁴. Она обусловлена трактовкой цели как желания или стремления субъекта к достижению цели.

13. *Mark* в англоязычных словарях трактуется как: 1) an intended result or an object aimed at⁵⁵; 2) a target⁵⁶; 3) target; goal object; an object of attack, ridicule, or abuse⁵⁷; 4) a reference point to shoot at⁵⁸. *Mark* связана с пониманием цели как результата или объекта цели, имеет и значение цели как жертвы атаки или плохого обращения.

14. *Purport* в англоязычных словарях представлена как: 1) *the general meaning of someone's words or actions*⁵⁹; 2) *the general meaning of something*⁶⁰; 3) *intent, purpose*⁶¹; 4) *the intended meaning of a communication*⁶². *Purport* указывает на общее значение чьих-то слов или действий ('general meaning, the intended meaning'), только в Merriam-Webster Dictionary указывается на значение цели и намерения.

³⁹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴⁰ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴¹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁴² Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴³ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴⁴ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴⁵ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁴⁶ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴⁷ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴⁸ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴⁹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁵⁰ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁵¹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵² Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁵³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁵⁴ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁵⁵ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵⁶ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁵⁷ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁵⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁵⁹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶⁰ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁶¹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁶² Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

15. Лексема *Blank* в англоязычных словарях помечена как *obsolete* и несет в себе значение *the bull's-eye of a target*⁶³. Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary не содержат данного слова в виду его устаревшего употребления в данном значении. В интернет-словаре Vocabulary.com не указано значение данной лексемы в понимании цели. *Blank* – это цель в значении мишени, что соотносится с лексемой *target*.

16. *Bourne* в англоязычных словарях истолковывается как: 1) *a destination* (= *the place where someone is going*)⁶⁴; 2) *GOAL, DESTINATION*⁶⁵; 3) *an archaic term for a goal or destination*⁶⁶. В Oxford Dictionary данная лексема не представлена. *Bourne* является устаревшим словом со значением цели как окончательной точки маршрута. В этом значении лексема соотносится с *destination*.

17. *Point* в англоязычных словарях включает среди других значение: 1) *purpose or usefulness*⁶⁷; 2) *the purpose or aim of something*⁶⁸; 3) *an end or object to be achieved: PURPOSE*⁶⁹; 4) *the object of an activity*⁷⁰. Так, *point* используется для разъяснения пользы дела и стремления к результату, к объекту достижения.

18. *Plan* в англоязычных словарях заявлена как: 1) *an idea about what you may do in the future*⁷¹; 2) *something that you intend to do or achieve*⁷²; 3) *GOAL, AIM*⁷³; 4) *a series of steps to be carried out or goals to be accomplished* (*syn. program, design*)⁷⁴. В целом *plan* – задумка, идея, программа.

19. *Course* в англоязычных словарях представлена значением: 1) *the direction in which a vehicle, especially an aircraft, spacecraft, or ship, moves, or the path along which a river flows*⁷⁵; 2) *a direction or route followed by a ship or an aircraft*⁷⁶; 3) *the direction of travel of a vehicle (such as a ship or airplane) usually measured as a clockwise angle from north*⁷⁷; 4) *general line of orientation*⁷⁸. Лексема *course* несет в себе значение географической, конечной точки маршрута какого-либо вида транспорта (*direction*) либо же направления, в котором течет река, общего направления действия ('general line of orientation').

20. *Design* в англоязычных словарях рассматривается как: 1) *to intend*⁷⁹; 2) *a plan or an intention*⁸⁰; 3) *a particular purpose or intention held in view by an individual or group; deliberate purposive planning; a mental project or scheme in which means to an end are laid down*⁸¹; 4) *something intended as a guide for making something else*⁸². *Design* – замысел, идея, планирование действий согласно какой-то идее, представлению. Лексема близка по значению к *intention* и *plan*.

21. *Scheme* в англоязычных словарях заявлена как: 1) *an official plan or system*⁸³; 2) *a plan for making money, especially in a dishonest way; a plan or system for doing or organizing something*⁸⁴; 3) *a plan or program of action*⁸⁵; 4) *an elaborate and systematic plan of action*⁸⁶. *Scheme* соотносится с *plan*, может нести негативную коннотацию (*dishonest way*).

⁶³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁶⁴ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶⁵ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁶⁶ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁶⁷ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶⁸ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁶⁹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁷⁰ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁷¹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁷² Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁷³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁷⁴ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁷⁵ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁷⁶ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁷⁷ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁷⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁷⁹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁸⁰ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁸¹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁸² Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁸³ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁸⁴ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁸⁵ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁸⁶ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

22. *Aspiration* в англоязычных словарях значит: 1) something that you hope to achieve⁸⁷; 2) strong desire to have or do something⁸⁸; 3) a strong desire to achieve something high or great; an object of such desire⁸⁹; 4) a cherished desire⁹⁰. *Aspiration* – то, чего хочется достичь, цель-мечта, стремление. Слово соотносится по своему лексическому значению с лексемами *goal, aim, objective*, но с более сильным отклонением в сторону желания, надежды ('hope', 'desire').

23. *Holy Grail* в англоязычных словарях дефинируется как: 1) *something that a person or a particular group of people want very much to have or achieve*⁹¹; 2) *a thing that you try very hard to find or achieve, but never will*⁹²; 3) *an object or goal that is sought after for its great significance*⁹³. В интернет-словаре Vocabulary.com данная лексема не представлена в понимании цели. Так, *Holy Grail* – устойчивое выражение, описывающее объект сильного желания, но который очень сложно получить или достичь (*very hard to find or achieve, but never will*). Значение лексемы характеризуется своей материальной направленностью.

Проведенный анализ показывает, что в составе каждой из лексических единиц, передающих понятие «цель» в английском языке, содержится семантический компонент 'achieve'. Это явное свидетельство того, что 'achieve' представляет собой доминантный признак в определении англоязычного понятия «цель» и позволяет рассматривать его как архисему – «родовую интегрирующую сему, свойственную всем единицам определённого класса и отражающую их общие категориальные свойства и признаки»⁹⁴. Архисема не является описанием конкретного признака предмета, а становится «результатом логической операции по обобщению всех признаков изучаемого явления, поэтому они теоретически неисчислимы, и какое-либо их ограничение может быть обусловлено только практическими потребностями лексикографического описания конкретных лексических единиц. Таким образом, генетически архисема в структуре значения производна от остальных конкретных сем, так как является обобщением последних, хотя в структуре „оформившегося“ значения она выступает уже как структурно независимый семантический компонент, а остальные семы конкретизируют архисему» [15]. 'Achieve' представляет собой глагольную форму и отражает суть изучаемого явления: в семантике самой лексемы *achieve (to succeed at reaching or accomplishing (a goal, result, etc.) especially through effort*⁹⁵; *to succeed in doing something or causing to happen*⁹⁶; *to do or obtain something that you wanted after planning and working to make it happen; to successfully finish or do something you wanted to do, especially after a lot of effort*⁹⁷; *cause to happen, occur, or exist*⁹⁸) представлено понимание начала (*cause, planning*), развития (*occur, exist, do something*) и результата (*accomplish, succeed, reach, obtain, finish*), что отражает деятельностный характер цели в речевой коммуникации. При этом нельзя не согласиться с мнением З.Д. Поповой и И.А. Стернина, что «удобнее по возможности выбирать субстантивную форму ключевого слова, поскольку субстантивная форма обеспечивает наиболее широкий номинативный охват денотата и дает возможность легче подбирать синонимы и антонимы» [13, с. 124]. В итоге, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что семантический компонент '**achievement**' объективируется во всех рассмотренных англоязычных лексемах со значением «цель» и, таким образом, представляет собой архисему, а дифференциальные семы начала, развития и результата конкретизируются в следующих семантических компонентах: *mental project, idea, reason* (начало); *doing, direction, desire, act of intending, task* (развитие) и *end, clearly directed intention, wish, bull's eye, job* (результат).

⁸⁷ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁸⁸ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁸⁹ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁹⁰ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

⁹¹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹² Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁹³ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁹⁴ Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2087463> (дата обращения: 21.08.2024).

⁹⁵ Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁹⁶ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁹⁷ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

Семантический компонент **‘doing’** (*carry out or perform an action*⁹⁹) отмечен в пяти англоязычных лексемах (21,7 % от всех изучаемых единиц): *plan, intention, mission, object, intent*. Именно в данном компоненте находит отражение выполнение действий для реализации цели (*carry out or perform*).

Семантический компонент **‘end’** (*the state of affairs that a plan is intended to achieve and that (when achieved) terminates behavior intended to achieve it*¹⁰⁰) наблюдается также в пяти лексемах (21,7 %): *objective, goal, target, mark, point*. Он связывает содержание лексемы с завершением процесса достижения цели (*terminates behavior intended to achieve it*).

Семантический компонент **‘intention, clearly directed’** (намерение, четко определенное) реализуется в четырех лексемах (14,4 %): *purport, aim, intent, intention*, где *intention* – *an anticipated outcome that is intended or that guides your planned actions*¹⁰¹), и связан с идеей результата, завершенности действия, обусловленной предвосхищением результата (*anticipated outcome*).

Семантический компонент **‘direction’** (*a general course along which something has a tendency to develop*¹⁰²) присутствует в трех лексемах (4,3 %): *destination, bourne, course*, связывая идею целеполагания с его этапами.

Семантический компонент **‘mental project, idea’** (*your intention; what you intend to do*¹⁰³) содержится в трех лексемах (4,3 %): *plan, design, scheme*, и обуславливает начало целеполагания.

Семантический компонент **‘reason’** (*a rational motive for a belief or action*¹⁰⁴) актуализируется в двух лексемах (8,7 %): *purpose, object*, заключает в себе мотив (*motive for a belief or action*) действия.

Семантический компонент **‘desire’** (*the feeling that accompanies an unsatisfied state*¹⁰⁵) передает идею изменения состояния и перехода к действию (*unsatisfied state*) и объективируется в двух лексемах (8,7 %): *aspiration, Holy Grail*.

Семантический компонент **‘act of intending’** (*something that people do or cause to happen*¹⁰⁶) характеризует одну лексему (4,3 %) *intent* и манифестирует осуществление активности.

Семантический компонент **‘wish’** (*feel or express a desire or hope concerning the future or fortune of*¹⁰⁷) передается в одной лексеме (4,3 %) *ambition*. Данное значение относится к прогнозированию положительного результата (*concerning the future or fortune of*).

Семантический компонент **‘bull’s eye’** (*something that exactly succeeds in achieving its goal*¹⁰⁸), связанный с передачей понимания положительного результата, наличествует в одной лексеме (4,3 %) *blank*.

Семантический компонент **‘task, job’** (*task – any piece of work that is undertaken or attempted, job – an object worked on; a result produced by working*¹⁰⁹) присутствует в одной лексеме (4,3 %) *mission*. Здесь цель понимается как результат действия (*result*) и предпринятых действий для ее достижения (*undertaken or attempted*).

В табл. 1 подытожены и представлены результаты проведенного компонентного анализа, приведены слова-вербализаторы и их семантические компоненты.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Ibid.

Таблица 1. Семантические компоненты лексем, передающих понятие «цель» в английском языке
 Table 1. Semantic components of lexemes conveying the concept of “goal” in English

Лексема	goal	purpose	objective	aim	target	object	end	destination	intent	mission	intention	ambition	mark	purport	blank	bourne	point	plan	course	design	scheme	aspiration	Holy Grail
Архисема <i>achievement</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сема	Семантический компонент																						
Начало	mental project, idea																	+		+	+		
	reason	+				+																	
Развитие	doing								+	+	+							+					
	direction							+								+			+				
	desire																					+	+
	act of intending								+														
	task									+													
Результат	end													+			+						
	intention, clearly directed								+		+			+									
	wish											+											
	bull's eye														+								
	job									+													

Исследовательский потенциал BigData в определении лексико-семантического значения англоязычного понятия «цель»

Корпусы английского языка Corpus of Contemporary American English (COCA)¹¹⁰ и British National Corpus (BNC)¹¹¹ расширяют возможности лингвистических изысканий [16–24], что существенно помогает в исследовании объема значения лексемы в словарях (табл. 2).

Согласно полученным данным, наиболее частотными в употреблении являются лексемы *point* и *end*. Однако необходимо подчеркнуть, что вышеназванные единицы характеризуются многозначностью. *End* включает целый спектр значений: 1) final part; 2) place furthest out; 3) *reason/aim*; 4) part in activity; 5) opposite place; 6) smb's death; 7) district of city¹¹². *Point* представляет собой 1) *idea/opinion/reason*; 2) aspect/feature; 3) particular time; 4) particular place; 5) unit (for game score); 6) area of light/colour; 7) sharp end of smth; 8) piece of land; 9) decimal point; 10) power point; 11) direction of compass¹¹³. Лексемы *mark* и *design* также обращают на себя внимание частотностью употребления в American English. *Mark* зафиксирована в словаре как: 1) a boundary land; 2) a: a conspicuous object serving as a guide for travelers (2): something (such as a line, notch, or fixed object) designed to record position; b: one of the bits of leather or colored bunting placed on a sounding line at intervals; c: *target*; d: the starting line or position in a track event; e: *goal, object*¹¹⁴. Такие случаи многозначности не дают полной картины употребления данных единиц только в одном конкретном значении и не позволяют сделать четких выводов о частотности употребления данных лексем в искомом значении. *Design* трактуется как: 1) *a particular purpose or intention held in view by an*

¹¹⁰ Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 18.08.2024).

¹¹¹ British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹¹² MacMillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Macmillan Education, 2006. P. 455.

¹¹³ Ibid. P. 1087.

¹¹⁴ Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 06.08.2024).

individual or group; 2) a mental *project or scheme* in which means to an end are laid down; 3) a deliberate undercover *project or scheme*¹¹⁵. Предположительно, данная лексема часто реализуется именно в своем первом значении, связанном с передачей целевой направленности деятельности. Минимальное количество употреблений отмечено у лексем *aspiration*, *purport* и *Holy Grail*, что находит объяснение в устаревании их значений в передаче понятия «цель», что также зафиксировано в современных толковых словарях. Остальные лексические единицы в большей или меньшей степени демонстрируют случаи реализации семантических компонентов, передающих значение цели в разных контекстах речевого общения.

Таблица 2. Частотность употребления лексем с компонентом «цель» согласно COCA и BNC
Table 2. Frequency of use of lexemes with the “goal” component according to COCA and BNC

№ п/п	Лексема	Частотность употребления	
		Corpus of Contemporary American English	British National Corpus
1	goal	83811	5728
2	purpose	71012	9129
3	objective	25899	4566
4	aim	21812	6337
5	target	60726	6610
6	object	42741	6135
7	end	413474	47613
8	destination	13550	1090
9	intent	22104	1820
10	intention	17928	4607
11	ambition	7411	1282
12	mark	109592	11830
13	purport	809	137
14	blank	14070	1571
15	bourne	3032	180
16	point	420363	39067
17	plan	198471	14495
18	course	380088	48663
19	design	104850	12710
20	scheme	18911	11963
21	Holy Grail	1492	58
22	mission	69614	2547
23	aspiration	2049	290

Для получения еще более полной картины функционирования изучаемых лексем обратимся к сервису GoogleBooksNgramViewer¹¹⁶. С его помощью можно построить график частотности употребления исследуемых языковых единиц на основе большого количества печатных источников в 1900–2019 гг. (максимальный настрой системы) (Рис. 1).

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Google Books Ngram Viewer. URL: [https:// books.google.com/ngrams/graph?content](https://books.google.com/ngrams/graph?content) (дата обращения: 30.08.2024).

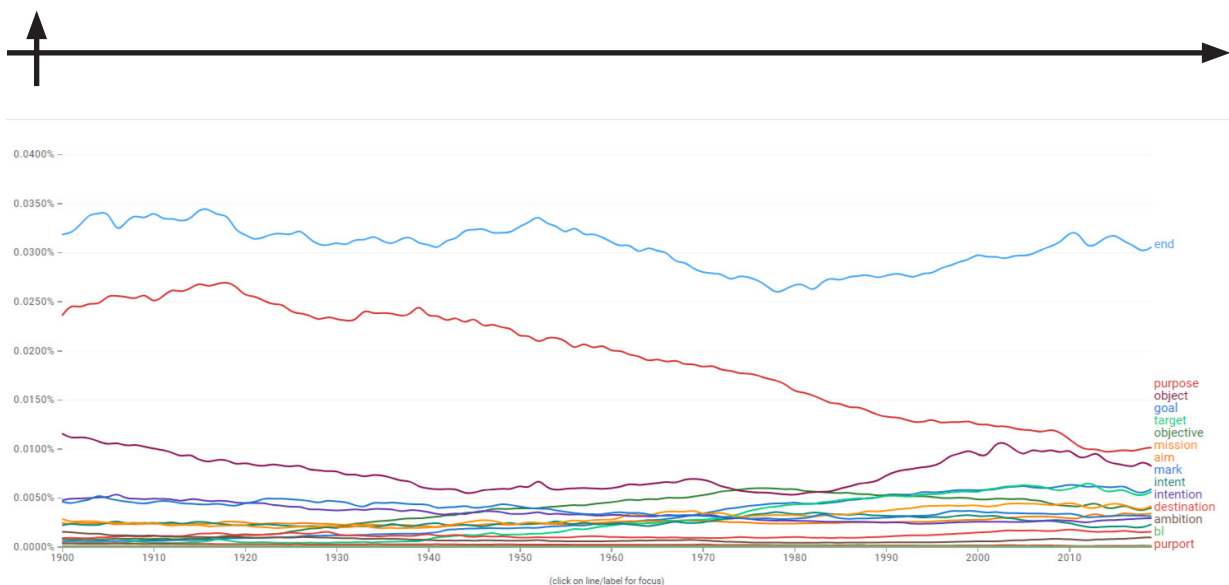

Рис. 1. Частотность употребления лексем, вербализирующих понятие «цель» в английском языке в 1900–2019 гг.
 Fig. 1. The frequency of use of lexemes verbalizing the concept of “goal” in the English language in 1900–2019

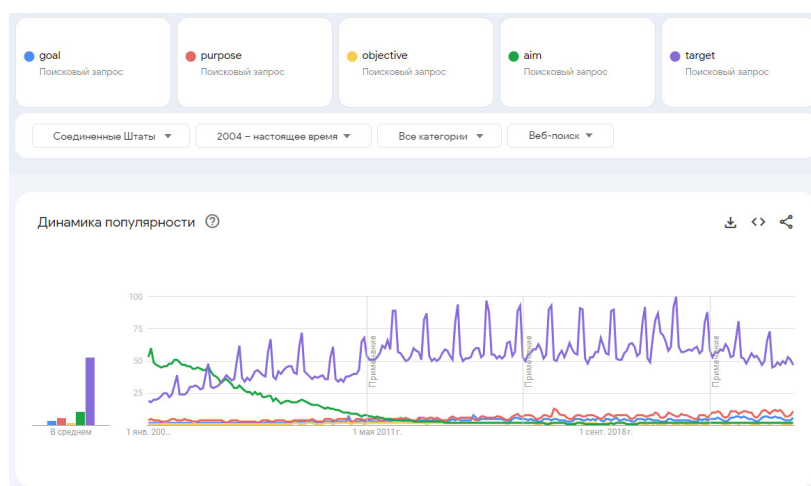

Рис. 2. Диаграмма популярности использования лексем *goal*, *purpose*, *objective*, *aim*, *target* в Соединенных Штатах Америки в 2004–2024 гг.
 Fig. 2. Diagram of the popularity of the use of *goal*, *purpose*, *objective*, *aim*, *target* tokens in the United States of America in 2004–2024

Согласно графику, сто лет назад самой частотной из всех изучаемых лексем выступала *end*, которая продолжает держать первенство вплоть до 2019 г. Уступает ей по частотности лексема *purpose*, характер употребления которой меняется от активного в 1900 г. до снижения частоты употребления в 2019 г. Лексема *object* теряла свои позиции в употреблении в период с 1940 г., но около 1980 г. стала более распространенной. Все остальные лексемы имеют относительно ровный характер частотности употребления. Таким образом, проанализированные данные с очевидностью свидетельствуют, что понятие «цель», обусловленное пониманием конца (*end* с семантическим компонентом *achieve*) и причины (*purpose* и *object* с семантическим компонентом *reason*), занимает лидирующие позиции в речевой деятельности, раскрывая сущность любой предпринятой активности — ее причину и результат.

Система GoogleTrends¹¹⁷ дает возможность проанализировать, насколько популярны данные единицы среди носителей языка в Великобритании и США. Для этого вводим в поисковые запросы изучаемые лексемы и рассматриваем период 2004–2024 гг. Формат поисковой системы позволяет получить информацию только по пяти лексемам, поэтому результаты представлены в нескольких вариантах. Результатом такого запроса становится график динамики популярности использования лексемы для каждой страны. Ниже представлены графики популярности использования лексем в речи жителей Великобритании и США на примере лексем *goal, purpose, objective, aim, target*. Подобные графики были выстроены и для остальных заявленных выше лексем.

Исходя из полученных данных, можно построить таблицу популярности использования лексем *goal, purpose, objective, aim, target, object, end, destination, intent, mission, intention, ambition, mark, purport, blank, bourne, point, plan, course, design, scheme, aspiration, Holy Grail* в США и Великобритании в 2004–2024 гг. Значения для лексем представлены в виде баллов из расчета 100 баллов. В настоящей работе построение графика динамики популярности лексем со значением «цель» в Великобритании и США продемонстрировано на примере лексем *goal, purpose, objective, aim, target*. Аналогичные графики были построены для всех остальных лексических единиц.

Таблица 3. Популярность лексем со значением «цель» в Великобритании и США
Table 3. Popularity of lexemes with the meaning “goal” in the UK and the USA

№ п/п	Лексема	США	Великобритания
1	goal	4	55
2	purpose	7	32
3	objective	1	3
4	aim	2	11
5	target	54	32
6	object	8	6
7	end	70	83
8	destination	4	9
9	intent	2	1
10	intention	> 1	> 1
11	ambition	1	1
12	mark	72	61
13	purport	> 1	> 1
14	blank	10	9
15	bourne	1	5
16	point	62	32
17	plan	45	34
18	course	42	36
19	design	39	36
20	scheme	2	13
21	Holy Grail	1	1
22	mission	55	33
23	aspiration	2	2

¹¹⁷ GoogleTrends. URL: <https://trends.google.ru> (дата обращения: 02.09.2024).

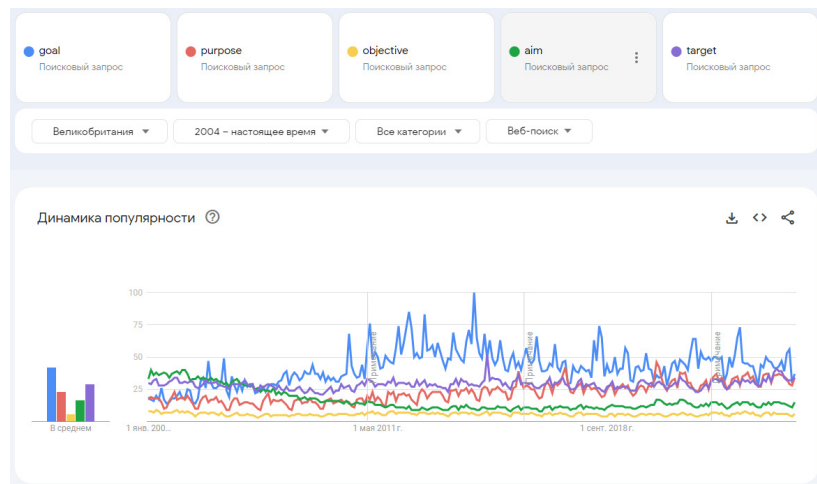

Рис. 3. Диаграмма популярности использования лексем *goal*, *purpose*, *objective*, *aim*, *target* в Великобритании в 2004–2024 гг.

Fig. 3. Chart of the popularity of the use of *goal*, *purpose*, *objective*, *aim*, *target* tokens in the UK in 2004–2024

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, очевидно, что наибольшее количество запросов относится к *goal*, *end* и *mark* в Великобритании и *end*, *point* и *mission* в США. В выше-названных странах перечисленные лексемы используются чаще других при выражении целенаправленности действия. Однако в Великобритании их догоняют по своей популярности *purpose*, *target*, *point*, *plan*, *course*, *design*, а в США это *target*, *plan*, *course*, *design*. Учитывая результаты компонентного анализа, есть все основания полагать, что в единицах *goal*, *end*, *point* присутствует выявленная ранее архисема ‘achieve’, связывающая понятие цели с достижением результата. В лексемах *mark* и *mission* заложены семантические компоненты *doing – get (something) done*¹¹⁸ и *task – any piece of work that is undertaken or attempted*¹¹⁹, обе из которых реализуют идею результата деятельности. Полученные результаты полностью подтверждают мысль А.А. Леонтьева о том, что «в сознании человека цель может отражаться в форме понятия о конечном продукте, который предстоит создать в процессе деятельности, или в форме наиболее общего понятия, содержащего лишь суть реального явления и не указывающего при этом на конкретность той или иной задачи» [9]. Отсюда возникает понимание соотношения компонентов значения понятия «цель» с этапами целеполагания в речевой деятельности, что находит отражение и в языковом исполнении.

Выводы

1. Понятие «цель» представляет интерес для лингвистов с точки зрения исследования его информационного потенциала, что реализуется в семантике слов, передающих данное понятие в английском языке. С точки зрения представленности в лексикографических источниках лексемы со значением «цель» зафиксированы в англоязычных толковых словарях в количестве 23 единиц: *goal*, *purpose*, *objective*, *aim*, *target*, *object*, *end*, *destination*, *intent*, *mission*, *intention*, *ambition*, *mark*, *purport*, *blank*, *bourne*, *point*, *plan*, *course*, *design*, *scheme*, *aspiration*, *Holy Grail*.

2. Обращают на себя внимание некоторые расхождения в дефинициях анализируемых лексем. Так, в ряде источников наблюдается отсутствие словарных толкований со значением «цель» у некоторых изученных лексем (лексема *blank* не представлена в Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary и в интернет-словаре Vocabulary.com; лексема *bourne* отсутствует в Oxford

¹¹⁸ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com> (дата обращения: 08.08.2024).

¹¹⁹ Ibid.

Dictionary; устойчивое сочетание *Holy Grail* не заявлено в интернет-словаре Vocabulary.com). Данный факт находит объяснение в подходах к отбору единиц при составлении словарей, когда авторы считают возможным не учитывать и не включать в словник устаревшие или устаревающие значения слов.

3. Результатом компонентного анализа вышеупомянутых лексем стало определение архисемы 'achievement', нашедшей свою репрезентацию во всех 23 словах с семантикой «цель» в английском языке. Семантические компоненты в количестве 13 единиц ('act of intending'; 'clearly directed intention'; 'reason'; 'desire'; 'wish'; 'direction'; 'doing'; 'mental project, idea'; 'end'; 'bull's eye'; 'task', 'job') представляют собой дифференциальные семы, которые позволяют эксплицитно различать различные стороны целеполагания.

4. Архисема 'achievement' уточнена дифференциальными семами «начало», «развитие» и «результат» целеполагания, передающими искомые значения в следующих семантических компонентах: начало – *mental project, idea, reason*; развитие – *doing, direction, desire, act of intending, task*; результат – *end, clearly directed intention, wish, bull's eye, job*. Таким образом, архисема 'achievement' включает все три этапа целеполагания, которые выделяются в теории речевой деятельности. Этот вывод дает возможность экстраполировать полученные результаты на дальнейшее изучение организации речевой деятельности и открывает перспективу исследования функционирования цели как компонента речевой деятельности в ее целостности с точки зрения ее вербальных, процессуальных и результативных характеристик.

5. Данные систем BigData свидетельствуют о том, что наибольшую активность в употреблении проявляют характеризующиеся своей многозначностью лексемы *point* и *end*. Однако широта их толкований ограничивает возможность выявления фактов употребления лексем в значении, обусловленном понятием цели. Лексемы с минимальной частотностью употребления – *ambition, purport* и *Holy Grail* – демонстрируют изменение социальной маркированности значений слов, что позволяет относить их к группе слов с устаревшими значениями, что, в свою очередь, требует фиксации в словарях современного английского языка. В данной связи лексико-семантическое содержание понятия «цель» можно отнести к разделу констант и вариативных соответствий, напрямую зависящих от мировидения социума. Вместе с тем ряд лексем, передающих значение цели в Великобритании и США, варьируется в зависимости от характеризующих их дифференциальных сем, среди которых наиболее часто встречаются семы с компонентами начала (*reason*), развития (*doing*) и результата (*achieve*) процесса целеполагания (*point, end, purpose, object*). Обращение к лексемам с таким многокомпонентным содержанием подчеркивает необходимость исследования значений в содержании слова, остающихся за пределами вербального выражения, но раскрывающих информационную значимость лексической единицы в составе речевого действия.

Заключение

В исследованиях значения слова современная лингвистика не ограничивается изучением семантики отдельной лексической единицы, а расширяет свои границы за счет изучения общественной (социальной) природы слова [25, 26], выражения в нем культурных понятий и национальных коннотаций, системных отношений слов, анализируя, как отдельное понятие передается разными близкими по значению лексемами, поиска и уточнения принципов номинации в процессе речевой деятельности. Примером такого разностороннего исследования может послужить изучение семантики лексем, передающих понятие «цель» в английском языке. Интерес к данной лексеме связан, с одной стороны, с лексико-семантическими, когнитивными, прагматическими векторами современной семасиологии. С другой стороны, представляется, что данное исследование является еще одним свидетельством того, как исследование семантики слова может пролить свет на воплощенные в слове понятия и процессы.

Понятие «цель», обладающее высокой культурной значимостью и являющееся ключевым для прагматических культур англоязычных стран [27], многогранно и разнообразно представлено в лексической системе английского языка. Свидетельством этого является количество лексем с данным значением. В английском языке, согласно полученным данным, их 23. Однако, помимо лингвокультурологического аспекта, одной из недостаточно изученных областей, связанных с исследованием лексемы «цель», остается определение связи семантики слова «цель» с постулатами теории речевой деятельности о цели как компоненте с элементами начала, развития и результата целеполагания. В предпринятом исследовании с опорой на лексикографические данные и с помощью процедуры компонентного анализа были выделены денотативные семантические компоненты исследуемой группы слов – 13 единиц, каждая из которых связана общей доминантой выражения цели действия, но различается в передаче данного замысла. Архисемой для рассматриваемых значений выступает ‘achievement’, в составе которой содержатся семы, в каждой из которых представлены этапы начала (*mental project, idea, reason*), развития (*doing, direction, desire, act of intending*) и результата (*end, clearly directed intention, wish, bull’s eye, job*) целеполагания. Таким образом, данные, полученные в ходе исследования лексического значения слов, передающих содержание понятий, лежащих в основе организации этапов организации речи, свидетельствуют о возможности их использования для решения вопросов, актуальных для теории речевой деятельности.

Привлеченные корпуса английского языка и системы BigData, обращение к которым открывает новые возможности получения сведений о развитии языка, показали частотность употребления лексических единиц со значением «цель». Так, среди наиболее частотных в применении оказались лексемы, в состав которых входят компоненты достижения цели, указывающие на этапы целеполагания как процесса. В качестве дополнительного результата подобного рода исследований можно рассматривать получение сведений, указывающих на естественную динамику изменения лексического состава, когда часть слов либо выходит из использования в виду устаревания их значения, либо не употребляется в искомом значении. В этом отношении полученные данные могут быть полезны для составителей словарей при корректировке информации о социальной маркированности лексем.

В итоге предпринятая в данной работе попытка рассмотреть на основе обращения к словарным источникам и системам BigData лексемы, связанные по своему лексическому значению с содержанием одного понятия, безусловно, раскрывает дополнительные возможности в изучении лексических единиц и их семантики, а также в выстраивании интердисциплинарных и междисциплинарных связей между разными областями языкового знания, а также смежных с ним наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даниленко В.Д. Структура лексико-семантического поля цели. URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/poleceli.htm> (дата обращения: 23.08.2024).
2. Яценко Т.А. Этическая составляющая культурного концепта Цель // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66), № 1. Ч. 1 С. 165–169.
3. Акимова Э.Н. Категория обусловленности: статус, состав, уровни реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. Т. 11, № 1 (15). С. 250–254.
4. Гареева Л.М. Синонимия и вариативность предлогов финитивной семантики в современном русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2012. № 2 (14). С. 101–104.

5. **Дюндик Ю.Б.** Семантические особенности функционирования наречий намеренности // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 163–167.
6. **Колесов В.В.** Причина и цель // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 98–103.
7. **Аксенова Д.А.** Сопоставительный анализ способов выражения цели в русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8, № 6–2. С. 12–16. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-11-16
8. **Мосинец А.Г.** Предложения с семантикой антицели в болгарском языке с союзом за да // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. 10–1 (76). С. 144–148.
9. **Леонтьев А.А.** Психологические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.
10. **Леонтьев А.А., Рябова Т.В.** Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи. Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 27–32.
11. **Фарисенкова Л.В.** Уровни коммуникативной компетенции в теории и на практике. М.: Гуманитарий, 2000. 268 с.
12. **Алефиренко Н.Ф.** Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, 2014. 416 с.
13. **Попова З.Д., Стернин И.А.** Лексическая система языка. М.: Либроком, 2009. 171 с.
14. **Стернин И.А.** Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с. URL: <https://studylib.ru/doc/6245433/i.-a.-sternin-kontrastivnaya-lingvistika> (дата обращения: 24.08.2024).
15. **Попова З.Д.** Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 252 с.
16. **Большаков А.С., Журенков О.В.** Применение технологий BigData в гуманитарных исследованиях // Актуальные проблемы прикладной информатики в образовании, экономике, государственном и муниципальном управлении: сборник трудов международной научной конференции. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 27–32.
17. **Головченко В.С.** Практическое применение методов прикладной лингвистики для BigData-анализа // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3 (141). DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.46
18. **Кравченко В.О., Крюкова А.А.** «Большие данные» – практические аспекты и особенности // Academy. 2016. № 6 (9). С. 65–67.
19. **Одинцов А.В.** Социология общественного мнения и вызов BigData // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3 (30). С. 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04
20. **Радченко И.А., Николаев И.Н.** Технологии и инфраструктура BigData. СПб.: Университет ИТМО, 2018. 52 с.
21. **Сулейманова О.А., Демченко В.В.** Использование BIG DATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола shudder // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 33. С. 466–472.
22. **Феномен bigdata** // Век качества. 2014. № 4. С. 54–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-big-data> (дата обращения: 26.08.2024).
23. **Banerjee A., Monteleoni C.** Climate Change: Challenges for Machine Learning. NIPS, 2014. URL: <http://www-users.cs.umn.edu/~banerjee/talks/BanerjeeMonteleoniNIPSTutorial2014.pdf> (дата обращения: 04.09.2024).
24. **Nesset T.** Big data in Russian linguistics?: Another look at paucal constructions // Zeitschrift für Slawistik. 2019. Vol. 64. No. 2. P. 157–174. DOI: 10.1515/slav-2019-0012
25. **Чернявская В.Е.** Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17 (1). С. 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
26. **Молодыхенко Е.Н.** Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18 (2). С. 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207
27. **Мухина Н.Б.** Прагматика цели речевой деятельности: Монография. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2011. 143 с.

REFERENCES

- [1] **Danilenko V.D.**, Struktura leksiko-semanticheskogo polya tseli [The structure of the lexical-semantic field of the goal]. Available at: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/poleceli.htm> (accessed 23.08.2024).
- [2] **Yashchenko T.A.**, Ethical part of cultural concept the purpose, *Scientific Notes of the Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series: Philology. Social Communications*, 27 (66) (1.1) (2014) 165–169.
- [3] **Akimova E.N.**, Category of conditionality: status, composition, level of implementation, *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 11 (1 (15)) (2012) 250–254.
- [4] **Gareeva L.M.**, Synonymy and variability of prepositions of finitive semantics in Russian modern language, *Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”*, 2 (14) (2012) 101–104.
- [5] **Dyundik Yu.B.**, Semanticheskiye osobennosti funktsionirovaniya narechiy namerennosti [Semantic features of the functioning of adverbs of intention], *Siberian Journal of Philology*, 4 (2008) 163–167.
- [6] **Kolesov V.V.**, Prichina i tsel' [Reason and purpose], *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 6 (2) (2013) 98–103. (In Russian)
- [7] **Aksenova D.A.**, Comparative analysis of ways of expressing purpose in Russian and English languages, *Society of Russia: educational space, psychological structures and social values*, 8 (6–2) (2017) 12–16. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-2-11-16
- [8] **Mosinets A.G.**, Bulgarian sentences with the conjunction “за да” expressing the semantics of anti-purpose, *Philology. Theory & Practice*, 10–1 (76) (2017) 144–148.
- [9] **Leontyev A.A.**, *Psikhologicheskkiye yedinitsey i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya* [Psychological units and the generation of speech utterances], Nauka, Moscow, 1969.
- [10] **Leontyev A.A., Ryabova T.V.**, *Fazovaya struktura rechevogo akta i priroda planov* [Phase structure of speech act and nature of plans, Plans and models of the future in speech], Metsniyereba, Tbilisi, 1970, pp. 27–32.
- [11] **Farisenkova L.V.** *Urovni kommunikativnoy kompetentsii v teorii i na praktike* [Levels of communicative competence in theory and practice], Gumanitariy, Moscow, 2000.
- [12] **Alefirenko N.F.**, *Sovremennyye problemy nauki o yazyke* [Modern problems of language science], Flinta, Moscow, 2014.
- [13] **Popova Z.D., Sternin I.A.**, *Leksicheskaya sistema yazyka* [Lexical system of language], Librokom, Moscow, 2009.
- [14] **Sternin I.A.**, *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics], Vostok-Zapad, Moscow, 2006. Available at: URL: <https://studylib.ru/doc/6245433/i.-a.-sternin-kontrastivnaya-lingvistika> (accessed 24.08.2024).
- [15] **Popova Z.D.**, *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language], Istoki, Voronezh, 2007.
- [16] **Bolshakov A.S., Zhurenkov O.V.**, *Primeneniye tekhnologiy BigData v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Application of BigData technologies in humanitarian research], *Current Issues of Applied Informatics in Education, Economics, State and Municipal Administration: Collection of Works of the International Scientific Conference*, Altai State University, Barnaul, 2017, pp. 27–32.
- [17] **Golovchenko V.S.**, Practical use of applied linguistics methods for BigData analysis, *International Research Journal*, 3 (141) (2024). DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.46
- [18] **Kravchenko V.O., Kryukova A.A.**, “Bolshiye dannyye” – prakticheskiye aspekty i osobennosti [Big Data – Practical Aspects and Features], *Academy*, 6 (9) (2016) 65–67.
- [19] **Odintsov A.V.**, Sociology of public opinion and the Big Data challenge, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3 (30) (2017) 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04
- [20] **Radchenko I.A., Nikolayev I.N.**, *Tekhnologii i infrastruktura BigData* [BigData technologies and infrastructure], ITMO University, St. Petersburg, 2018.
- [21] **Suleymanova O.A., Demchenko V.V.**, Using BIG DATA in experimental linguo-cognitive studies: analysis of the semantic structure of the verb shudder, *Cognitive Studies of Language*, 33 (2018) 466–472.
- [22] Fenomen bigdata [BigData Phenomenon], *Century of Quality*, 4 (2014) 54–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-big-data> (accessed 26.08.2024).
- [23] **Banerjee A., Monteleoni C.**, *Climate Change: Challenges for Machine Learning*. NIPS, 2014. Available at: <http://www-users.cs.umn.edu/~banerjee/talks/BanerjeeMonteleoniNIPSTutorial2014.pdf> (accessed 04.09.2024).

[24] **Neset T.**, Big data in Russian linguistics?: Another look at paucal constructions, *Zeitschrift für Slawistik*, 64 (2) (2019) 157–174. DOI: 10.1515/slav-2019-0012

[25] **Chernyavskaya V. Ye.**, When the author brings meaning and the addressee context, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (1) (2020) 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109

[26] **Molodychenko Ye. N.**, Metapragmatic discourses in differentiating genres in online media. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 18 (2) (2021) 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207

[27] **Mukhina N. B.**, *Pragmatika tseli rechevoy deyatel'nosti [Pragmatics of the purpose of speech activity]*, Monograph, SGPA im. Zaynab Biishevoy, Sterlitamak, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мухина Наталия Борисовна

Nataliya B. Mukhina

E-mail: mukhnat@yandex.ru

Иванова Светлана Викторовна

Svetlana V. Ivanova

E-mail: svet_victoria@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Поступила: 29.09.2024; Одобрена: 15.11.2024; Принята: 17.11.2024.

Submitted: 29.09.2024; Approved: 15.11.2024; Accepted: 17.11.2024.

Научная статья

УДК 81`42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15407>

EDN: <https://elibrary/SPLVUK>

МОДАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ ГИПОТЕТИЧНОСТИ КАК СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.Н. Николаева , Т.Н. Ефименко

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 nikolaevam@mgpu.ru

Аннотация. В данной статье фокус внимания направлен на изучение модальных операторов гипотетичности в англоязычном медиадискурсе, а именно в газетно-публицистическом. В основе исследования находятся когнитивно-дискурсивный подход, теория языковой интерпретации и прагматический подход. Такие подходы дают основание полагать, что модальные операторы, выражающие гипотетическое предположение, к которым относятся модальные слова и модальные глаголы, способствуют организации воздействия на формирование знания относительно описываемых в СМИ событий, конструирование общественного мнения. Авторы поясняют, что воздействие в данной работе понимается как определенное влияние на восприятие, осмысление аудиторией информации, передаваемой средствами массовой информации. При этом воздействие может быть открытым и завуалированным. Одним из способов завуалированного воздействия является применение модальных операторов гипотетичности в англоязычном газетно-публицистическом дискурсе. В результате исследования авторы приходят к заключению, что модальные операторы: 1) широко употребляются в англоязычных текстах газетно-публицистического дискурса; 2) реализуют различные функции, такие как: а) выражение отношения адресанта к излагаемой в тексте информации, б) вуалирование ложного характера информации и преподнесения ее как истинной, в) смягчение категоричности сообщения и элиминирование потенциально конфликтной интерпретации; 3) оказывают воздействие на формирование общественного мнения, оценки и в целом сознания массовой аудитории. Кроме того, функции, реализуемые модальными операторами гипотетичности в газетно-публицистическом дискурсе, подчиняются прагматической направленности текстов газетно-публицистического дискурса на информирование и убеждение адресата в «правдивости» информации.

Ключевые слова: модальные операторы, предположение, воздействие, когнитивно-дискурсивный подход, медиадискурс, газетно-публицистический дискурс.

Для цитирования: Николаева М.Н., Ефименко Т.Н. Модальные операторы гипотетичности как средства воздействия в газетно-публицистическом дискурсе // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15407

HYPOTHETIC MODAL OPERATORS AS THE MEANS OF INFLUENCE IN ENGLISH NEWSPAPER-PUBLICIST DISCOURSE

M.N. Nikolaeva , T.N. Efimenko

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 nikolaevam@mgpu.ru

Abstract. The paper focuses on the study of hypothetical modal operators in English media discourse, newspaper and publicist discourse in particular. The research is based on cognitive and discourse analysis approach, language interpretation theory and pragmatic approach. The above-mentioned approaches suggest that hypothetical modal operators such as modal words and modal verbs facilitate certain influence on knowledge formation as well as public opinion construction regarding to events describing in mass media. The researchers elucidate that influence is considered as a certain impact that media impose on public in terms of their perception and comprehension the information media broadcast. The influence is specified to be open and veiled. In this regard hypothetical modal operators in English speaking discourse can be one of the techniques of veiled influence. As a result, the authors arrive at the conclusion that hypothetical modal operators: 1) are widely used in English newspaper and publicist discourse; 2) implement different functions, such as: a) the speaker's/writer's attitude expression towards the information given; b) veiling of false information and presenting it as the true one; c) message down-toning and the elimination of potential conflict interpretation; 3) set the influence on the formation of public opinion, attitude, evaluation and public conscience in general. Moreover, the functions implemented by hypothetical modal operators in newspapers comply with pragmatic task that implies not only to inform but also to convince the audience of the information truthfulness.

Keywords: modal operators, assumption, influence, media discourse, newspaper discourse, cognitive and discourse analysis.

Citation: Nikolaeva M.N., Efimenko T.N., Hypothetic modal operators as the means of influence in English newspaper-publicist discourse, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15407

Введение

В эпоху развития цифровых технологий и сетевых каналов распространения и получения информации возрастает роль формы высказывания и, как следствие, отбора языковых средств, направленных на оказание воздействия на адресата. Одним из основных и самых влиятельных источников информации и средств реализации воздействия на общественное сознание выступают средства массовой информации. В связи с этим актуальность данной статьи обусловлена ролью СМИ в формировании общественного сознания и мировоззрения. Совершенно очевидно, что средства массовой информации моделируют нормы и ценности современного общества, регулируют поведение, формируют отношение к различным событиям, происходящим как внутри страны, так и во всем мире. При этом воздействие, которое оказывается СМИ, может реализовываться как открыто, так и завуалировано, через использование определенных схем, моделей (вербальных и невербальных). Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать модальные операторы гипотетичности, выступающие в качестве средств осуществления воздействия на массовую аудиторию в англоязычном газетно-публицистическом дискурсе.

В рамках данного исследования воздействие предполагает реализацию определенного влияния на восприятие, осмысление информации, формирование общественного сознания, мнения, оценки, знания об описываемых ситуациях или событиях [1, с. 65]. Другими словами, воздействие со стороны СМИ регулирует отношение общества к происходящим событиям и основывается на важнейшей функции языка – функции воздействия, или манипулятивной

функции [2, с. 42]. При этом «степень воздействия зависит от когнитивной базы адресата, его способности устанавливать связь между сообщаемым и подразумеваемым» [3, с. 125–126]. Такого рода воздействие организуется посредством использования определенных языковых единиц и их конфигураций.

Дискурс СМИ, как и любой дискурс, предполагает определенную внутритекстовую организацию и специфическую упорядоченность языковых единиц и структур [4, с. 177]. Исследователи отмечают, что «дискурс СМИ не только отличается спецификой представления и передачи информации, но и предполагает разные способы ее восприятия и осмысления» [5, с. 357].

Известно, что воздействие может быть как открытым (непосредственно речевое воздействие), с использованием определенных конструкций, так и скрытым (манипулятивным), когда авторы медиасообщений прибегают к различным стратегиям и тактикам, в том числе к когнитивным механизмам, схемам. В зависимости от ситуации, коммуникативной интенции, цели и целевой аудитории автор сообщения (во избежание прямой конфронтации в вопросах политических и социально-экономических отношений) может использовать языковые средства имплицитного выражения категоричности.

Согласно философскому словарю, категоричность трактуется как «безусловное утверждение или отрицание, исключаящее альтернативу»¹. По мнению психологов, категоричность может стать конфликтогеном и затруднить процесс восприятия и осмысления сообщаемой информации определенной целевой аудиторией, в частности в газетно-публицистическом дискурсе. В настоящее время ученые все чаще акцентируют внимание на необходимости «проявлять уважение к собеседнику, а также избегать коммуникативных конфликтов» [6, с. 32]. Подчеркнем, что в основе коммуникативных конфликтов, как правило, лежат когнитивные конфликты, т.е. несовпадение концептуальных систем коммуникантов. Конфликт определяется как отрицательно маркированный сценарий межличностной коммуникации, сопряженный с различиями концептуальных систем коммуникантов (концептуальная асимметрия), несовпадением интенций и целей адресанта и адресата, различиями их языковых картин мира, (см. подробнее² [7, с. 94]). Другими словами, конфликт предполагает некую конфронтацию «между противоположно направленными интересами, интенциями, мнениями, целями» [8, с. 186].

Элиминирование речевого конфликта возможно при завуалированной или имплицитно выраженной категоричности, которая, в свою очередь, достигается посредством использования определенных языковых средств.

Применительно к данному исследованию речь идет о газетно-публицистическом дискурсе (тип медиа дискурса), главными функциями которого являются информирование и убеждение адресата в предлагаемой интерпретации сообщаемой информации как единственно правильной. Известно, что статьи газет и журналов (и их электронные варианты) содержат не только точную информацию, но и вероятностную информацию, т.е. различные версии, предположения, гипотезы о событиях. Такие виды неточной (а иногда и абсолютно выдуманной) информации формируют в медийном дискурсе семантическое поле гипотетичности и недостоверности [9, с. 38]. Однако какой бы ни была информация, достоверной или недостоверной, она формирует общественное сознание, создает «картинку» происходящего, конструирует образ, например, политического / общественного деятеля или страны в целом. Исследователи утверждают, что средства массовой информации причастны к процессу создания, изменения и даже навязывания определенной картины мира [10, с. 42].

Для реализации данных коммуникативных намерений очень важен выбор языковых средств (разных уровней языка), способных актуализировать заложенный в них прагматический потенциал, а также завуалировать категоричную форму высказывания. Подчеркнем, что «выбранные

¹ Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/ (дата обращения: 23.10.2023).

² Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. С. 97.

слова, а точнее, слова, подбираемые говорящим по мере разворачивания речи, должны быть соединены друг с другом в определенном порядке и оформлены в виде единого комплекса, целенаправленно включенного в ситуацию общения»³.

В процессе функционирования языковые единицы нередко реализуют скрытый в них прагматический потенциал, что способствует более глубокому проникновению в их семантику, установлению связи между функциональной направленностью текста и намерениями автора.

С другой стороны, такие прагматически нагруженные языковые единицы выступают факторами, воздействующими на интерпретацию сообщения, поскольку они задают определенный вектор восприятия и осмысления информации, переданной в сообщении. К языковым средствам, обладающим потенциальными прагматическими свойствами, можно отнести модальные операторы.

Понятие «модальный оператор» пришло в лингвистику из модальной логики, изучающей модальности и исчисления, применяемые наравне с другими логическими операциями к высказываниям.

В настоящее время модальность можно рассматривать как когнитивно-прагматическую категорию, обозначающую отношение адресанта и адресата к содержанию высказывания, коммуникативную цель и интенции, соотношение содержания высказывания с действительностью. Спектр значений модальных средств языка достаточно широкий, в нем представлены утверждение какой-либо мысли, приказ, запрет или намерение выполнения некоторого действия, гипотеза, или предположение о возможности, достоверности или ложности высказываемой мысли, констатация реальности или ирреальности действия и др. Средствами выражения модальности выступают различные грамматические и лексико-грамматические средства, объединенные в группу модальных операторов, которые представлены формами глагольных наклонений, модальными глаголами, модальными словами, интонационными средствами и др.

Материал и методология исследования

Данное исследование основывается на ключевых положениях когнитивно-дискурсивного и прагматических подходов, теории языковой интерпретации (см. подробнее [11]). С позиции когнитивно-дискурсивного подхода языковые единицы рассматриваются как основные средства формирования, вербализации и интерпретации субъективных и коллективных знаний о мире. Прагматический подход позволяет выяснить, с какой целью используются модальные операторы в текстах газетно-публицистического дискурса. Учитывая, что контекст служит определенным пространством, средой для формирования смысла высказывания, представляется значимым применение контекстологического метода, который предусматривает изучение и анализ теоретических трудов по данной проблематике, а также проведение контекстуального и лингвистического анализов с целью выявления случаев трансформации смысла и реализации прагматического потенциала модальными операторами.

Материалом послужили статьи англоязычных газет *The Guardian*, *The Independent*, *The New York Times*, *The Washington Post* за период с 2014 по 2017 год.

В данной статье внимание сфокусировано на изучении гипотетической модальности в английском языке, эксплицируемой такими модальными операторами, как модальные глаголы *could*, *might*, *may*, *must* и модальные слова *perhaps*, *maybe*, *probably*, *possibly*, *supposedly*. Их употребление в англоязычных газетно-публицистических текстах позволяет выразить предположение, завуалировать истинную оценку содержащейся в тексте информации, смягчить степень категоричности высказывания предположения.

Результаты исследования

Модальные операторы гипотетичности достаточно часто встречаются в статьях, в которых обсуждаются важные темы политической и социальной направленности: военные конфликты,

³ Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2004. С. 7.

угроза применения ядерного оружия, государственные перевороты, злободневные социальные вопросы. Употребление таких операторов позволяет не только сделать форму подачи информации менее категоричной, а острые темы — более понятными для восприятия и осмысления адресатом, но и передать уклончивый характер высказываемых идей, допускающий имплицитности разных смыслов, особенно в случае реакции адресата в виде возможной критики адресанта в отсутствие у последнего объективности в рассмотрении обсуждаемого вопроса.

Таким образом, как было указано выше, подобные модальные операторы формируют семантическое пространство гипотетичности. Рассмотрим некоторые примеры.

Perhaps Donald Trump shouldn't have made opposition to illegal immigrants the cornerstone of his presidential campaign. Perhaps voters now realize the logical conclusion of Trump's tirades (economic disruption, loss of civil liberties, human sufferings) ‘Возможно, Дональду Трампу не стоило делать сопротивление нелегальным иммигрантам краеугольным камнем своей президентской кампании. Возможно, избиратели теперь осознают логическое завершение тирад Трампа (экономические потрясения, потеря гражданских свобод, человеческие страдания)’⁴ [The Washington Post, 2017, April 25]. Использование модального оператора гипотетичности *perhaps* в данном примере направлено на смягчение степени категоричности и оценки сообщаемого в статье мнения о декларируемом президентом США антагонизме в отношении к нелегальным иммигрантам, получившего языковую экспликацию в употреблении аналитической формы модального глагола *shouldn't* + Perfect Infinitive. Модальный оператор *perhaps* (something is possible or that you are not certain about something; maybe ‘что-то является возможным, или что вы не уверены в чем-то; возможно’)⁵ подчеркивает неуверенность автора сообщения, тот факт, что он не претендует на достоверность передаваемой информации. Данный оператор (языковая единица) также помогает журналисту выразить свое личное мнение, надежду относительно улучшения положения дел, например: *perhaps the two most spot-on casting choices* ‘пожалуй, два самых точных выбора актёров’ [The Washington Post, 2017, Jan. 19]; *perhaps somehow it will all come together* ‘возможно, каким-то образом все образуется’ [The Guardian, 2016, June 24]. Модальный оператор *perhaps* был замечен в контексте статьи, в котором реализуется ирония, форма мягкой критики: *So optimists are healthier. And more deluded, perhaps?* ‘Значит, оптимисты здоровее. И, возможно, они больше заблуждаются?’ [The Guardian, 2016, Dec. 11].

Наряду с модальным оператором *perhaps* часто используется оператор *maybe* (something is possible or that something might be true; used to avoid giving a clear or certain answer to a question; something is a possible explanation for why something else happened ‘что-то является возможным или что-то, что может быть правдой; используется, чтобы не давать четкого или определенного ответа на вопрос; что-то является возможным объяснением того, почему произошло что-то другое’)⁶. Толкование данной языковой единицы демонстрирует отсутствие уверенности, эвиденциальности, а значит, использование такого оператора позволяет автору медиа-сообщения высказывать любое свое субъективное предположение, идею, мнение без каких-либо пояснений и аргументов: *maybe we are about to be free* ‘может быть, мы скоро станем свободными’ [The Guardian, 2016, Nov. 10]; *maybe it's the specter of this unsettling election* ‘возможно, это призрак этих беспокойных выборов’ [The Washington Post, 2016, Oct. 26].

В одной из статей газеты *The Guardian* приведены ответы журналистов на часто задаваемый в поисковой системе *Google* вопрос личного характера *Will I be single for ever?* ‘Останусь ли я одинокой (одиноким) навсегда?’ Все ответы начинаются с модального оператора *maybe*: *Maybe you'll be unlucky with timing, maybe you're not equipped to have a lasting relationship. Maybe you loved someone once, a long time ago and that was your one shot at it. Maybe you'll meet your soulmate at 50 and live a long and happy life together. Maybe, maybe* ‘Может быть, вам не повезет со временем, может

⁴ Здесь и далее перевод авторов.

⁵ Cambridge Dictionary. English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 27.06.2024).

⁶ Ibid.

быть, вы не готовы к длительным отношениям. Может быть, вы любили кого-то однажды, давным-давно, и это был ваш единственный шанс. Может быть, вы встретите свою половинку в 50 лет и проживете долгую и счастливую жизнь вместе. Может быть, может быть' [The Guardian, 2016, June, 15]. С одной стороны, множественный анафорический повтор *maybe* указывает на гипотетический характер описываемых ситуаций, а с другой, с его помощью реализуется авторская интенция убедить читателя (в данном случае) в бессмысленности поиска ответа на личные вопросы через обращение к *Google*. Кроме того, следует отметить, что любой повтор обладает персуазивностью и формирует у аудитории знание, мнение о событии, каким бы парадоксальным оно ни было. Обратный результат допустим только в случае высокой степени медиаграмотности аудитории, в этом случае они смогут распознать недостоверность информации и сделать свои собственные выводы, основываясь на своем опыте и знании.

Выражению гипотетичности способствует и модальный оператор *probably* (something is very likely 'что что-то очень вероятно')⁷, который, как правило, употребляется в статьях, где речь идет о нерешенных или трудно решаемых вопросах. Совершенно очевидно, что использование данного оператора указывает на наличие каких-либо средств эвиденциальности, доказательств, возможности применения инферентного знания. Например, описывая одну из новейших гипотез происхождения мира, автор с помощью модального оператора *probably* изображает имитацию физического процесса существования человека при помощи искусственной, в данном случае компьютерной системы: *we probably live in a computer simulation, we are probably living in a simulation ... Are we probably in a simulation?* 'Возможно, мы живем в компьютерной симуляции, возможно, мы живем в виртуальной реальности... Возможно, мы сами имитация?' [The Guardian, 2016, Oct. 11]. Согласно гипотезе симуляции, вся окружающая реальность является иллюзией.

В случае употребления *probably* в форме непосредственного обращения автора к читателю содержится предположение о наличии или отсутствии у читателя определенного опыта: *you probably don't know* 'вероятно, вы не знаете'; *you probably think* 'вероятно, вы считаете' [The Guardian, 2016, May 6]; *probably you've heard* 'вероятно, вам известно' [The Guardian, 2016, May 7]. Модальный оператор *probably* употребляется часто в тех случаях, когда автор стремится подчеркнуть собственную неполную осведомленность об определенном предмете, создавая видимость достоверности сообщения: *Trump will probably enjoy higher ratings* 'Трамп, вероятно, будет иметь более высокие рейтинги' [The Washington Post, 2017, March 30]. Следует также отметить непривычный случай использования модального оператора *probably* в составе заголовочного комплекса, имеющего форму «вопрос—ответ», в качестве ответной реплики на заданный вопрос: *Will North Korea fire a missile capable of hitting the U.S. mainland? Probably* 'Запустит ли Северная Корея ракету, способную поразить материковую часть США? Вероятно' [The Washington Post, 2017, April 5]. Модальный оператор *probably*, находясь в обособленной позиции, выражает предположение о вероятности данного события, однако в заголовке статьи ответ на вопрос не носит категоричный характер.

Модальный оператор *supposedly* (you do not believe that something you have been told is true 'вы не верите, что что-то, что вам сказали, правда')⁸ часто передает субъективную оценку журналиста по отношению к полученной от первоисточника информации, в частности, выражает недоверие к этому источнику, указывая, что данный факт сомнителен и ничем не подтвержден. Несмотря на недоверие, автор использует данный модальный оператор с целью снизить степень категоричности. Данный оператор позволяет автору этого высказывания, во-первых, обезопасить себя, косвенно ссылаясь на другой источник, во-вторых, продемонстрировать свое несогласие с другой точкой зрения.

Широко применяемым способом смягчения категоричности и элиминирования конфликтной ситуации в связи с сообщаемой информацией является употребление модальных глаголов,

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

обладающих гипотетическим значением. Исследователи называют ряд модальных глаголов, которые обозначают разную степень гипотетичности (предположение, вероятность), отмечаемую в существующих коммуникативных типах предложения. Так, в повествовательных предложениях для передачи разной степени гипотетичности в порядке ее возрастания используются: *might, may, ought, should, could, must, will (have been)*. В отрицательных предложениях шкала увеличения вероятности, репрезентированной модальными глаголами, выглядит несколько иначе: *might not, may not, shouldn't, wouldn't, must not, couldn't, can't, cannot, won't (have been)*. В вопросительных предложениях нарастание гипотетичности передается с помощью *can, may, might, will* и *would*⁹.

Использование модальных глаголов в качестве средств выражения гипотетичности как в британской, так и в американской прессе, согласно анализу полученной языковой выборки, носит частый характер, например: *a Trump election could bring* 'Избрание Трампа может привести к...' [The Guardian, 2016, Nov.]; *more people could have died* 'могло погибнуть больше людей' [The Independent, 2017, April 15]; *the UK could be caught in no man's land, Clinton may have lost the election* 'Великобритания может оказаться на ничьей земле, Клинтон вполне может проиграть выборы' [The Guardian, 2016, Nov. 9]; *attack may have been carried out* 'нападение, возможно, было совершено' [The Independent, 2017, April 13]; *optimism may be premature, they might have seemed* 'оптимизм мог быть преждевременным, они могли показаться' [Ibid.]; *bombs might have come from the armed forces* 'бомбы могли быть получены от вооруженных сил' [The Independent, 2017, April 15]; *allies might be tempted* 'союзники могут поддаваться искушению' [The Independent, 2017, April 14]. Отметим, что данные модальные глаголы выражают разную степень гипотетичности, актуализируемую в виде возможности, предположения, вероятности действия или события. Применение таких глаголов позволяет снизить градус общей категоричности высказывания, избежать конфликтного осмысления высказываемого мнения относительно описываемой ситуации как единственно правильного в рассматриваемых статьях и оказать воздействие на формирование общественной оценки, мнения, отношения к описываемым событиям, особенно в случае описания характеристик объектов или событий, сконструировать определенный образ.

Результаты исследования показывают, что модальные операторы гипотетичности в основном встречаются в текстах периодических изданий, в которых рассматриваются важные проблемы политического и общественного характера. В указанных выше примерах из британских изданий *The Guardian* и *The Independent* содержится описание негативных сторон личности Дональда Трампа как кандидата в президенты США и приводятся рассуждения о возможных последствиях для страны в случае избрания его президентом. В силу того, что в статьях выражается предположение, а не констатация фактической информации, возникает необходимость в использовании модальных операторов гипотетичности для смягчения запелляционного тона высказываний.

Другими острыми темами, в раскрытии которых часто используются модальные глаголы, являются военные действия, террористические угрозы и атаки. Данные темы остаются актуальными в мировой прессе. В статьях периодических изданий анализируемого временного периода (2014–2017 годы) высказываются гипотезы относительно причин террористических атак и применения оружия в появляющихся конфликтах. Кроме того, освещаются проблемы сложных взаимоотношений правительства США с высшим руководством КНДР, вопросы ядерного вооружения стран. В статьях подобной тематики присутствуют различные средства выражения гипотетичности. Поскольку точная информация о действиях политиков, как правило, закрыта, журналисты высказывают разные мнения о развитии событий. Употребление модальных операторов гипотетичности создает видимость о достоверном и вероятном характере сообщаемой информации.

⁹ Вейхман Г.А. Современный английский. Новейший справочник по грамматике. Морфология: справ. учеб. пособие. М.: Астрель: АСТ, 2010. С. 153–155.

Так, в текстах статей газет *The Washington Post* и *The New York Times*, в которых рассматриваются вопросы внешней политики, военные действия, проблема ядерного вооружения, экономическая нестабильность, встречаются случаи использования модальных глаголов, например: *could prove to be an opportunity*; *Trump could actually use*; *Trump may force*; *employees may all lose their jobs*; *could decide to leave*; *a time may come when he needs to ask* 'может оказаться возможностью; Трамп может реально использовать; Трамп может заставить; сотрудники могут потерять работу; могут решить уйти; может наступить момент, когда ему нужно будет спросить' [The Washington Post, 2017, March 15]; *a powerful nation may possess 21,600 pounds of precision-guided death* 'могущественная страна может обладать 10-тонным высокоточным оружием смерти' [The Washington Post, 2017, March 17]; *would likely bring into a crisis* 'скорее всего, приведет к кризису' [The Washington Post, 2017, April 17]; *the fallout could eat into revenue* 'последствия могут отразиться на доходах' [The New York Times, 2017, April 6]. Употребление модальных глаголов привносит завуалированный характер в интерпретацию адресантом сообщаемой информации и делает ее восприятие и осмысление адресатом менее острыми и злободневными. Новости о событиях, которые могли бы вызвать страх, панику и массовые беспорядки, представлены в тексте как гипотетические, а не как фактически произошедшие, поэтому острота реакции адресата на подобные сообщения сглаживается, а отношение к событию, характеристика события или образ субъекта события легче формируются в общественном сознании.

Заключение

Таким образом, анализ модальных операторов гипотетичности как средства реализации воздействия убедительно доказывает, что модальные операторы, репрезентированные модальными глаголами и модальными словами с гипотетическим значением, широко употребляются в англоязычных текстах газетно-публицистического дискурса и выполняют различные функции, от выражения отношения адресанта к излагаемой в тексте информации, вуалирования ложного характера информации и преподнесения ее как истинной и до смягчения категоричности сообщения и элиминирования потенциально конфликтной интерпретации. Как следствие, происходит формирование общественного сознания, общественного мнения, отношения и оценки тех или иных событий со стороны всего общества.

Кроме того, функции, выполняемые модальными операторами гипотетичности в газетно-публицистическом дискурсе, подчиняются прагматической направленности текстов газетно-публицистического дискурса на информирование и убеждение адресата в «правдивости» содержания излагаемой информации и необходимости в разделении мнения адресанта по осмыслению содержания, излагаемого в явной или чаще скрытой форме. Использование модальных операторов гипотетичности позволяет автору сообщения не только сделать высказывание менее категоричным, а острые темы – более простыми для восприятия, но и подчеркнуть истинный характер своих идей в случае возможного недовольства со стороны читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ефименко Т.Н.** Реализация воздействующего потенциала конфликта в медиатексте: когнитивный аспект // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2023. С. 65–68.
2. **Викуллова Л.Г., Новиков Н.В.** Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.
3. **Николаева М.Н., Трунова О.В.** Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе // Дискурс. 2023. Т. 9, № 5. С. 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128

4. **Чернявская В.Е.** Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ: монография. Изд. стереотип. М.: URSS, 2017. 240 с.
5. **Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н.** Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 355–368. DOI: 10.21638/spbu22.2022.404
6. **Баранова К.М., Афанасьева О.В.** Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 1 (41). С. 32–41. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04
7. **Казыдуб Н.Н.** Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. 2012. № 3 (20). С. 94–99.
8. **Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.** Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.
9. **Суздальцева В.Н.** Вербальный континуум «гипотетичность / недостоверность» в массово-информационном дискурсе // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 4. С. 37–44.
10. **Чупрына О.Г., Кригер Е.И.** Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 1(41). С. 42–52. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05
11. **Болдырев Н.Н.** Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

REFERENCES

- [1] **Yefimenko T.N.**, Realizatsiya vozdeystvuyushchego potentsiala konflikta v mediatekste: kognitivnyy aspekt [Realizing the Influential Potential of Conflict in Media Texts: Cognitive Aspect], Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznaniye, kultura: sbornik nauchnykh trudov, [Manipulation and society: language, consciousness, culture: collection of scientific works], Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 2023, pp. 65–68.
- [2] **Vikulova L.G., Novikov N.V.**, Formation of a Politician’s Negative Image in Mass Media Discourse (Subject Area of Sports), MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 3 (19) (2015) 42–49.
- [3] **Nikolayeva M.N., Trunova O.V.**, Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Publicist Discourse, Discourse, 9 (5) (2023) 117–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-117-128
- [4] **Chernyavskaya V.Ye.**, Kommunikatsiya v nauke: normativnoye i deviantnoye. Lingvisticheskiy i sotsiokulturnyy analiz: monografiya [Communication in Science: the Normative and the Deviant. Linguistic and Sociocultural Analysis], URSS, Moscow, 2017.
- [5] **Boldyrev N.N., Yefimenko T.N.**, Secondary Interpretation of Scientific Knowledge in Mass Media Discourse, Media Linguistics, 9 (4) (2022) 355–368. DOI: 10.21638/spbu22.2022.404
- [6] **Baranova K.M., Afanasyeva O.V.**, Speech Euphemization at the Modern Level of the English Language Development, MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1 (41) (2021) 32–41. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04.
- [7] **Kazydub N.N.**, Non-Conflict Discourse: Concepts, Scripts, Strategies, Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Filologiya [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series: Philology], 3 (20) (2012) 94–99.
- [8] **Boldyrev N.N., Grigoryeva V.S.**, Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom: monografiya [The Dominant Principle and Integrativeness of the Form of Speech Interaction in the Dialogue Discourse: monograph], Print-Servis, Tambov, 2020.
- [9] **Suzdaltseva V.N.**, Verbalnyy kontinuum “gipotetichnost / nedostovernost” v massovo-informatzionnom diskurse [Verbal Continuum “hypotheticality / unreliability” in Mass-Information Discourse], Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 4 (2013) 37–44.
- [10] **Chupryna O.G., Kriger Ye.I.**, Linguistic Representation of Social and Political Reality in American Mass Media, MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1 (41) (2021) 42–52. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.05
- [11] **Boldyrev N.N.**, Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation, Issues of Cognitive Linguistics, 4 (2016) 10–20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Николаева Марина Николаевна

Marina N. Nikolaeva

E-mail: nikolaevam@mgpu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Ефименко Татьяна Николаевна

Tatyana N. Efimenko

E-mail: efimenkotn@mgpu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7973-5282>

Поступила: 02.07.2024; Одобрена: 27.11.2024; Принята: 02.12.2024.

Submitted: 02.07.2024; Approved: 27.11.2024; Accepted: 02.12.2024.

Научная статья

УДК 81'373

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15408>

EDN: <https://elibrary/YKPLDH>

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАМЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ ВРАЧЕЙ)

М.М. Петросян¹ , Л.А. Киселева²

¹ Башкирский государственный медицинский университет,
г. Уфа, Российская Федерация;

² Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Российская Федерация

 merryhappy2013@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале русско- и англоязычных блогов врачей в социальных сетях выявляются общие и специфические закономерности репрезентации категории эмотивности в медицинском дискурсе, обусловленные процессом его медиатизации. Установлено, что в анализируемых текстах довольно широко представлены лексические и грамматические эмотивы, которые отражают синкретичный характер данной блогосферы, её одновременное тяготение к двум видам дискурса: научному и медийному. При этом зафиксированы такие общие закономерности функционирования эмотивных средств в русско- и англоязычных блогах медицинской направленности, как невысокая частотность номинативной лексики эмоций и, напротив, активное обращение к коннотативным единицам, которые выполняют комплексную эмотивно-прагматическую функцию; широкое использование лексем со значением общей и частной оценки (гедонистической, эмоциональной и т.д.); приём дублирования морфологических и синтаксических эмотивов и т.д. Различия в употреблении эмотивных средств в русско- и англоязычной медицинской блогосфере обусловлены особенностями лексико-семантических систем анализируемых языков, а также внешними (социокультурными, психологическими и др.) факторами.

Ключевые слова: медиамедицинский дискурс, блогосфера, эмотивность, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Петросян М.М., Киселева Л.А. Специфика репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408

SPECIFICITY OF REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF EMOTIVENESS IN RUSSIAN AND ENGLISH MEDIA MEDICAL DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF DOCTORS' BLOGS)

M.M. Petrosian¹ , L.A. Kiseleva²

¹ Bashkir State Medical University, Ufa, Russian Federation;

² Samara National Research University, Samara, Russian Federation

✉ merryhappy2013@yandex.ru

Abstract. The article, based on the material of Russian- and English-language doctors' blogs in social networks, reveals general and specific patterns of representation of the category of emotiveness in medical discourse, caused by the process of its mediatization. It has been established that the analyzed texts quite widely represent lexical and grammatical emotives, which reflect the syncretic nature of this blogosphere, its simultaneous gravitation towards two types of discourse: scientific and media. At the same time, such general patterns of functioning of emotive means in Russian- and English-language medical blogs have been recorded as low frequency of nominative vocabulary of emotions and, on the contrary, active appeal to connotative units that perform a complex emotive-pragmatic function; widespread use of lexemes with the meaning of general and private assessment (hedonistic, emotional, etc.); the technique of duplicating morphological and syntactic emotives, etc. Differences in the use of emotive means in the Russian- and English-language medical blogosphere are due to the peculiarities of the lexical-semantic systems of the analyzed languages, as well as external (sociocultural, psychological, etc.) factors.

Keywords: media medical discourse, blogosphere, emotiveness, Russian language, English language.

Citation: Petrosian M.M., Kiseleva L.A., Specificity of representation of the category of emotiveness in Russian and English media medical discourse (based on the material of doctors' blogs), *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408

Введение

Начиная с 80-х годов XX века лингвисты проявляют усиленный интерес к проблемам, связанным с языковой репрезентацией субъективной сферы, прежде всего её эмоциональной составляющей. Именно в это время сформировалось самостоятельное научное направление – эмотиология (лингвистика эмоций), основные идеи которой разрабатывались в трудах Л.Г. Бабенко [1], В.И. Шаховского [2, 3], а позднее – С.В. Ионовой [4], Т.В. Лариной [5], Е.Ю. Мягковой¹ и др. Несмотря на значительные достижения в этой области, внимание учёных к анализу закономерностей вербализации эмоций не ослабевает, однако отмечается изменение проблематики таких исследований, в частности активное обращение к изучению коммуникативно-прагматического аспекта категории эмотивности, которое обусловлено возрастающей ролью личностного начала в различных сферах общения.

В современной лингвистике имеется целый ряд подходов к дефиниции эмотивности, а также направлений её анализа (см., например, [6]), однако для целей нашей работы наиболее приемлемым является определение данной категории, предложенное В.И. Шаховским: эмотивность – «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [2, с. 24]. Эти средства выполняют не только собственно эмотивную функцию, которая связана с выражением внутренних состояний говорящего, но и прагматическую функцию, предполагающую передачу его отношения к предмету речи или адресату, а также

¹ Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 43 с.

соответствующее воздействие на него. Категория эмотивности реализуется в различных видах дискурса, имеющих как институциональный, так и неинституциональный характер. С этой точки зрения особый интерес вызывает медицинский дискурс, который в последние годы привлекает внимание лингвистов в силу своего интенсивного развития. Исследователями предложено множество трактовок медицинского дискурса, среди которых наиболее приемлемой нам представляется следующая: «Медицинский дискурс – это понятие, отражающее коммуникативную деятельность в сфере общения „врач–пациент“, составной элемент системы институциональных дискурсов, объектом которого является здоровье»². В настоящее время в рамках медицинского дискурса активно протекают процессы медиатизации, т.е. он приобретает черты медиадискурса, под которым понимают «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации» [7, с. 21]. В результате взаимодействия медицинского и медийного дискурса возник специфический феномен, по отношению к которому исследователи употребляют термин «медиаэкономический дискурс» [8]. Однако, на наш взгляд, медиатизация данного вида дискурса обуславливает его дальнейшее преобразование в особый синтезированный дискурс, сочетающий в себе черты медицинского, медийного, рекламного и отчасти персонального дискурса. В связи с указанными процессами важнейшей характеристикой современного медицинского дискурса становится активное использование средств речевого воздействия на адресата, что ярко проявляется, например, в таком жанре, как видеоблог. По этой причине значительный интерес вызывает обращение к эмотивному аспекту медиаэкономического дискурса. Вместе с тем данная проблематика до настоящего времени почти не привлекала внимание лингвистов: имеется лишь небольшой ряд работ, посвящённых рассмотрению особенностей реализации категории эмотивности в рамках медицинского дискурса, при этом исследования проводятся с опорой на соответствующие письменные тексты [9], терминологию [10] либо устное общение «врач – пациент» [11]. Кроме того, эмотивный аспект медицинского дискурса не рассматривался в сопоставительном плане, на материале разных языков. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, значимостью медиаэкономического дискурса в рамках современного коммуникативного пространства, которая определяется большим воздействующим потенциалом данного вида дискурса; с другой – недостаточной изученностью эмотивного аспекта лексических и грамматических средств, используемых в данном виде дискурса. Цель нашего исследования – выявление общих и специфических закономерностей репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медицинском дискурсе в проекции на процессы его медиатизации. Объектом исследования выступают лексические и грамматические эмотивы, представленные в текстах медицинской блогосферы, а его предметом – функциональная семантика указанных единиц. В своей работе мы не анализируем интонационные эмотивные средства, поскольку для этого необходимо привлечение специализированных методик. Эмпирическим материалом исследования послужили письменные тексты, а также расшифровки звучащих текстов reels и shorts в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ) и YouTube (по 100 текстов на русском и английском языках соответственно), авторами которых являются следующие медики-блогеры: Доктор Утин³, Наталья Зубарева⁴, Ольга Павлова⁵, Регина Доктор⁶, Doctor Azmain⁷, Dr. Berg⁸, Dr. Robert W.B.⁹, Dr. Theo Bergmann¹⁰, Daniel G.Amen¹¹ и Dr. Janine Bowring¹².

² Карымшакова Т.Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2016. С. 15.

³ Доктор Утин // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@DoctorUtin> (дата обращения 02.12.2024).

⁴ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

⁵ Ольга Павлова // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ОльгаПавлова-ю7с> (дата обращения 02.12.2024).

⁶ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁷ Doctor Azmain // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@DoctorAzmain> (дата обращения 02.12.2024).

⁸ Блог в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁹ Блог в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

¹⁰ Блог в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

¹¹ Блог в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

¹² Блог в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

Методология и методика исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составили основные идеи и принципы таких актуальных лингвистических направлений, как эмотиология (закономерности репрезентации категории эмотивности посредством разноуровневых единиц, критерии выделения различных классов эмотивной лексики, соотношение эмотивной и оценочной семантики и т.д.), дискурсология (типология дискурса, своеобразие отдельных видов дискурса, синтезированные виды дискурса и т.д.), медиалингвистика (конститутивные признаки современной медиасферы, специфика процесса медиатизации в рамках различных видов дискурса и др.), прагмалингвистика (реализация воздействующей функции в текстах определённого стиля и жанра, возможные эффекты речи и их прогнозирование и т.д.). В процессе анализа фактического материала был использован комплекс методов, как общенаучных (сравнение, описание, классификация и т.д.), так и собственно лингвистических: в ходе выявления и систематизирующего описания языковых репрезентантов категории эмотивности в медицинской блогосфере применялся дискурсивный анализ; при изучении денотативного и коннотативного компонентов значения лексических эмотивов – дефиниционный анализ; сопоставление русско- и англоязычных медицинских текстов осуществлялось с использованием интен- и контент-анализа. Кроме того, привлекались приёмы статистического метода, а именно подсчёт частотности употребления тех или иных групп эмотивов в русско- и англоязычных блогах медицинской направленности.

Результаты и обсуждение

В сравнении с письменным научным языком медиамедицинский дискурс характеризуется довольно активным использованием эмотивных средств, что обусловлено условиями его бытования в рамках виртуальной среды, позволяющей открыто выражать эмоции, в том числе негативные. Выдвижение на первый план субъективного аспекта, характерное для виртуальной коммуникации, отчасти объясняется влиянием массовой культуры, которой свойственна «гипертрофия эмоционального компонента и редукция рациональной составляющей в вербальных реакциях» [12, с. 109]. Тексты, продуцируемые в рамках медиамедицинского дискурса, не только имеют объективную фактологическую основу, но и выражают авторскую позицию и интенцию. Так, коммуникативные стратегии автора медицинского блога предполагают, с одной стороны, распространение соответствующих научных знаний среди широкой аудитории, с другой – формирование положительного отношения к ним в результате определённого речевого воздействия. Следовательно, тексты медицинских блогов приобретают особую эмотиогенность, которая прежде всего является следствием его медиатизации. Как известно, медиатексты имеют своей целью привлечь и удержать внимание читателя/зрителя с помощью не только визуальных элементов, ярко выраженной оценочности, но и интенсивного использования эмотивных ресурсов. Не случайно современные исследователи признают эмотивность и эмотиогенность одними из основных категорий медиадискурса [13–15]. Как отмечает М.В. Иванова, «в медиасреде в целом сложилась ситуация постправды, при которой для формирования общественного мнения важнее эмоции, чувства и убеждения человека, чем реальные факты: субъективность стала важнее объективности» [16]. В данном случае справедливым является утверждение «эмотиональность порождает эмоциональность»: вербально выражая свои внутренние состояния, автор медиатекста тем самым стимулирует возникновение определённых эмоций у адресата, в качестве которого выступает широкая аудитория, неоднородная по социальным, гендерным и другим признакам. Создатель медиапродукции, в данном случае – блога медицинской направленности, должен учитывать все вышеперечисленные особенности аудитории с целью наиболее эффективного эмоционального воздействия на неё.

Следует также принять во внимание тематическую и жанрово-стилистическую специфику блога профессиональной направленности, определение которого является неоднозначным.

Так, одни ученые признают блог макрожанром, который включает в себя ряд микрожанров [17]. Другие же считают главным стилиобразующим признаком блога авторское «Я», наряду с которым выделяют также единство композиционных элементов, таких как конкретизация автора, время создания поста, конкретизация темы или обсуждаемого события, оценка события, аргументы автора, наличие коллективного обсуждения (комментариев) [18].

Эмотивность медиамедицинского дискурса может быть описана с разных позиций. Как уже отмечалось выше, в данной работе мы сосредоточим своё внимание на анализе лексических и грамматических эмотивов, взяв за основу те функции, которые они выполняют: собственно эмотивную и/или прагматическую. Внутри данных эмотивов условно могут быть противопоставлены эксплицитные и имплицитные единицы: если эмотивность первых имеет системный характер и в большинстве случаев закрепляется в словарях, то вторые реализуют её лишь как потенциал, в связи с чем В.И. Шаховский ведёт речь о контекстуальной эмотивности [2]. Далее по отдельности рассмотрим средства лексической и грамматической репрезентации эмотивности в русско- и англоязычных блогах врачей, продемонстрировав обусловленность её специфики процессами медиатизации.

I. Лексические эмотивы являются основным классом языковых единиц, манифестирующих эмоциональные состояния/отношения говорящего, при этом их состав является довольно разнообразным и может быть определён на основе двух критериев: «1) характер соотношения эмотивного содержания с денотативным, сигнификативным и коннотативным макрокомпонентами значения; 2) специфика функций, выполняемых эмотивными лексемами»¹³. В соответствии с этими критериями выделяются такие группы лексических эмотивов, как номинативы, коннотативы и аффективы.

1. Эмотивы-номинативы (иначе – собственно эмотивы), т.е. лексические единицы, называющие определённые эмоции (гнев, страх, радость, удивление, любовь и т.д.), в рассматриваемых нами текстах медицинских блогов чаще всего представлены в виде обозначений вторичных (социальных) эмоций, связанных с межличностными отношениями: надежда, любовь, обида и т.п. При этом весьма редким является использование эмотивных глаголов в 1-м лице, непосредственно указывающих на переживаемые эмоции:

Русс. *И сейчас я вам расскажу несколько фактов/ которые/ я надеюсь/ заставят вас задуматься и бросить курить* //¹⁴.

Англ. *I love them/ but you have to be careful* //¹⁵ ‘Я их люблю, но вам нужно быть осторожными’¹⁶.

Более широко употребляются эмотивы-номинативы других частей речи (имена существительные, прилагательные, наречия), которые имеют не собственно статальное, а каузативное либо квалификативное значение, связанное с эмоциональной сферой, например:

Русс. *Как только мы убрали у моей пациентки бокальчик/ всего лишь безобидный бокальчик вишника ежедневно/ эта девочка начала стройнеть/ у неё улучшился сон/ у неё пропала через две недели депрессия/ и жизнь заиграла новыми красками* //¹⁷ (ср. безобидный ‘не заключающий в себе, не содержащий обид’¹⁸).

Англ. *The man in the iron lung has sadly died aged 78* //¹⁹ ‘Человек с железным лёгким, к сожалению, умер в возрасте 78 лет’.

¹³ Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. С. 14.

¹⁴ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

¹⁵ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

¹⁶ Здесь и далее перевод с английского наш. – М.П.

¹⁷ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

¹⁸ Здесь и далее дефиниции значений русскоязычных лексем приводятся по: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 25.10.2024); Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/contents/nsf/efremova/> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁹ Doctor Azmain // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@DoctorAzmain> (дата обращения 02.12.2024).

Англ. *A truly inspiring guy*²⁰ ‘По-настоящему вдохновляющий парень’ (ср. *inspiring* ‘encouraging, or making you feel you want to do something’ – ‘ободряющий или заставляющий чувствовать желание совершить что-то’).

В целом данная группа эмотивов не очень часто встречается в русско- и англоязычном материале, из чего следует, что авторы блогов не склонны прибегать к прямой номинации эмоциональных состояний/отношений, предпочитая иные средства их вербализации.

2. Коннотативы, эмотивная семантика которых реализуется в рамках соответствующего макрокомпонента значения, в анализируемых текстах представлены как системными, так и контекстуальными единицами. К числу первых можно отнести эмоционально окрашенные лексемы, к числу вторых – оценочные номинации. Так, в русскоязычных медицинских блогах слова с эмоциональной окраской употребляются довольно часто: в первую очередь это единицы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, принадлежащие либо к нейтральному, либо (чаще всего) к разговорному и просторечному пластам лексики:

Русс. *Я не хочу тортиков/ я не хочу мяса/ не убирайте мне пожалуйста/ бокальчик винишка каждый день*//²¹ (ср. *винишко* ‘разг. 1. то же, что вино. 2. унич. к вино’).

Русс. *Носочки с пальчиками// Об этом сейчас говорят все// Такие носки абсолютно не подходят мерзлякам*//²² (ср. *мерзляк* ‘прост. очень чувствительный к холоду, зябкий человек’).

Наличие в русскоязычных текстах медицинских блогов таких эмоционально окрашенных лексем, свойственных прежде всего устной повседневной речи, на наш взгляд, имеет двоякую обусловленность. С одной стороны, медицинская блогосфера, оставаясь в рамках научного дискурса, всё же подчиняется общим принципам виртуальной коммуникации, для которой характерно размывание границ между стилистически разными пластами, зачастую объясняемое именно стремлением к эмоциональному самовыражению и приводящее к проникновению большого количества субстандартных единиц (прежде всего просторечных элементов). С другой стороны, тенденция к употреблению эмоционально окрашенных лексем, носящих стилистически сниженный характер, весьма характерна для современных СМИ [19], поэтому в связи с процессами медиатизации медицинского дискурса эта тенденция распространяется и на него.

Исследователи подчёркивают, что англоязычным блогам профессиональной направленности также присуще использование разговорных, просторечных, жаргонных элементов [20], однако анализируемый нами материал не в полной мере подтверждает это мнение, поскольку эмотивы-коннотативы со сниженной стилистической окраской представлены в нём незначительно:

It doesn't want to waste this energy//²³ ‘Он не хочет тратить впустую эту энергию’ (ср. *waste* ‘to use something without care or thought’ – ‘использовать что-то беззаботно и необдуманно’).

Our fat protocol/ so that blasting away that belly fat/ this is going to be amazing//²⁴ ‘Наш жировой протокол, чтобы сжечь жир с живота, это будет потрясающе’ (ср. *blast* ‘to explode or destroy something or someone with explosives, or to break through or hit something with a similar, very strong force’ – ‘взорвать или уничтожить что-то или кого-то с помощью взрывчатки, или прорваться сквозь что-то, или ударить по чему-то с такой же силой’).

Как уже отмечалось выше, в состав эмотивов-коннотативов входят оценочные лексемы, круг которых в медицинских блогах является довольно широким. Мы солидарны с мнением В.И. Шаховского о том, что эмоция и оценка сопровождают друг друга [2], поэтому относим оценочные единицы, функционирующие в рамках анализируемых текстов, к числу контекстуальных эмотивов, которые выполняют не столько эмотивную, сколько прагматическую функцию воздействия на широкую аудиторию рядовых носителей языка (неспециалистов). В русскоязычных блогах

²⁰ Ibid.

²¹ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

²² Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

²³ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

²⁴ Блог Dr. Janine Bowring в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

оценочные лексемы употребляются очень активно, при этом частотностью отличаются единицы с семантикой общей положительной оценки, которая, как правило, имеет признак высокой интенсивности. Эти оценочные значения в большинстве случаев являются вторичными (чаще всего метафорическими), что способствует включению данных слов в состав контекстуальных эмотивов:

Первое золотое правило/ как только вы чувствуете первые признаки ОРВИ/ нужно дать себе отлежаться//²⁵ (ср. золотой ‘1. Прил. к *золото*. || Содержащий золото. || Сделанный из золота. || Вытканый, шитый золотом. || Исчисляемый на золото, по курсу золота. 4. перен. Замечательный по своим достоинствам, прекрасный, очень хороший’).

Мы всего лишь убрали алкоголь/ который/ по её мнению/ прекрасно её расслаблял в конце дня//²⁶ (ср. *прекрасно* ‘нареч. к прил. *прекрасный*’; *прекрасный* ‘1. Отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый. 2. Очень хороший; превосходный’).

Довольно широко употребляются также лексемы со значением частной оценки, прежде всего гедонистической и эмоциональной:

Во-первых/ если у вас узкая обувь/ какие бы носки/ волшебные/ вы ни надели/ ни о каком анатомическом положении стопы/ уже речи не идёт//²⁷ (ср. *волшебный* ‘1. Обладающий чудодейственными свойствами. 2. перен. Сказочно прекрасный, чарующий’).

Образуются особо опасные соединения/ мощные канцерогены//²⁸ (ср. *опасный* ‘1. Заключающий в себе опасность, грозящий какой-л. бедой, катастрофой. 3. Внушающий серьёзные опасения, тяжёлый (о больном или болезни)’).

Аналогично этому в англоязычных медицинских блогах частнооценочные лексемы представлены в большом количестве, при этом они также в основном выражают гедонистическую и эмоциональную оценку:

Now/ mushrooms are very/ very delicious//²⁹ ‘Теперь грибы очень-очень вкусные’ (ср. *delicious* ‘1. having a very pleasant taste or smell’ – ‘имеющий очень приятный вкус или запах’).

Measles is more contagious and more dangerous than you'd think//³⁰ ‘Корь более заразна и опасна, чем вы думаете’ (ср. *dangerous* ‘1. able to harm you’ – ‘способный навредить’).

Что касается общеоценочных лексем, то в англоязычных текстах наблюдается утрата ими оценочного значения и переход в разряд так называемых фатических эмотивов, которые служат средством установления и поддержания контакта, т.е. являются репрезентантами категории вежливости [5]:

This was terrific for supporting a healthy brain//³¹ ‘Это было потрясающе для поддержания здоровья мозга’ (ср. *terrific* ‘very good, extremely pleasant’ – ‘очень хороший, чрезвычайно приятный’).

Помимо оценочных лексем, образно-метафорическую основу имеют и другие контекстуальные эмотивы, в том числе устойчивые сочетания, которые довольно широко представлены прежде всего в англоязычных медицинских блогах:

Perhaps it's past emotional drama/ so let's not/ medicate it/ when you can actually help get to the root/ of it//³² ‘Возможно, это эмоциональная драма прошлого, так что давайте не будем лечиться лекарствами, когда вы действительно можете помочь докопаться до сути проблемы’ (ср. *get to the root of* ‘to understand the cause or source of something’ – ‘понимать причину или источник чего-либо’³³).

²⁵ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

²⁶ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

²⁷ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

²⁸ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

²⁹ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

³⁰ Doctor Azmain // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@DoctorAzmain> (дата обращения 02.12.2024).

³¹ Блог Dr. Robert W.B. в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

³² Блог Daniel G.Amen в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

³³ Здесь и далее дефиниции англоязычных фразеологизмов приводятся по: Farlex Dictionary of Idioms. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 27.10.2024).

Кроме того, к числу контекстуальных эмотивов следует отнести и элементы языковой игры, под которой понимается «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка...»³⁴ Языковая игра, как и многие другие анализируемые нами факты, ярко отражает «тенденции к разговорности, экспрессивности и креативности, проявляющиеся в сетевом общении» [16, с. 378]. На наш взгляд, авторы медицинских блогов прибегают к этому средству с целью не только привлечь внимание аудитории, но и в оригинальной форме выразить своё отношение к предмету речи — тому или иному заболеванию, его симптомам и т.д. И в русско-, и в англоязычных блогах языковая игра чаще всего строится на основе гиперболы либо метафоры, связанной с представлениями о бытовых, природных и иных реалиях; кроме того, большую роль в создании языковой игры играет прецедентность (отсылка к известной личности, сфере деятельности и т.д.):

*Попкорновая болезнь лёгких/ инфаркт/ рак// привет/ бабушка Альцгеймер//*³⁵.

*Чаще всего перемежающаяся хромота идёт в пакетном предложении вместе с сосудистой эректильной дисфункцией//*³⁶.

*The most deadly mushroom/ out there/ is called the death cap/ mushroom and that's correctly named/ because it can kill you//*³⁷ ‘Самый смертоносный гриб в мире называется шляпочный гриб смерти, и это правильное название, потому что он может убить вас’.

So Dave Asprey says you can either have a fish oil brain or a French fry brain// ‘Итак, Дейв Аспрей говорит, что вы можете иметь либо мозг (из) рыбьего жира, либо мозг картошки фри’³⁸.

Таким образом, лексические эмотивы, широко представленные в русско- и англоязычных медицинских блогах, играют ведущую роль не только в выражении внутренних состояний говорящего, но и в эмоциональном воздействии на слушателя, которое осуществляется опосредованно — с помощью коннотативов и других контекстуальных эмотивов. Среди них в первую очередь выделяются оценочные лексемы, а также единицы, употреблённые в метафорическом значении. В русскоязычных блогах круг таких эмотивов является очень широким, и это факт, вероятно, можно соотнести с определёнными установками соответствующей коммуникативной культуры: «Душевность — это уникальное стремление и способность русской души к установлению личных отношений на любом уровне социальных отношений» [21, с. 58].

II. Грамматические средства обладают значительным эмотивным потенциалом и могут быть отнесены к контекстуальным репрезентантам эмоций. Рассмотрим подробнее морфологические и синтаксические эмотивы, зафиксированные в звучащих медицинских текстах.

1. В состав морфологических эмотивов входят частицы, императивы, случаи употребления одних грамматических форм вместо других и т.д.

Например, частицы выступают одним из наиболее разнообразных классов контекстуальных эмотивов и отличаются большой частотностью как в русско-, так и в англоязычных блогах. Именно данные единицы во многих случаях передают эмоции говорящего, при этом основную роль играют усилительные, уточняющие и ограничительно-выделительные частицы:

*Да/ да/ их можно есть каждый день/ и даже две штуки//*³⁹.

*Мы всего лишь убрали алкоголь/ который/ по её мнению/ прекрасно её расслаблял в конце дня//*⁴⁰.
*It even tastes the same//*⁴¹ ‘У него даже вкус такой же’.

³⁴ Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. С. 657.

³⁵ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

³⁶ Доктор Утин // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@DoctorUtin> (дата обращения 02.12.2024).

³⁷ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

³⁸ Блог Dr. Robert W.B. в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

³⁹ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁴⁰ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

⁴¹ Блог Dr. Theo Bergmann в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

*Just today/ I was looking at/ all the milk thistle/ floating around / with these little parachutes/ all over my yard//*⁴² ‘Как раз сегодня я смотрел на расторопшу, порхающую маленькими парашютиками по всему моему двору’.

Кроме того, в русскоязычных текстах довольно часто наблюдается интенсификация выражаемого эмоционального состояния за счёт повтора частиц, иногда буквального:

*Да/ да/ их можно есть каждый день/ и даже две штуки//*⁴³.

Ещё одним важным контекстуальным средством выражения эмоций являются формы императива, которые выполняют также прагматическую функцию воздействия на читательскую и зрительскую аудиторию. При этом в русскоязычных блогах они используются шире, чем в англоязычных, что, вероятно, можно объяснить своеобразной установкой на дидактизм:

*Три секрета от меня// **замените** простую муку на муку с низким содержанием углеводов// второе/ **не используйте** сахарозаменителей// просто **снизьте** количество сахара в рецепте// **добавьте** не 100 грамм сахара/ а 10–15 грамм// **поверьте**/ это тоже сладкое// и третье// **исключите** из рецепта желтки//*⁴⁴.

*So **remember**/ milk thistle for a major protection of your liver//*⁴⁵ ‘Так что помните: расторопша – это надёжная защита вашей печени’.

Можно отметить также использование наречий меры и степени, которые часто дублируются авторами и тем самым подчёркивают эмоциональную значимость информации:

*И передозировка D/ если D **очень** много/ **очень и очень** опасна//*⁴⁶.

*And it's **pretty** much//* ‘И это значительно много’⁴⁷.

В целом по сравнению с лексическими средствами репертуар морфологических репрезентантов эмоций в блогах медицинской направленности является не таким широким, тем не менее их эмотивный потенциал реализуется достаточно активно, прежде всего за счёт повтора, иногда многократного.

2. К синтаксическим репрезентантам категории эмотивности в анализируемых текстах относятся синтаксические повторы (анафоры, эпифоры), риторические вопросы, восклицательные предложения, инверсия, упрощение синтаксической структуры предложения, парцелляция и др. Рассмотрим некоторые из этих средств.

В первую очередь необходимо отметить синтаксические повторы, которые, как и в случае с морфологическими эмотивами, выполняют комплексную эмотивно-прагматическую функцию:

***Я не хочу тортиков/ я не хочу** мяса/ не убирайте мне/ пожалуйста/ бокальчик винишка каждый день//*⁴⁸.

*Мы берём анализы мочи и видим **повышение** креатинина/ **повышение** мочевины/ **повышение** мочевой кислоты//*⁴⁹.

*Эти продукты формируют кишечный микробиом/ специальные бактерии/ которые **уменьшают/ реально уменьшают** тягу к сладкому//*⁵⁰.

*You've got anxiety/ and anxious thoughts/ because of low vitamin D// **you've got** low back pain/ and muscle aches//*⁵¹ ‘Вы испытываете беспокойство и имеете тревожные мысли из-за недостатка витамина D, вы испытываете боль в пояснице и мышечную боль’.

***Do you know how much oxidation/ that creates// Do you know how many free radicals/ that's going to create in your body// Do you know** much inflammation it's going to create/ and problems with your brain and*

⁴² Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁴³ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁴⁶ Ольга Павлова // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ОльгаПавлова-ю7с> (дата обращения 02.12.2024).

⁴⁷ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁴⁸ О здоровье с Натальей Зубаревой // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@Natalya_Zubareva (дата обращения 02.12.2024).

⁴⁹ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Блог Dr. Janine Bowring в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

your nervous system and your heart//⁵² ‘Знаете ли вы, какое окисление это создаёт? Знаете ли вы, сколько свободных радикалов образуется в вашем организме? Знаете ли вы, сколько воспалений это может вызвать, и проблемы с вашим мозгом, нервной системой и сердцем?’

Аналогичную функциональную нагрузку имеют ряды однородных членов, примеры которых в русско- и англоязычных медицинских блогах представлены примерно в одинаковом количестве:

И перед изготовлением этого порошка/ перед тем/ как погрузить его в эту красивую чёрную огромную банку и продать вам/ никто тесты на людях не проводил//⁵³.

Основное количество моих молодых пациентов/ которые приходят с болезнями почек/ это такая история/ когда человек пошел в фитнес-клуб/ ему назначили различные протеины/ коктейли/ аминокислоты/ и через три-четыре месяца он начинает вставать в туалет ночью//⁵⁴.

Not much lately/ but for some people/ for the right brain/ people who have over focused issues/ worried/ rigid/ inflexible//⁵⁵ ‘В последнее время не так много, но для некоторых людей, для правополушарных людей, которые чрезмерно сосредоточены на проблемах, обеспокоены, ригидны, негибки’.

These seed oils like canola/ corn/ soy/ cotton seed are very inflammatory/ especially if you keep reheating them over and over and over again//⁵⁶ ‘Такие масла, как рапсовое, кукурузное, соевое, хлопковое, обладают противовоспалительным действием, особенно если вы разогреваете их снова и снова’.

Наконец, можно отметить риторические вопросы, эмотивно-прагматический потенциал которых одинаково реализуется в русско- и англоязычных медицинских блогах:

Как есть сладкое на снижение веса//⁵⁷.

Как сделать так/ чтобы в ближайшие дни уже почувствовать себя лучше//⁵⁸.

What you need to know is there's an antidote/ okay// ‘Что тебе нужно знать, так это то, что есть противоядие, хорошо?’⁵⁹

So it's very conservative// so it's like a car that gets a lot of miles per gallon/ right//⁶⁰ ‘Так что это очень консервативно. Это как автомобиль, который проезжает много миль на галлон, верно?’

Таким образом, как и в случае с морфологическими эмотивами, на уровне синтаксиса весьма продуктивным является приём «нанизывания» форм, который позволяет говорящему заострить внимание на предмете речи, тем самым выразив своё эмоциональное отношение к нему.

Заключение

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. В русско- и англоязычных медицинских текстах широко представлены лексические и грамматические эмотивы, которые ярко отражают синкретичный характер соответствующей блогосферы, её одновременное тяготение к двум видам дискурса: научному и медийному. Изначальная отнесённость анализируемых текстов к научному дискурсу в определённой мере ограничивает использование эмотивных средств, однако бытование данных текстов в рамках блогосферы обуславливает приобретение ими дискурсивных признаков медиатекстов, для которых на современном этапе их развития характерна высокая степень не только эмотивности, но и эмотиогенности.

2. В рассматриваемых текстах реализация категории эмотивности активно осуществляется как на лексическом, так и на грамматическом уровнях, при этом выделяются системные и контекстуальные её репрезентанты. Во втором случае эмотивность носит потенциальный характер, причём такие средства представлены в анализируемых текстах очень широко.

⁵² Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁵³ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁵⁴ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁵⁵ Блог Dr. Daniel G.Amen в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁵⁶ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁵⁷ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁵⁸ Регина Доктор // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@regina_doctor (дата обращения 02.12.2024).

⁵⁹ Блог Dr. Berg в социальной сети Instagram (запрещена на территории РФ).

⁶⁰ Там же.

3. В русско- и англоязычных блогах медицинской направленности зафиксированы как общие, так и специфические закономерности употребления эмотивных средств. К числу общих черт можно отнести невысокую частотность эмотивов, осуществляющих прямую номинацию эмоциональных состояний/отношений автора, и, напротив, активное обращение к коннотативным единицам, которые выполняют комплексную эмотивно-прагматическую функцию; широкое использование такого класса контекстуальных эмотивов, как лексемы со значением общей и частной оценки (гедонистической, эмоциональной и т.д.); дублирование (иногда многократное) морфологических и синтаксических эмотивов и т.д. Отмеченная общность, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами: с одной стороны, глобализацией интернет-пространства, которая вызывает унификацию принципов коммуникативного взаимодействия внутри него; с другой – определённым единством правил профессионального общения (прежде всего этических), которых придерживаются авторы медицинских блогов. Различия в употреблении эмотивных средств в русско- и англоязычных медицинских текстах обусловлены особенностями лексико-семантических и грамматических систем анализируемых языков, а также внешними (социокультурными, психологическими и др.) факторами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабенко Л.Г.** Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 182 с.
2. **Шаховский В.И.** Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
3. **Шаховский В.И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Либроком, 2009. 208 с.
4. **Ионова С.В.** Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124–131. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/134/124-131.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
5. **Ларина Т.В.** Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи: сб. научных статей / под ред. И.А. Шаронова. 2005. С. 153–154.
6. **Киселева Л.А.** Основные направления исследования проблемы «язык и эмоции» в отечественной и зарубежной лингвистике начала XXI века // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 43–49. URL: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=2284> (дата обращения: 23.10.2024).
7. **Добросклонская Т.Г.** Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii?ysclid=m2jg5rwjlv406227196> (дата обращения: 22.10.2024).
8. **Таюпова О.И.** Медиамедицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 5. С. 352–360. DOI: 10.15643/libartrus-2019.5.5
9. **Костенко В.Г., Сологор И.Н., Знаменская И.В.** Лексические средства реализации категории эмотивности в текстах научных медицинских статей // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67). Ч. 1. С. 73–76. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_12-1_22.pdf (дата обращения: 22.10.2024).
10. **Маджаева С.И.** К проблеме эмотиогенности медицинского термина // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 1. С. 94–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-emotsiogennosti-meditsinskogo-termina?ysclid=m320erfokh578596732> (дата обращения: 23.10.2024).
11. **Жура В.В.** Эмотиогенность общения «врач – пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9 (50) С. 38–44. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/zhura_9_50_38_44.pdf?ysclid=lybhpjt8my282897420 (дата обращения: 21.10.2024).
12. **Карасик В.И.** Девербализация // Русский язык как иностранный: теория, исследования, практика: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И.П. Лысакова. СПб.: Сударыня, 2009. С. 109–117. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35666277&pff=1> (дата обращения: 22.10.2024).

13. Балканов И.В., Муравлева В.Р. Эмотивная компонента манипулятивных тактик (на материале русскоязычных текстов средств массовой информации) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3121–3125. DOI: 10.30853/phil20230485
14. Желтухина М.Р., Гавриш А.Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 120–125. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125
15. Клушина Н.И. Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2013. С. 209–217. URL: <https://medialing.spbu.ru/lib/25-312.html> (дата обращения: 22.10.2024).
16. Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 6, № 4. С. 367–382. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382
17. Шляхова Д.А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 4. С. 939–948. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-blogov-kak-elektronnyh-sredstv-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>
18. Витковская Н.Г., Исакова Т.Б. Некоторые особенности блога как жанра журналистики (на примере социальной сети «Инстаграм») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2, № 2 (32). С. 119–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-bloga-kak-zhanra-zhurnalistiki-na-primere-sotsialnoy-seti-instagram> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Матяшевская А.И. Сниженная лексика в британских и российских печатных СМИ (на материале газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», The Observer, The Sun, The Daily Star) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 4. С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhennaya-leksika-v-britanskih-i-rossijskih-pechatnyh-smi-na-materiale-gazet-argumenty-i-fakty-komsomolskaya-pravda-the-observer-the-sun> (дата обращения: 23.10.2024).
20. Кислицына Н.Н., Чернявская О.Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 368–373. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_6_78.pdf (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78
21. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. 238 с.

REFERENCES

- [1] Babenko L.G., *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means of indicating emotions in the Russian language], Ural University Press, Sverdlovsk, 1989.
- [2] Shakhovskiy V.I., *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, 2008.
- [3] Shahovskiy V.I., *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language], Librokom, Moscow, 2009.
- [4] Ionova S.V., *Linguistics of Emotions as Science of the Future*, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1 (134) (2019) 124–131. Available at: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/134/124-131.pdf> (accessed 22.10.2024).
- [5] Larina T.V., *Fatcheskiye emotivy i ikh rol' v kommunikatsii* [Phatic emotives and their role in communication], *Emotsii v yazyke i rechi: sb. nauch. st.* [Emotions in language and speech: collection of scientific articles], RGGU, Moscow, 2005, pp. 153–154.
- [6] Kiseleva L.A., *Osnovnyye napravleniya issledovaniya problemy “yazyk i emotsii” v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike nachala XXI veka* [The main directions of the problem research “language and emotions” in Russian and foreign linguistics of the beginning of the XXI century], *Humanities studies*, 2 (82) (2022) 43–49. Available at: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=2284> (accessed 22.10.2024).

[7] **Dobrosklonskaya T.G.**, Mediadiskurs kak obyekt lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2 (2006) 20–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii?ysclid=m2jg5rwjlv406227196> (accessed 22.10.2024).

[8] **Tayupova O.I.**, Mediameditsinskiy diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale sovremennoy nemetskoj zhurnal'noy periodiki) [Medical media discourse as an object of linguistic study (based on the material of modern German magazine periodicals)], *Liberal Arts in Russia*, 8 (5) (2019) 352–360. DOI: 10.15643/libartrus-2019.5.5

[9] **Kostenko V.G., Sologor I.N., Znamenskaya I.V.**, Leksicheskiye sredstva realizatsii kategorii emotivnosti v tekstakh nauchnykh meditsinskikh statey [Lexical means of implementing the category of emotivity in the texts of scientific medical articles], *Almanac of Modern Science and Education*, 12 (67) (1) (2012) 73–76. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_12-1_22.pdf (accessed 22.10.2024).

[10] **Madzhaeva S.I.**, To the Problem of Medical Term Emotiogenicity, *Russian Journal of Linguistics*, (1) (2015) 94–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-emotsiogenosti-meditsinskogo-termina?ysclid=m320erfokh578596732> (accessed 23.10.2024).

[11] **Zhura V.V.**, Emotiogenicity of the Intercourse “Doctor – Patient” as a Communicative Problem of the Spoken Medical Discourse, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 9 (50) (2007) 38–44. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/text/zhura_9_50_38_44.pdf?ysclid=lybhpjt-8my282897420 (accessed 21.10.2024).

[12] **Karasik V.I.**, Deverbalizatsiya [Deverbalization], *Russkiy yazyk kak inostrannyi: teoriya, issledovaniya, praktika: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Russian as a foreign language: theory, research, practice: interuniversity collection of scientific works], *Sudarynya*, St. Petersburg, 2009, pp. 109–117. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35666277&pff=1> (accessed 22.10.2024).

[13] **Balkanov I.V., Muravleva V.R.**, Emotive component of manipulative tactics (based on Russian-language mass media texts), *Philology. Theory & Practice*, 16 (10) (2023) 3121–3125. DOI: 10.30853/phil20230485

[14] **Zheltukhina M.R., Gavrish A.D.**, Emotionality of modern media texts, *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4 (32) (2018) 120–125. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125

[15] **Klushina N.I.**, Emociogenost' kak kriteriy differentsiatsii sovremennogo mediynogo prostranstva [Emotionality as a criterion of differentiation of the modern media space], *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya* [Emotive linguoecology in the modern communicative space: collective monograph], *Peremena*, Volgograd, 2013, pp. 209–217.

[16] **Ivanova M.V., Klushina N.I.**, Russian language in modern web space: dynamic processes and development trends, *Russian Language Studies*, 6 (4) (2021) 367–382. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382

[17] **Shlyakhova D.A.**, Genre Features of Blogs as Electronic Means of Mass Communication, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4) (2017) 939–948. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-blogov-kak-elektronnyh-sredstv-massovoy-kommunikatsii> (accessed 23.10.2024). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>

[18] **Vitkovskaya N.G., Isakova T.B.**, Some blog features as a genre of journalism (on the example of social network “Instagram”), *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2 (2) (32) (2020) 119–127. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-bloga-kak-zhanra-zhurnalistiki-na-primere-sotsialnoy-seti-instagram> (accessed: 20.10.2024).

[19] **Matyashevskaya A.I.**, Substandard Vocabulary in British and Russian Printed Mass Media (on the Basis of the Newspapers *Argumenty and Factly*, *Komsomolskaya Pravda*, *The Observer*, *The Sun*, *The Daily Star*), *Proceedings of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, Series Philology and Journalism*, 12 (4) (2012) 106–111. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhen-naya-leksika-v-britanskih-i-rossiyskih-pechatnyh-smi-na-materiale-gazet-argumenty-i-fakty-komsomolskaya-pravda-the-observer-the-sun> (accessed 23.10.2024).

[20] **Kislitsyna N.N., Chernyavskaya O.G.**, Compositional, Stylistic and Lexical Peculiarities of Internet Communication (by the Material of the English Professionally Oriented Blogs), *Philology. Theory & Practice*, 12 (6) (2019) 368–373. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.78

[21] **Prokhorov Yu.E., Sternin I.A.**, *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* [Russians: communicative behavior], 2nd ed., *Flinta, Nauka*, Moscow, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Петросян Мерри Мгеровна

Merri M. Petrosian

E-mail: merryhappy2013@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8170-424X>

Киселева Лариса Айратовна

Larisa A. Kiseleva

E-mail: larisakiseleva2015@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

Поступила: 04.11.2024; Одобрена: 27.11.2024; Принята: 28.11.2024.

Submitted: 04.11.2024; Approved: 27.11.2024; Accepted: 28.11.2024.

Научная статья

УДК 81.13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15409>

EDN: <https://elibrary/TSYKTS>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ДИВЕРГЕНЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ

О.А. Сулейманова , А.В. Соколова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 SouleimanovaOA@mgpu.ru

Аннотация. В работе анализируется корреляция двух широко распространенных исследовательских методологических подходов – с опорой на представление о языковой картине мира, с одной стороны, и на теорию фреймов – с другой. Актуальность обращения к рассматриваемой в работе теме обусловлена сосуществованием «конкурирующих» представлений – языковой картины мира и теории фреймов в методологической перспективе, причем оба подхода обладают высоким исследовательским потенциалом, однако системно эксплицитно не разведены, что представляется релевантным на настоящем этапе развития лингвистической науки. Цель статьи состоит в выявлении зон пересечения данных исследовательских инструментов, выявления вектора их функционала и в установлении границ их потенциала относительно друг друга. Экспланаторный потенциал фреймового подхода как исследовательской методики иллюстрируется на материале интерпретации категории метонимии, а также на выстраивании описания английского артиклевое актуализатора на основе именно фреймового анализа. Показано, что метонимия получает достоверное описание в свете фреймового подхода, который позволяет установить между объектами неслучайную связь, что и служит основанием метонимии. Фреймовый подход также позволяет решить актуальную проблему описания использования артикля за счет установления обязательности / необязательности элемента в составе фрейма. Исследование позволило уточнить познавательные установки и экспланаторный потенциал двух рассматриваемых методологических платформ. В работе также делается попытка привлечь исследовательский потенциал искусственного интеллекта, сделан запрос на определение принципов разграничения выбранных исследовательских платформ, не получивший в итоге исчерпывающего разъяснения.

Ключевые слова: языковая картина мира, фрейм, методология, фреймовый анализ, метонимия, артикль.

Для цитирования: Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

RECONSIDERING FRAME ANALYSIS VS LINGUISTIC WORLDVIEW: CONVERGING OR DIVERGING?

O.A. Suleimanova , A.V. Sokolova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 SouleimanovaOA@mgpu.ru

Abstract. The paper focuses on the distinctions between fundamental research approaches in linguistics, i.e., frame analysis and the linguistic map (picture) of the world, or the worldview and its objective is to determine where these two methodological perspectives converge and, vice versa, diverge. The explanatory potential of both approaches is analyzed with reference to metonymy and articles, that are researched in the frame analysis perspective, that helped to stretch the borderline between the two. The frame perspective is based on establishing non-random link between the elements of the frame and their connection with the nuclear, or framing element. As a result, cognition perspectives and explanatory potential of either of methodological approaches investigated are defined. The research potential of AI as regards defining the above distinction is tested, the direct request sent to ask about the distinction between the two was deemed unable to offer a plausible solution so far, which needs further experimenting.

Keywords: projected world, linguistic worldview, frame, frame analysis, methodology, metonymy, article.

Citation: Suleimanova O.A., Sokolova A.V., Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

Введение

Как справедливо отметила Е.С. Кубрякова, лингвисты «все время возвращаются к обсуждению одних и тех же проблем, в силу чего нередко можно утверждать, что лингвистика топчется на месте» [1, с. 160]. Действительно, история лингвистических учений свидетельствует о том, что многие представления, возникшие сначала как общие утверждения, позже начинают привлекать внимание ученых, получают известное развитие уже на более глубоком теоретическом уровне, становятся топосами и общепризнанными методологическими положениями, интерес к которым время от времени то разгорается, то затухает.

В предлагаемой работе рассматриваются два таких методологических топоса. К числу первых можно отнести введенное еще Л. Вайсгербером представление о языковой картине мира (ЯКМ), согласно которому в языке заложены знания о внеязыковой действительности, о реальном и виртуальном мире, которые транслируются индивиду вместе с усвоением языка, например его словарного запаса [2]. Послание Л. Вайсбергера было услышано и подхвачено лингвистами, как методологическая основа оно получает отражение во многих работах (принято за основу и в настоящем исследовании), однако обратим здесь внимание на то, что при полном признании данного положения не всегда исследователи методологически экстраполировали его на анализ конкретного языкового материала, а именно: достаточно длительное время при описании, например, значения языкового знака (= фрагмента ЯКМ) лингвисты иногда сбивались на описание фрагмента реального мира, а не описывали то, как он представлен именно в ЯКМ. Например, при использовании модальной рамки *Говорящий считает, что P* возникает представление, что по сути говорящего опрашивали на предмет того, действительно ли он так считает, тогда как более корректна формулировка вида *Говорящий вносит информацию* без высказывания о том, что действительно думает говорящий. Например, в ситуациях комплимента (как и в принципе в условиях нарушения искренности говорящим, что часто имеет место в дискурсе вежливости) субъект может неискренне сказать *Ты замечательно это делаешь*, на самом деле относясь к деятельности адресата с высокой

степенью критичности, и в таком случае не представляется уместным говорить о том, что в действительности *считает* говорящий.

Иными словами, системный учет сетки ЯКМ и ее отграничение от мира действительности нуждаются по-прежнему в акцентировании, что составляет **актуальность** данной работы. Подчеркнем при этом, что подобно «бродячим сюжетам» значимые лингвистические и в целом гуманитарные представления возникают – часто независимо – и сосуществуют в рамках различных теорий. В качестве примера можно привести именно теорию ЯКМ и коррелирующую с ней идею Р. Джакендоффа [3] о спроецированных мирах – *projected world*, что фактически представляет языковую картину мира.

Далее, появление конкурирующих моделей лингвистического описания требует проведения демаркационных линий между сложившимися теориями (которые в сравнении с новыми получают часто новое измерение и тем самым и развитие) и сходными, но не тождественными представлениями, и эта задача также **актуальна**. Как отмечает Е.С. Кубрякова в этой связи, «признание одновременного существования нескольких течений не означает что у них нет точек соприкосновения» [1, с. 148]. Вообще для лингвистики свойственно такое положение дел, когда для описания языковых явлений имеет место обращение к различным аспектам явления, которые и получают описание в терминах различных парадигм и теорий, которые могут частично накладываться друг на друга. Как отмечает Е.В. Рахилина, в американской когнитивной семантике имеют место «живое многообразие и интересные поиски новых решений и новых задач – идущие, подчас, в разных направлениях» [4, с. 371], «разнообразие подходов внутри когнитивной парадигмы» [4, с. 372], которые взаимно обогащают друг друга, что, однако, не снимает необходимости соотносить экспланаторный потенциал данных теорий. Так, можно соотнести сходные по познавательным установкам европейскую теорию поля и известную теорию прототипов Э. Рош [5], как и многие другие теории, возникшие независимо на разных континентах. Как отмечает Н.Н. Болдырев, стремление интегрировать результаты частных научных изысканий в общую теорию с единой методологической основой всегда составляло сильную сторону отечественной лингвистики. Именно здесь автор видит перспективы развития современной лингвистической науки [6]. Причем речь идет скорее не о еще одном «модном» тезисе о междисциплинарности, а именно о попытках своеобразной триангуляции, когда соотносятся представления различных лингвистических теорий, что особенно важно, если речь идет о доминирующих направлениях. Установка демаркации принципиально важна именно в лингвистике как системе, работающей в формате «качественных полаганий» (А.Ф. Лосев), в отличие от точных наук. Так, ставится вопрос о соотношении фрейма, гештальта и образа в работе, где фрейм, например, интерпретируется как «концептуальная единица *статического* типа» [7, с. 32] (с чем сложно согласиться – см. об этом ниже), однако далее авторы приходят к выводу, что в нем комбинируется статическое и динамическое; гештальт понимается как более глубинная категория, частью которой является фрейм, а образ представляет собой объемную категорию, включающую аксиологическую и ассоциативную составляющую. Иными словами, на настоящем этапе развития лингвистики накопившееся знание в виде различных направлений потребовало установления корреляций между этими направлениями.

К одному из коррелятов теории ЯКМ можно отнести теорию, основанную на концепции фрейма, выдвинутую Ч. Филлмором [8] и М. Минским [9]. Ч. Филлмор полагает, что значения слов в сознании организованы в структуры знаний, хранящиеся в памяти человека. Совокупности слов формируют группы, каждую из которых предпочтительно изучать как единое целое, что позволяет проще понять их отдельные элементы. «Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин *фрейм*» [8, с. 54]. Именно фрейм представляет набор смысловых связей, которые образуют основу для формирования вербальной структуры. При этом фрейм является

сложной системой, состоящей из субфреймов, его структура представляет собой некую сеть из узлов и отношений, выстроенных иерархически, его верхние уровни содержат обобщенную информацию о денотативной ситуации, и информация вершинного уровня всегда актуальна для данной ситуации. Слоты нижнего уровня позволяют создать некий целостный образ ситуации [9], причем часть из них исходно не идентифицирована специально, но автоматически восстанавливается, поскольку они составляют обязательные, неслучайные элементы фрейма и восстанавливаются автоматически. Например, это свойство фрейма позволяет ему успешно использоваться для описания эллиптических структур [10].

Представление о фрейме выглядит адекватно отражающим организацию системы знаний индивида, фреймовая семантика рассматривается как многоуровневая теория значения слова, как модель структурирования знания [11, с. 374]. На основе фреймового анализа выполнены многочисленные практические исследования, например использование фреймового анализа каламбура и выделение трех типов моделей, а именно: концептуальной интеграции фреймов, совмещения терминалов фрейма и расширения фокуса [12]. Исследуется система аудитивных глаголов немецкого языка [13]; и, соответственно, фреймовый анализ как исследовательский инструмент обладает высоким верифицирующим потенциалом (см. ниже его использование для анализа метонимии и употребления артикля). При этом «потенциал фрейма как одного из основных понятий когнитивной лингвистики используется к настоящему моменту далеко не полностью из-за тенденции считать их аналогами семантических и тематических полей» [14, с. 17] (продолжим, что и языковой картины мира). Автор полагает перспективным возвращение к первоначальному пониманию фрейма как ментальной матрицы, позволяющей создать методологические основания для конструирования сложных процессов вербализации (там же), и такой подход представляется убедительным, поскольку хорошо резонирует в представлении о динамичной модели фреймирования, которая принимается в настоящей работе (см. ниже).

Исследователи подчеркивают, что «фрейм — это структура знания и **инструмент** представления когнитивной структуры» [15, с. 124] (выделение наше. — *О.С., А.С.*). ЯКМ также позволяет выделить ее фрагменты с целью анализа, однако не предоставляет специального инструмента анализа языковых данных.

В настоящей работе анализируется сопряжение между данными сходными, но не тождественными методологическими инструментами и предложено уточненное описание их функционала, поскольку в ряде случаев остается неясным, как именно соотносятся ЯКМ, фрагмент ЯКМ и как он коррелирует с фреймом: ср., например, поставленную в диссертационном исследовании С.И. Ли задачу выявления закономерностей организации фрагментов ЯКМ на материале фреймов методом когнитивного моделирования ЯКМ¹, в котором, тем не менее, остается не вполне ясным, как соотносены фрейм / фреймовый анализ, когнитивное моделирование и ЯКМ и фрагменты ЯКМ. Возникает вопрос, есть ли возможность опираться только на одну из познавательных установок, обладает ли она полным экспланаторным потенциалом или все же комбинация обеих методологических систем позволяет получить более полное и достоверное описание?

Цель настоящей статьи состоит в выявлении дивергентных и конвергентных познавательных установок теории фреймов и ЯКМ, что будет иллюстрироваться при реализации задач исследования: показать их корреляцию на анализе ряда значимых для лингвистики явлений — метонимии и теории артикля.

Методика анализа

На первом этапе анализа возникает понятное в свете глобального интереса к нейронным сетям и их экспланаторному потенциалу искушение протестировать, как именно может ИИ² выстроить

¹ Ли С.И. Пропозиционально-фреймовое моделирование языковой картины мира в разноструктурных языках (на материале фреймов «мясо животного», «цвет», «ягоды», «грибы», «мышь»): дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2020. 254 с.

² Нейросеть Chat GPT на русском. URL: <https://gpt-chatbot.ru> (дата обращения 05.02.2024).

цифровой профиль (как совокупность имеющихся данных об объекте в цифровом формате) данных инструментов лингвистического анализа и пояснить разницу между этими двумя подходами. Отправим запрос в ChatGPT «В чем разница между фреймом и языковой картиной мира?», на который получим следующий ответ:

«Фрейм и языковая картина мира — это два понятия из области лингвистики и когнитивной науки, которые отражают способы, которыми люди организуют и интерпретируют информацию.

- Фрейм является структурой понимания, которая оформляет способ восприятия и интерпретации информации. Фреймы могут включать в себя знания, предположения, ожидания или стереотипы, используемые для организации нашего опыта и понимания мира.

- Языковая картина мира представляет собой способ, которым язык, на котором говорит человек, отражает его взгляды, ценности и понимание мира. Языковая картина мира влияет на то, как мы **воспринимаем и интерпретируем окружающую нас реальность** с использованием языка.

Таким образом, фрейм представляет собой **структуру когнитивного понимания**, в то время как языковая картина мира связана с влиянием языка на наше понимание мира и отражением этого понимания в языке» (выделение наше. — О.С., А.С.).

Здесь представляются значимыми следующие моменты: во-первых, в определениях имеются области пересечения в том смысле, что фрейм фиксирует когнитивную сторону понимания, тогда как ЯКМ фиксирует языковое выражение, однако указание на то, что ЯКМ влияет на восприятие и интерпретацию мира, в принципе частично покрывает зону «ответственности» фрейма; во-вторых, фреймирование, в свою очередь, также национально (= лингвистически) специфично, поскольку формирование фрейма основано на учете культурно-значимых факторов. Понятно при этом, что ценностная составляющая, например, выраженная в пословицах и поговорках, скорее принадлежит ЯКМ. Иными словами, в целом сформированные фреймы, отражающие фрагмент ЯКМ, строятся на сходных основаниях. Принципиальная разница между ними видится в том, что фрейм представляет инструмент избирательного моделирования, причем применительно к фрагменту ЯКМ — это методика анализа, тогда как в ЯКМ — скорее зафиксированная статичная модель репрезентации мира действительности. Иными словами, оба инструмента фокусируются на интерпретации фрагмента внеязыковой действительности, однако фрейм создается в значительной степени *ad hoc*, для решения задачи, что и свидетельствует о его динамичной природе.

Предлагаемое исследование, таким образом, основано на сопоставительном анализе интерпретаций анализируемых подходов, в том числе предлагаемых в системах искусственного интеллекта. Выдвигаемые положения иллюстрируются языковым материалом, который, в свою очередь, анализируется с опорой на лингвистический эксперимент, в ходе которого производится опрос информантов, а также в сетевом формате, когда приемлемость фразы определяется через запрос в системе Google.

Анализ корреляции фреймового подхода и теории ЯКМ

Поясним экспланаторный потенциал фрейма как облигаторно настроенного инструментария на установление **неслучайных** связей между объектами путем когнитивных операций на примере. Ср. фрейм, рассмотренный в работе Н.Н. Болдырева, «ТОРГОВАЯ СДЕЛКА», в котором «глагол *buy* (покупать) фокусирует внимание на покупателе и товаре, а глагол *sell* (продавать) — на продавце и товаре, при этом оба слота являются частью общего фрейма „торговая сделка“» [16, с. 29–30]). Ср. также сходный возможный фрейм «ДЕНЕЖНЫЙ ЗАЙМ», представленный английскими глаголами *borrow* — *lend*, когда «оба слота входят в один фрейм (или даже суперфрейм, если их рассматривать в качестве элементов разных, но взаимозависимых фреймов) „одолжить деньги“». Обратим внимание на то, что, как и всякий культурно-релевантный фрагмент действительности, он формируется на основе принятых в социуме представлений об этом фрагменте — например, для англосаксонского мира в ситуации одалживания (не только

денег) значимо обещание вернуть запрашиваемый объект, для чего создан и специальный глагол *to borrow*: *to borrow a book from the library, May I borrow your pen, please*, где говорящий обязуется вернуть книгу в библиотеку или ручку, что не принято в отечественной культуре, где точное описание ситуации заимствования необходимо преимущественно в установлении финансовых обязательств – *Можешь одолжить мне 100 рублей?* (при этом неприемлемо в библиотеке попросить книгу фразой *Могу я одолжить / взять в долг эту книгу?* Несколькими неестественно сказать также *Можешь одолжить мне ручку* и невозможно – **Можешь дать мне в долг ручку?* «Священные» отношения собственности в англосаксонском мире маркируются особым образом и в использовании, казалось бы, такого беспроblemного глагола, как *to collect*, который на самом деле при несколько более глубоком рассмотрении оказывается устроенным достаточно сложно, что отражено в том, что он представляет собой «ложного друга» переводчика. Так, можно сказать *to collect a child from school* и нельзя **собрать ребенка из школы*, поскольку в русском языке акт собирания предпринимается в том случае, когда объект предварительно представляет собой совокупность разрозненных частей, что нерелевантно для английского языкового сообщества, где нет такой пресуппозиции. Иными словами, англосаксонский фрейм, как и фрагмент картины реального мира (?), устроен иначе, что и отражено в его языковом оформлении. Фреймовый анализ академических дискурсивных практик в работе [17] также показывает культурно-ориентированное формирование фрейма, в том числе отраженное, например, в практиках защит исследовательских работ различного уровня.

Таким образом, ЯКМ фиксирует уже установившиеся связи, этнически и культурно обусловленные особенности языковой системы, составляющие важную часть национального менталитета. Данное представление хорошо коррелирует с теорией значения, акцентируя внимание на том, как именно концептуализируется в языке описываемый фрагмент действительности, а не на том, что именно представляет собой реальность. Тем самым производится четкое разграничение значения языковой единицы и ее денотата, позволяя говорящему не «сбиваться» на описание реальной действительности. Понятно при этом, что именно свойства описываемого объекта потенциально определяют класс денотации [18]. ЯКМ чрезвычайно востребована в сравнительных лингвокультурологических исследованиях, что способствует повышению экспланаторного потенциала данной теории.

Теория фрейма, напротив, представляет собой динамичный инструмент, основанный на принципе неслучайной связи [19], и в ходе фреймового анализа актуализируются когнитивные механизмы установления этой связи. В ряде случаев сложно даже увидеть ЯКМ-основания для интерпретации данных явлений.

Фреймовая организации метонимии

Рассмотрим в этой связи метонимию, которая, как отмечалось в работе О.А. Сулеймановой и Н.Н. Беклемешевой [20], основана именно на установленной неслучайной связи объектов. В работах ряда лингвистов часто предлагаются определения метонимии через указание на смежность соотносимых сущностей, причем не вполне ясно, что именно имеется в виду: так, объекты могут быть смежными в пространстве – например, чашка с чаем стоит на столе рядом (смежна) с компьютером, что не означает, что данные смежные объекты могут быть поименованы именем смежного объекта – компьютер назван чашкой чая, и наоборот. Или неясно в какой смежности и в каком смысле находятся предикаты прямого наименования и метонимические обозначения того же действия – *он шептал* и *он говорил шепотом*. Смежность может принимать различные формы – например, в случае с глаголами это либо причинно-следственная связь типа *P следовательно P1: he left – he is out*, либо обстоятельственная типа *he staggered across the room – He crossed the room staggering*. В области существительного пресловутая смежность обретает иные формы (причем именно субстантивная метонимия изучена лучше прочих метонимических переносов), равно как и в области прилагательного. Более точной интерпретацией метонимии можно считать

утверждение о том, что в ее основе лежит сеть *соответствующих* связей с исходными матрицами (“a web of appropriate connections to the input spaces” [21, p. 85]). Далее, следуя принципу «материальной адекватности» термина Дж. Лайонза, можно уточнить данное определение, введя указание на наличие *неслучайной* связи [20]. Иными словами, говорящий каждый раз «формирует» лингвоспецифичный фрейм, в пределах которого далее характеризует описываемый объект. При этом исследователи полагают, что метонимия как когнитивный инструмент познания может быть более фундаментальна, чем метафора (“metonymy is a cognitive phenomenon that may be even more fundamental than metaphor” [21, p. 1]), в частности по той причине, что метонимия представляет собой когнитивное явление, которое лежит в основе большей части нашего каждодневного опыта (“metonymy is a cognitive phenomenon underlying much of our ordinary thinking” [21, p. 2]), тогда как метафора — это чисто языковое явление [21, p. 21]. Метонимия возникает также в области синтаксиса — например, вспомогательные глаголы реализуют метонимический перенос *часть-целое*: (настоящее вместо привычного) *она говорит по-испански, он приезжает завтра* (актуальное вместо потенциального).

Иными словами, метонимия предлагает как ментальный доступ к одной концептуальной сущности через другую сущность, через концептуальную соположенность (“mentally accessing one conceptual entity via another entity, conceptual contiguity..”; “metonymy is a cognitive process in which one conceptual entity, the vehicle, provides mental access to another conceptual entity, the target, within the same idealized cognitive model” [21, p. 19, 21]) в пределах фрейма или сценария, или когнитивной модели.

Так, фрейм чае- или кофепития предполагает наличие заданной жидкости и сосуда, акторов данного процесса, а также установленных в социуме некоторых культурных традиций и др. Можно сказать *выпил чашку (чаю, кофе)*, но не **чашка бензина* или **бочка кофе* — в отличие от отмеченного *бочка пива*. «Сходным, неслучайным образом связаны материал и изделие из него — фраза *мой фарфор* в норме не предполагает любых фарфоровых изделий (например, куклы, элементов электропроводки для закрепления провода на стене) — очевидно, что речь может идти только о посуде» [22, с. 164]. Особый интерес вызывает слабо изученная предикатная переводческая метонимия, например на основе причинно-следственной связи типа действие-результат, причина-действие и др.: *he is up — он уже встал*, которые метонимически связаны и потому позволяют получить адекватное переводческое решение.

При этом в сфере предикатной метонимии, как представляется³, можно выделить два базовых типа метонимии: обстоятельственная и причинно-следственная, в основе которых лежат два различных когнитивных механизма (причем оба на основе общего фрейма). При обстоятельственной метонимии сопровождающий действие / событие признак (например, ходьбу может сопровождать прихрамывание, топот — но не смех или подметание пола) выступает репрезентантом всего действия — *он прохромал к окну / потопал к двери (*он просмеялся к двери)*. Этот признак не случайный — если он осознается как только окказионально «привязанный» к событию, возникает эффект образности — ср. *Он просвистел свое одобрение* (свистом обычно выражается скорее несогласие). Справедливо и обратное — так, выражение *he staggered across the street* может означать только перемещение (оно не может характеризовать, например, процесс принятия пищи). Обстоятельственный метонимический перенос принимает вид описания действия обычно через один из его признаков, например: скорость протекания — *мчатся*; тщательность выполняемого действия — *пристально разглядывать*; звуковые эффекты — *шептать* и др. Во втором — используются глаголы / глаголы в сочетании с различными частями речи, которые представляют описание способа выполнения какого-либо действия, например *с трудом протиснуться к двери (извиваясь всем телом)*.

³ Грамматические аспекты перевода: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.]. М.: Академия, 2010. 240 с.

Данную обстоятельственную модель можно представить в виде **Р'** вместо **Р**. Причинно-следственная метонимия реализует модель **Р1**, следовательно (= из-за) **Р2**. Иными словами, явление метонимии реализуется в рамках фрейма (одного домена), между обязательными элементами которого устанавливается связь.

Такая метонимия на основе актуализации различных элементов фрейма (сценария) системно представлена в межъязыковых корреляциях, когда одна денотативная ситуация (фрейм) представлена через различные, но неслучайно связанные признаки. Исследователи в связи с этим принимают понятие межъязыковой метонимии, если понимать метонимию как в большей степени когнитивный процесс, а не чисто языковой (как метафора).

Фреймовый анализ в описании использования артикля

Именно фреймовый анализ позволяет, например, описать употребление артикля в английском (и не только) языке, а именно задать фрейм и, выявив неслучайные для данного фрейма объекты, в единственном числе, без предупомянутости и др. использовать обозначение обязательного слота с определенным артиклем. Как представляется, ЯКМ в данном случае если и «участвует» в выборе артикля, она не производит когнитивную операцию выбора артикля. Ср. ситуацию студенческой аудитории, обязательными компонентами которой являются пол, потолок, окно(-а), устройства технического оснащения аудитории: компьютер, проектор, пульта управления, и др. Человек как физическая сущность имеет голову (в ней субфреймы нос, лицо, лоб, рот, волосы, подбородок и пр., но не горб или родинка – горбун, напротив, имеет горб как обязательный элемент, или бородач – бороду, усатый – усы и др.). Органы человека – кишечник, желудок, пищевод, селезенка и др. также мыслятся автоматически как обязательные элементы фрейма, например в ситуации полостной операции или определения анамнеза больного с жалобами на боли в животе.

Фрейм *авиаперелет* (фактически это сценарий, или динамический фрейм) имеет свои обязательные компоненты – салон самолета, питание, билет, регистрацию на рейс и др.

Таким образом, такие неслучайные слоты фрейма и составляют основу фреймовой структуры знания, которая затем эксплицируется в языке. В языке получают экспликацию прежде всего релевантные для данного лингвокультурного фрейма салиентные слоты: исследователи обращают внимание на то, что, например, для персонала больницы информация о заболеваниях пациента в норме более релевантна, чем прочие его свойства (“to the personnel in a hospital information about a patient’s ailments is in general more relevant than other attributes” [21, p. 12]), это становится наиболее важным элементом (“most salient element” [21, p. 20]). Следует обратить внимание на то, что в фокус коммуникации может помещаться вполне факультативный компонент, который создает новый фрейм: например, фрейм «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЕШКОМ» при его реализации хромым индивидом помещает в фокус (salience) хромоту при перемещении.

Подчеркнем, что фрейм отражает данную ситуацию объективно, хотя и содержит некоторое селективное знание о ситуации, он пропускает ее через (языковое) восприятие и языковую презентацию.

Таким образом, имплицуемая неслучайная связь объектов в рамках фрейма обуславливает использование говорящим определенного артикля с обозначениями объектов, являющихся обязательными и – часто – единственными в данной ситуации.

Иными словами, говоря о фреймовой структуре знания и формировании фреймов, говорящий вычленяет салиентную для целей коммуникации селективную информацию на основе знаний об актуальном для него в данный момент фрагменте действительности, акцентируя когнитивный процесс выбора, и далее облакает ее в виде фрагмента ЯКМ. Это означает, что при выборе вектора анализа исследователь, следуя онтологическому принципу, через интерпретацию мира идет от содержания к форме или может идти практически по пути семасиологического подхода от формы (сложившейся ЯКМ с ее способами отражения реального мира, также селективно национально организованной).

Заключение

Активно разрабатываемые в современной лингвистике сходные методологические инструменты – ЯКМ и теория фреймов, как показывает специальный анализ, действительно вскрывают значимые для интерпретации языковых явлений когнитивные механизмы и значительно совпадают, но отличны по своим познавательным установкам, что по всей видимости позволяет считать их взаимоисключающими исследовательскими представлениями в том смысле, что введение одного из них означает выбор исследовательской перспективы и не предполагает симбиоз перспектив. Иными словами, исследователь работает либо в рамках одной из данных теорий, либо в другой. Перспективу анализа соотносимых, но не тождественных методологических установок может составить изучение иных системных корреляций, например, теории поля, разрабатываемой на основе отечественной и в целом европейской исследовательской традиции, с теорией прототипов Э. Рош [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / ред. Ю.С. Степанов. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
2. **Weisgerber J.L.** Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. 170 S.
3. **Jackendoff R.** Semantics and cognition. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 283 p.
4. **Рахилина Е.В.** Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. С. 370–390.
5. **Rosch E., Lloyd V.B.** Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
6. **Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.** Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.
7. **Ван Чжицян, Дашинимаева П.П.** Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
8. **Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
9. **Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.
10. **Давыдова М.М.** Роль фрейма при интерпретации эллиптических высказываний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 6 (132). С. 149–153.
11. **Болдырев Н.Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
12. **Шмелева Е.С.** Фреймовые модели каламбура в интернет-мемах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 173–183.
13. **Хантимиров С.М.** Фреймовый анализ семантики немецких глаголов слуха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1843–1848. DOI: 10.30853/phil20230294.
14. **Беляевская Е.Г.** Фрейм? Фрейм... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17–24.
15. **Сорокина Т.С.** Событийный фрейм как когнитивная схема метафоризации (на материале английских результативных и нерезультативных конструкций) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3 (871). С. 123–128. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123
16. **Болдырев Н.Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

17. **Водяницкая А.А.** Лингвистическая аксиология академического дискурса в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 157–161.
18. **Селиверстова О.Н.** Труды по семантике. М.: Языки славянских культур, 2004. 960 с.
19. **Сулейманова О.А.** Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20, № 2. С. 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208.
20. **Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н.** Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 87–92.
21. **Panther K.U., Radden G.** Metonymy in Language and Thought. Amsterdam: John Benjamins, 1999. 410 p.
22. **Сулейманова О.А.** Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений // Вестник ЗКГУ. 2013. № 4 (52). С. 162–168.

REFERENCES

- [1] **Kubryakova Ye.S.**, Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (experience of paradigm analysis)], Yazyk i nauka kontsa 20 veka [Language and science at the end of the 20th century, a collection of articles, ed. by Yu.S. Stepanov, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 1995, pp. 144–238.
- [2] **Weisgerber J.L.**, Muttersprache und Geistesbildung, Vandenhoeck & Ruprecht, G ttingen, 1929.
- [3] **Jackendoff R.**, Semantics and cognition, MIT Press, Cambridge, MA, 1983.
- [4] **Rakhilina Ye.V.**, Osnovnyye idei kognitivnoy semantiki [The main ideas of cognitive semantics], Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamentalnyye napravleniya [Modern american linguistics: fundamental directions], URSS, Moscow, 2002, pp. 370–390.
- [5] **Rosch E., Lloyd B.B.**, Principles of Categorization, Cognition and Categorization, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, 1978, pp. 27–48.
- [6] **Boldyrev N.N., Grigoryeva V.S.**, Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse [Dominant principle and integrativity of speech interaction format in dialogic discourse], Print-Servis, Tambov, 2020.
- [7] **Van Chzhitsyan, Dashinimayeva P.P.**, Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization?, Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20 (2) (2022) 29–40. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
- [8] **Fillmore Ch.**, Frames and the semantics of understanding, Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics], 23, Kognitivnyye aspekty yazyka [Cognitive aspects of language], Progress, Moscow, 1988, pp. 52–92.
- [9] **Minsky M.**, Jokes and the logic of the cognitive unconscious, Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics], 23, Kognitivnyye aspekty yazyka [Cognitive aspects of language], Progress, Moscow, 1988, pp. 281–309.
- [10] **Davydova M.M.**, The role of frame in the interpretation of elliptical utterances, Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics, 6 (132) (2021) 149–153.
- [11] **Boldyrev N.N.**, Language and the System of Knowledge, A Cognitive Theory of Language, LRC Publishing House, Moscow, 2018.
- [12] **Shmeleva Ye.S.**, Pun-forming frame models in internet memes, Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (838) (2020) 173–183.
- [13] **Khantimirov S.M.**, Frame analysis of the semantics of German verbs of hearing, Philology. Theory & Practice, 16 (6) (2023) 1843–1848. DOI: 10.30853/phil20230294
- [14] **Belyayevskaya Ye.G.**, Frame? Frame... Frame!, Cognitive Studies of Language, 4 (47) (2021) 17–24.
- [15] **Sorokina T.S.**, Event Frame as Cognitive Schema of Metaphorisation (English resultative and non-resultative constructions), Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (871) (2023) 123–128. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123
- [16] **Boldyrev N.N.**, The conceptual space of cognitive linguistics, Issues of Cognitive Linguistics, 1 (2004) 18–36.

[17] **Vodyanitskaya A.A.**, Lingvisticheskaya aksiologiya akademicheskogo diskursa v svete kognitivno-diskursivnoy paradigmy [Linguistic axiology in the framework of cognitive approach], *aniya yazyka, Cognitive Studies of Language*, 3 (50) (2022) 157–161.

[18] **Seliverstova O.N.**, Trudy po semantike [Works on semantics], *Languages of Slavic Cultures*, Moscow, 2004.

[19] **Suleymanova O.A.**, Category of definiteness in cognitive framing in the use of English definite article, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20 (2) (2023) 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208

[20] **Suleymanova O.A., Beklemesheva N.N.**, Osnovy yazykovoy kategorizatsii mira: prostranstvo, vremya, prichinnost i printsip nesluchaynoy svyazi [The rationale of the worlds categorization in the language: space, time, reason and the principle of nonrandom links], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University]*, 3 (2009) 87–92.

[21] **Panther K.U., Radden G.**, *Metonymy in Language and Thought*, John Benjamins, Amsterdam, 1999.

[22] **Suleymanova O.A.**, Frame structure of knowledge as a basis for linguistic decisions, *Bulletin WKSU*, 4 (52) (2013) 162–168.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Olga A. Suleimanova

E-mail: SouleimanovaOA@mgpu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

Соколова Ангелина Вячеславовна

Angelina V. Sokolova

E-mail: Angelina.V.Sokolova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5855-7408>

Поступила: 15.10.2024; Одобрена: 30.11.2024; Принята: 06.12.2024.

Submitted: 15.10.2024; Approved: 30.11.2024; Accepted: 06.12.2024.